

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ

№ 3 (58) Сентябрь – декабрь

Литературный фонд
«Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2025

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ № 3 (58)
Литературно-публицистический журнал

Редакторат:

Дмитрий Мизгулин (Санкт-Петербург) – председатель
Валентина Рыбакова (Санкт-Петербург) – главный редактор
Андрей Шацков (Москва) – креативный редактор
Анастасия Евменова – художественный редактор

Редакционная коллегия:

Юрий Козлов (Санкт-Петербург) – председатель
Марианна Дударева (Иваново)
Мария Инге-Вечтомова (Санкт-Петербург)
Кирилл Козлов (Санкт-Петербург)
Елена Крюкова (Нижний Новгород)
Николай Рачков (Санкт-Петербург)

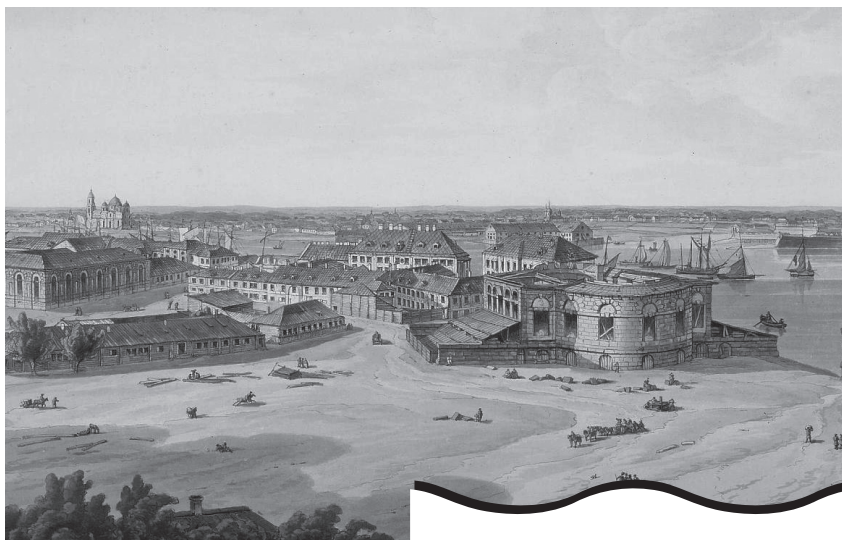
В проекте принимают участие:

Рената Платэ (Санкт-Петербург)
Нина Симонова (Санкт-Петербург)
Оксана Шейкина (Овстуг, Брянская обл.)
Светлана Этигон (Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-906708-81-6

Некоммерческое благотворительное издание выпущено при поддержке литературного фонда «Дорога жизни». Авторский коллектив благодарит Президента фонда Мизгулина Дмитрия Александровича за поддержку творчества членов Союза писателей России и молодых литераторов Санкт-Петербурга и России.

Внимание: редакция не всегда и не во всём разделяет точку зрения авторов опубликованных произведений. Приносим извинения всем, посчитавшим себя обиженными, униженными или оскорблёнными.

Типография «Эталон»

Санкт-Петербург
2025

ПОЭЗИЯ

Николай БОРСКИЙ.....	113
Екатерина ГРОМОВА.....	129
Юрий ИНГЕ.....	6
Борис ЛУКИН.....	34
Ярослав МАЛЬЦЕВ.....	98
Дмитрий МИЗГУЛИН.....	46
Сергей ПЕРУНОВ.....	132
Андрей РОМАНОВ.....	92
Андрей ШАЦКОВ.....	61
Алексей ШИХАЛЁВ.....	100

ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ

Доброволец Алёхин

Рассказ.....	17
--------------	----

Елена ВЕЧТОМОВА

«Счастью твоему и моему...»

(из воспоминаний о Юрии Инге).....	13
------------------------------------	----

Илья КРИШТУЛ

Люди, собаки, кошки

Юмористическая миниатюра.....	137
-------------------------------	-----

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Король мебели

Роман.....	67
------------	----

Григорий ПАПЕРИН

Шелковица

Рассказ.....	104
--------------	-----

Николай ТРОПНИКОВ

Гармонь

Рассказ.....	40
--------------	----

КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА

«Просто это время снегопада...» 53

Вячеслав ОВСЯННИКОВ

Последний венец Веневитинова 119

КРАЕВЕДЕНИЕ

Нина СИМОНОВА

Вечная память Герою Советского Союза
краснозорьцу Алексею Григорьеву..... 140

Евгений ЧИРИКОВ

Музей во славу Руси 147

СОБЫТИЯ..... 153

ПОЭЗИЯ

К 120-ЛЕТИЮ ПОЭТА

Юрий ИНГЕ*

СЛАВА БАЛТИЙЦЕВ – ОНА НА ВЕКА

* * *

Я думал, что тебя узнаю
По заповедному кольцу,
Но понял – ты совсем иная,
Сойдясь с тобой лицом к лицу.

Как шёл загар к твоей матроске
Оттенка вспененной волны,
А губ пунцовые полоски,
Наверно, были солоньки.

* Юрий Алексеевич Инге (1905–1941) родился в Стрельне, начинал как поэт в журнале «Резец». Корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот» погиб вместе с ледоколом «Кришьянис Валдемарс» 28 августа 1941 года при Таллинском прорыве Краснознамённого Балтийского флота. Фото: Инге на Неве, начало 1930 годов.

Ну как не полюбить такую,
 Забыв заветные мечты,
 Смотреть на море, ждать, тоскуя,
 Не ощущая пустоты.

И, торопясь к волнам зелёным,
 На узкий петергофский мыс,
 Я знаю – ты подходишь к бонам,
 С высокой мачты глядя вниз.

Я рад найти тебя иною,
 Ловящей брызги над кормой...
 Так в жизни самое земное
 Прекрасной властвует мечтой.

1939 г. Кронштадт

ПОГРАНЗАСТАВА

Зелёные тесовые ворота
 И домики стандартные из брёвен;
 Здесь бег минут стремительно неровен
 И отдых караульного короток.

Здесь бор таит суровое величье,
 И кажутся таинственными ели,
 И пенье чьё-то слышно еле-еле, –
 Не угадать – людское или птичье?

Покинешь эти чащи и поляну,
 А в памяти всё ярче и дороже
 Трава и мох протоптанных дорожек
 К поросшему брусникою кургану.

Сюда приходят жёны начсостава
 Курган украсить ветками простыми,
 Цветы кувшинок посылает с ними
 Морская пограничная застава.

Здесь белые когда-то побывали,
И наш комдив был тут замучен подло,
Здесь коммунистов связывали по два
И в безоружных пачками стреляли.

Здесь служат люди, видевшие это,
Здесь наш рубеж, омытый братской кровью...
Молчит застава. Люди наготове,
И время приближается к рассвету.

И знали все на тихом полустанке,
Что будет день – последний день заставы.
Он наступил, и с воинскою славой
Прошли рубеж стремительные танки.

Пусть в памяти навеки сохранится,
Как был убит на берегу залива
Отважный сын покойного комдива
В тот день, когда мы перешли границу.

А поутру его похоронили,
И полк стоял у гроба по уставу.
Мы не забудем старую заставу
И поколенья, спящие в могиле!

1940 г. Кронштадт

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Я стал очевидцем того героизма,
Которым гордился семнадцатый год,
Я видел приборов замёрзшие призмы
И флот, уходивший в ледовый поход.

Бушлатов и шуб отвердевшие полы,
Облепленный снегом и льдом дальномер...
Пять суток не спал пулемётчик весёлый,
И всех увлекал его личный пример.

Чуть слышно хрипели гудки и сирены
 И лопались тонкие струны антенн,
 Борта кораблей содрогались от крена,
 Но не было страха у вахтенных смен.

У флота почётное Красное знамя, –
 И скажет, гордясь, комсомольцев семья:
 «Ледовый поход был проделан отцами,
 А этот поход провели сыновья!»

До службы на флоте на мирных рыбалках
 По взморью водили они каюки,
 Так пусть же с листовкой времён Центробалта
 Музей сохранит боевые листки.

В ней клятвой писали горячее слово
 Минёр, политрук, краснофлотец и кок:
 «К боям до последнего вздоха готовы,
 Противник получит наглядный урок!»

Года пролетят, мы состаримся с ними,
 Но слава балтийцев – она на века.
 И счастлив я тем, что прочтут моё имя
 Среди выцветших строк боевого листка.

1940 г. Кронштадт

ЭСМИНЦЫ УХОДЯТ В ПОХОД

Сегодня эсминцы уходят в поход, –
 Прощай, дорогая подруга!
 Сквозь шторм и туманы,
 Сквозь стужу и лёд
 Ударим с востока и юга.

На острове Сескар светлы маяки,
 Их стёкла прочищены нами,

Тут славно работали наши штыки
И бомбы рвались над волнами.

Как долго пришлось нам до этого дня
В Кронштадте стоять на приколе,
Пополнив запас боевого огня,
Прошли мы сквозь минное поле.

Сегодня эсминцы уходят в поход, –
Не плачь, дорогая подруга!
Когда краснофлотцам прикажут – вперёд,
То встречным приходится туго.

Повсюду морской артиллерии гром, –
Кто хочет гостинца – отведай!
В Кронштадтскую гавань мы скоро придём,
Комфлот нас поздравит с победой.

Нас девушки будут, как водится, ждать
В аллеях Петровского парка,
И мы им расскажем, что было опять
В сраженье достаточно жарко.

Сегодня эсминцы уходят в поход, –
Ну, что ж, до свиданья, подруга!
Как наша эскадра врага разобьёт –
Увидят Кронштадт и Усть-Луга.

Ракета взлетела над строем судов,
Прислуга стоит по уставу,
Огонь и осколки бетонных фортов
Взлетели и слева и справа.

Отбой. Всё утихло в тумане густом,
Опять корабли на рогадке,
И радостно нам говорит военком:
«Теперь отдыхайте, ребятки!»

Тяжёлые веки слипались у нас,
 Но быстро закончился отдых, –
 Военное время и новый приказ
 Флотилии флагманом отдан.

И снова эсминцы уходят в поход,
 И снова не спят краснофлотцы.
 Подруга, увидимся, – время придёт,
 И песня иная споётся.

1939 г. Кронштадт

ПОРОХ

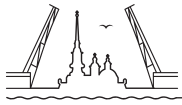
Придёт пора: заплесневеет порох,
 Исчезнут деньги – зависти исток,
 Исчезнут даже люди, для которых
 Придуман смертоносный порошок.

Наступит день, и мой великий правнук
 Закончит дело, начатое мной,
 И наших дней торжественную правду
 Он назовёт последнею войной.

Не зная, как на поле битвы горек
 Вкус бьющей горлом крови и слюны,
 Он подойдёт бесстрастно, как историк,
 К неповторимым ужасам войны.

Всё это взяв частицей пережня,
 На коем мир спокойствие воздвиг,
 Он всё, сегодня созданное мною,
 Использует как первый черновик.

Наступит день: и труд мой, как основа,
 Понадобится будущим векам,
 Я мысль свою, завёрстанную в слово,
 Как эстафету в беге передам.

Двадцатый век идёт в военных сборах,
С оружием мы на рубежах стоим...
Придёт пора... Но нынче нужен порох.
Сегодня он ещё необходим.

1941г.

ПУБЛИЦИСТИКА

Елена ВЕЧТОМОВА*

«СЧАСТЬЮ ТВОЕМУ И МОЕМУ...»

(из воспоминаний о Юрии Инге)

Помню, каким непосредственным человеком был Юрий. Как-то весной ехали мы в трамвае. Увидели девушку, продающую фиалки. Первые! Юрий на ходу спрыгнул с трамвая, купил букетик, догнал трамвай, вскочил на площадку и вручил мне. Всё это было в его духе – порывистость, лёгкость. Он постоянно увлекал меня в «тематические прогулки». То мы шли к Чёрной речке на место дуэли Пушкина. До войны это была окраина. Или разыскивали дом Раскольниковца. Или Пиковой дамы. Но по большей части это были места не литературные – искали, где была стачка, куда выходили демонстранты, где стояли декабристы, ведь на том месте разросся Александровский сад – у Адмиралтейства. Обсуждали, где собирались демонстранты у Казанского собора. Ездили на Аптекарский остров.

* Вечтомова, Елена Андреевна (1908–1989) – русская советская писательница, поэтесса и прозаик, журналистка. Мать генетика академика Сергея Инге-Вечтомова. Жена поэта, прозаика, моряка, журналиста, историка Юрия Инге.

Сыну было несколько месяцев, когда Юрий вдруг брал телефонную трубку и, фантазируя, сообщал мне: «Представь, родители соседского Сашки жалуются, что наш Серёжка подрался с их сыном!»

Когда Серёжа стал ходить, Юрий любил гулять с ним. Приносил его и в редакцию. Ему хотелось стать лучше, безупречней, он как бы чувствовал ответственность перед сыном. Тогда он написал:

Когда сынишке стукнет двадцать
(Хочу дожить до этих пор),
Наступит время поругаться
И вольнодумству дать отпор.

Мы разойдёмся в точках зренья,
И он заявит: «Не поймёшь!»
Когда подобным самомнением
Не обладала молодёжь?

Я сам, ещё не кончив школу,
С отцом чурался рассуждать,
Прочёл тайком «Вопросы пола»
И думал: где ему понять!..

Однако по иным причинам
Я в этом чванстве вижу рост,
И в неизбежном споре с сыном
Я окажусь и стар и прост.

А он, – ну да, умён с излишком
(Пускай, ведь я ему не враг),
И если он, как все мальчишки,
Поспорит, – значит, не дурак.

Мы часто спорили с Юрием, но только не по вопросам воспитания. У него я научилась поступать так, чтобы сын никогда не чувствовал, что в нём вся моя жизнь. Даже в блокаду я старалась не дать ему понять, что почти вся еда идет ему, а позже, когда

он стал подростком, чтобы не понял, как я боюсь за него, старалась сделать его самостоятельным, отпускала в дальние поездки одного...

«Колыбельная», посвящённая сыну Сергею, написана была Юрием за три года до рождения мальчика. Поэтому в некоторых изданиях под этими стихами стоят две даты: «1936», когда «Колыбельная» написана, и «1939», когда сын появился на свет.

Самым большим грехом перед Серёжей я считала то, что не эвакуировала его из блокадного Ленинграда. И самой большой наградой за все чудовищные испытания в те годы прозвучали слова сына на юбилейном вечере Юрия. Он, как всегда по-отцовски несколько ироничный, сказал: «Я благодарен матери за то, что она не уехала из блокадного Ленинграда и не увезла меня (я ей этого никогда не говорил)... этим я приобщился к судьбе отца и через него к судьбе всего народа (простите за высокие слова), а такое всегда обязывает».

Вот что должен был бы услышать Юрий! Он так хотел, пусть нелёгкой, но настоящей судьбы для сына.

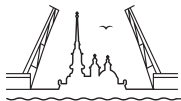
КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Сергею

Вся столица спит давно,
Ночь пути завьюжила,
И морозное окно
В серебристых кружевах.

Спи спокойно, мой сынок,
Шороха не слушая,
Спит давно без задних ног
Медвежонок плюшевый.

Я спою тебе, дружок,
Песнь тебе доверю я,
Как среди больших дорог
Мчалась кавалерия.

Ты не бойся... Я с тобой...
Ночи были жуткими,
Стычка утром, в полночь бой,
Мы не спали сутками.

И теперь, в ночную тишь,
Как же мне не вспомнить их,
Если ты спокойно спишь
В нашей мирной комнате.

Не подпустим мы врага
И на выстрел пушечный,
Ну, так спи, сынок, пока
С саблей игрушечной.

А ударит гром опять,
Вспомнишь ты, как пели мы,
Да и сам не будешь спать:
Целыми неделями.

Вьюга лёгкая, кружись,
Вьюга-перелётчица.
За окном такая жизнь,
Что и спать не хочется.

За окном такая тишь...
Спи, меня не слушая,
Моя гордость, мой малыш,
Медвежонок плюшевый!

1936

ПРОЗА

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ*

ДОБРОВОЛЕЦ АЛЁХИН

1

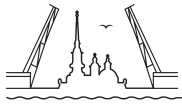
– Значит, вы хотите участвовать в СВО? – сухо спросил военком Овчаров у старика, вошедшего в кабинет после того, как его покинули юноши призывного возраста. – Или морочите нас?

Он повёл массивной, в шапке седых волос головой в сторону сидевшей за столом комиссии. У «приемщиков» на ответственных лицах блуждали усталые от принятых решений улыбки, ухмылки, усмешки. Эти люди с весны 2022-го года привыкли ко всему, что может являть человек перед ними: к смелости, лжи и браваре... Они насквозь видели трусов, глупцов и юродивых. Да мало ль различий в натурах людей, отправляемых к «доблестям, подвигам, славе», а может быть – и на погибель.

– Так точно, товарищ полковник! Хочу участвовать в специальной военной операции по освобождению Донбасса от бан-

---

* Александров, Геннадий Николаевич (род. 18.04.1956) – поэт, прозаик, краевед. Член Союза писателей России с 2001 года.

деревцев! – чётко, словно рапорт, прозвучал ответ. И голос сказавшего это был хрипловат, но твёрд.

Военком сжевал усмешку, постучал по столу красным карандашом, которым по образцу «отца народов» решал судьбы призывников на пока что свободной от штампов бумаге. Компьютер – потом, как итог.

– Сколько вам лет, уважаемый?

– Семьдесят.

Один из комиссии крикнул, другой хохотнул, третья pokrутила головой, и все смотрели на новобранца как на чёрно-белый фильм в эпоху цветного кино. Перед ними стоял, слегка расставив ноги, кряжистый, широкоплечий старик, с пожилым лицом, с белым пушком на висках и голым теменем, блестящим под люстрой. В его глазах жило волнение.

– Как вас зовут и как вы попали сюда? – выждав, пока комиссия спрячет эмоции, спросил Овчаров.

– Василий Иванович Алёхин, – представился старик. – А прошёл я по этому документу.

Он вынул из накладного кармана рубашки военный билет с гербом СССР на красном фоне.

– Сказал дежурному, что иду к вам, товарищ полковник, для оказания помощи армии. Дело святое, отказывать грех: может, деньги несу – вы дежурного не вините.

В кабинете загустела тишина. Лишь за окном слышались голоса птиц, радующихся тёплому дню, цветущим жасминам и пышной июньской траве.

Старик смотрел ясным взглядом на членов комиссии: за длинным столом сидели пять мужчин и три женщины. Одну он знал: Колотухина из горсобеса, был у неё на приёме по ветеранским льготам. Во время неловкой паузы военком искал выход из ситуации, и все его ждали. Заместитель мэра по соцвопросам думал, что неплохо бы призвать этого Василия Ивановича, которого он про себя назвал Чапаевым, хотя ничего похожего на легендарного комдива, кроме имени и отчества, у старика не было. «Он нам для отчётности не помешает, – думал чиновник. – И факт патриотизма... Как пример другим...». Майор полиции мыслил так: «Вчера этот перец поругался с бабкой, и сегодня назло ей решил сбежать на фронт. Кибальчиш хренов...».

– Что у вас со здоровьем? – спросила главный врач комиссии Садовая. – Хронические заболевания? Операции?

Алехин, вынув из пакета медицинскую книгу, толстую, как фолиант, доложил:

– Гипертония и сахарный диабет второй степени, шесть операций: четыре на желудочно-кишечном тракте и две – эндопротезирование тазобедренных суставов.

– Инвалидность есть?

– Да, третья группа, бессрочная.

Напряжение ушло с лица военкома, его место заняла вежливая улыбка.

– Василий Иванович, – мягко сказал он без тени насмешки. – Дайте мне посмотреть ваш военный билет.

Взяв протянутую стариком красную книжицу, полковник почему-то понюхал её, как будто она хранила дорогой ему запах советского прошлого, и начал листать.

– Та-ак... Тысяча девятьсот пятьдесят пятого года ... Верно, семьдесят... Место рождения – Суджа... Понятно... «Мне отмщение, и аз воздам»?.. Служил срочную на Дальнем Востоке с семьдесят третьего по семьдесят пятый... Старший сержант ВВС... Ого! Техник реактивного самолёта! Это должность прапорщика или, по крайней мере, сверхсрочника! А вам было двадцать лет... Как это?

– С отличием окончил школу младших авиаспецов, – ответил Алехин. – Чешский Л-29 знал от фонаря до киля, каждый закрылок и элерон, провожал офицеров в патруль над границей с Китаем – там было тревожно. Имел благодарности, фото у знамени части и бронзовый знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

Однако на членов комиссии былые заслуги Василия Ивановича впечатления не произвели: его инвалидность поставила крест на призыве. Старик был последним и неожиданным добровольцем вне списка, так что все, торопясь выйти из душного кабинета на свежий воздух, складывали в сумки и портфели бумаги и ручки. Ждали решающих слов военкома. Но Овчаров не торопился. Он спросил у старика:

– А что бы вы смогли делать в ходе СВО? Присядьте, в ногах правды нет.

Вот этого военная приёмка не ждала.

– Товарищ военком, нам, может быть, уйти? – спросила врач Садовая. – Мне дела оформлять, другие тоже спешат на работу...

– Я не внёс предложения по добровольцу, – строго сказал Овчаров. – Работа, – он подчеркнул, – работа комиссии продолжается!

Все возвратили сумки и портфели на свои места.

– Так чем вы можете быть полезным Российской армии? – повторил вопрос военком.

Усевшись на подставленный стул, Василий Иванович стал перечислять, загибая пальцы:

– Первое: могу заправлять боевую технику. Шланг опустить в бензобак, масло проверить, давление воздуха – дело нехитрое. Второе: готовить солдатскую пищу. Моя покойная супруга за сорок лет совместной жизни доверяла мне супы с борщами. Третье: хорошо играю на баяне и пою. Если хотите, продемонстрирую: у меня дома есть баян, живу недалеко.

– Ну, это на боевых позициях не пригодится, – сказала Колотухина, нервно поглядывая на часы. – Там пули поют и снаряды играют.

Алёхин возразил:

– А как же Василий Тёркин?

– Это когда было?!

– Это всегда надо!

Поняв, что странный по общим меркам «Чапаев» всё же может стать единицей отчёта, заместитель мэра предложил:

– А давайте-ка, уважаемый Василий Иванович, выступите перед призывной молодёжью и расскажете о своей патриотической позиции. Мы организуем встречу с «Движением Первых» и юнармейцами, когда вам будет удобно. Сейчас дети в лагерях отдыха, так что в самый раз. Молодёжь у нас общается с участниками СВО, думаю, и с вами ей будет интересно. Так сказать, представители разных поколений защитников Отечества!

Но тут военком категорично встал, впечатав в стол железную ладонь.

– Всё на сегодня! Мы продолжим разговор с добровольцем у меня.

Члены комиссии быстро покинули кабинет. И только чиновник задержался, чтобы уточнить:

- Что мне сказать мэру насчёт Алёхина?
 Он подмигнул «Чапаю».
 – Пока оставляю в резерве, – сказал Овчаров. – Завтра сам сообщу.

2

В кабинете военкома не было излишеств. Два стола буквой «Т», с десяток жёстких стульев, старый сервант, черный сейф и фотография Путина. Ни грамот в рамках, ни каких-либо батальных сцен и карт. На пластиковых подоконниках три кактуса, залитых кофейной гущей. Когда полковник предложил Алёхину чаю и открыл дверцу серванта, там мелькнул портрет Сталина в сером кителе.

Чайник затрясся в кипении, заклокотал. Выставив на стол белые кружки без рисунков, сахар, блюдечко с пакетиками и печеньем, военком протянул гостю ложку.

– Может, кофе заварить, Василий Иванович?

Алёхин положил ладонь на сердце.

– Ясно. А по пять капель?

– Это можно, – кивнул добровolec.

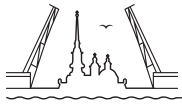
– Вот и славно. Водка – человек хороший: если умеешь общаться.

– Это точно, товарищ полковник, – согласился гость, удивлённый приёмом. «Как в сказку попал... – думал старик. – Что-то здесь не так... Или специально угощает – для развязки языка, или просто захотелось побалакать?»

– Сергей Ильич, – напомнил Овчаров старику своё имя-отчество. – Я вам не командир, и вы старше на десять лет – будем проще.

Тоста не сказали. Приподняли стопки, взглянули друг другу в глаза и выпили водку, как водку – слегка передёрнув губами. Чай был очень горяч – не запить, похрустели солёным печеньем. Слышно было, как за стеной с кем-то говорила по телефону секретарша, в ответ отдалённо звучал детский плач.

– Разбередили вы мне душу, Василий Иванович, – сказал военком. – Я тоже пошел бы на фронт, как когда-то просился в Афган. Это было при Андропове...

– Крепкий был лидер, – произнёс Алёхин. – При нём Союз не развалился бы.

Два человека советской эпохи говорили, взвешивая каждое слово. Время такое, что не сразу и скажешь, кто друг, а кто враг. Слова – как воробьи: по ним из пушек палят.

– Расскажите о себе, – попросил военком. – Случай для нашего городка не рядовой: инвалид в семьдесят лет просится в СВО. Есть время? У меня час работы, гостиница, ужин... Я здесь, а семья в Курске, сто вёрст в один край. К тому же военные сборы, тревоги... Езжу к своим, когда выпадет.

– Мне некуда спешить, – сказал старик. – Три года вдовец, жена умерла от ковида, два сына с семьями живут в Сибири...

– Заняться нечем одному?

– Дела-то есть, – возразил Алёхин. – Просто... неуютно стало, неловко, что ли, жить... Поливаю на днях купоросом помидоры, чтобы не чернели, а сам вспоминаю Суджу, больного отца – его немцы угнали в Германию в пятнадцать лет... Он там на бауэра спину гнул, и фриц его бил, как раба... Ветераны нам, школьникам, рассказывали про оккупантов такое, что кулаки сжимались. А нынче бандеровцы... Где я в детстве с друзьями играл и где с дивчинами целовался, теперь воздух не тот, и разруха... Люди гибнут, Сергей Ильич, наши, русские, люди, а тут – помидоры чернеют! Да хрен с ними, с помидорами! Бросил поливать, ушёл. Потом, правда, вернулся. Подумал: нажму из помидоров сока, закатаю в банки и отправлю солдатам.

– Понимаю, – кивнул военком. – Я тоже тоскую... Раньше на рыбалку и охоту вырывался, и душа природе радовалась. Идёшь на зорьке вдоль реки, и хочется петь и свистать вместе с птицами. А нынче... Взял в конце марта ружьецо, отправился на зорьке за Копенское озеро, на Орловщине селезней пострелять. Тут как раз аисты стали слетаться в деревни к гнездовьям, над рыбхозом бакланы и чайки планируют, ищут мальков. А мне всё кажется, что это беспилотники несут «начинку», и вскидываю стволы...

Старик продолжил с растущим негодованием:

– В телевизоре на одном канале война и смерть; на другом – праздники в золоте, в масках и перьях. Ладно бы девки, а то – мужики. Тьфу! Дым из трубок на сцене: как будто они в облаках и в раю без штанов. А у меня в глазах дым от горячей

машины, в ней мой двоюродный Пашка с семьёй – не успели бежать из ада... И так мне хочется взять толстый дрын, вскочить в экран и гнать весь этот маскарад на Божий суд – под Суджу.

– Я сам негодую, – сказал военком, наливая в стопки водку. Отсутствие серьёзной закуски ни его, ни гостя не смущало – их волновала общая тема. Так старики в больнице говорят о своих хворобах. – Давай, Василий Иванович, за наших воинов!

– Давай, Сергей Ильич!

Они перешли на «ты».

Водка кончилась, в военкомате не осталось больше ничего, кроме них и дежурного прапорщика. Овчаров произнёс задумчиво:

– Так что же мне с тобой делать, товарищ бывший техник Л-29?..

Отринув лирику и риторику с патетикой, военком решал непростую задачу.

– В боевые части тебе нельзя – там надо иметь здоровье. Так что ни техником, ни механиком... Да ты, наверное, и забыл всё за полвека...

Старик, сощуриив глаза, стал чётко говорить: каков должен быть уровень АМГ – авиационного масла гидравлического, каков зазор в тормозных колодках шасси, сколько топлива и на какое время рассчитано в баках, как запустить двигатель до сто одного процента, доложить командиру о готовности «борта» к полёту, вынуть чеку из пиропатрона катапульты, закрыть фонарь... Полковник улыбнулся:

– Ну и память у тебя, Василий Иванович!

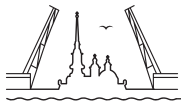
– Советская память, Сергей Ильич!

– Да-а, знали, умели... Значит, армию вспоминаешь?

– А как же! Ночные полёты! ВПП – как огненная река, и рулётки – её притоки; в небе звёзды лохматятся, мой серебристый 62-й «борт» сияет, пилоты взлетают по графику, из каждого сопла столбы огня – да разве забудешь! Иногда тянуло вернуться туда хоть на час, погладить дюраль своей «элочки»...

И светилось в глазах Алёхина столько восхищения, что Овчаров воскликнул:

Какой молодец, Василий Иванович! А почему не остался? Наверняка предлагали!

– Да... Любовь меня в Судже ждала. Одна на всю жизнь: моя Мария, Маша...

Полковник опустил седую голову. Наградные колодки на его мундире стали яркими в свете вечернего солнца.

– И мне вспоминается только хорошее, – сказал он, поглаживая крепкий подбородок. – Я артиллерист. Все орудия знаю, как ты свою «элочку». На учениях был среди лучших. Солдаты как старшего брата любили и слушались. Пять гарнизонов сменил и три округа. А когда здоровье подкачало, предложили в военкомат. Так что призываю и мобилизую... Бумаги, отчёты, планы, проверки... Легче вернуться к орудиям – моя душа там.

Он мечтательно помолчал, потом спросил:

– Слушай, Василий Иванович, как же нам быть? Ты компьютер знаешь?

– Нет.

– Значит, при штабе не нужен. А кем ты трудился?

– Учителем и баянистом. Днём – в школе, вечером – в клубе. Военком в задумчивости побарабанил пальцами по столу.

– Так, может, и правда, привлеку тебя беседовать с призывниками?

– Нет, политрук из меня никакой. Направь ближе к фронту, – сказал старик.

– Гм... А баянист ты хороший? По нотам играешь?

– По нотам – просто, – засмеялся доброволец. – Ноты – для сцены и классики. А сходу на слух подобрать, чтоб кому подыграть или спеть самому, не каждый сумеет. У меня слух и опыт!

– Как мне поверить? – спросил Овчаров. И предложил: – Приходи ко мне в гостиницу с баяном. Сыграешь, споём...

– Может, ты ко мне, Сергей Ильич? Я сейчас один.

Полковник недолго думал.

– А что? Пойдём!

На вахте военком предупредил дежурного, чтобы тот, если случится нечто экстренное, действовал по инструкции, указал, как положено, домашний адрес добровольца Алёхина – оказалось, это в пяти минутах ходьбы. Но объявились они в квартире Василия Ивановича позже – зашли в магазин.

В двух комнатах было пусто: в зале – посудная горка с раздвижными стёклами; коричневый шифоньер, из полуоткрытой дверцы которого выглядывали куртка и рубашки; раздвижной стол-книжка с пустой цветочной вазой и потёртый дерматиновый диван. В разных местах стояли несколько стульев из разных «коллекций»: от старинного венского до казённого школьного. В спальне вместо кровати тоже был диван, правда, современный, со съёмными подушками; на стене, напротив, висел плоский экран телевизора под ним на полках небольшого шкафчика лежали десятка три книг и стопка газет. Удивило полковника количество рамок с фотографиями: они висели по всему периметру стен, стояли на подоконниках, на прикроватной тумбочке. С портретов смотрели красивая женщина в разные годы жизни; улыбались или серьёзничали мальчики, парни, они же – взрослые – с жёнами и детьми. Были здесь и фото самого Алёхина, но не портреты, а коллективные: среди учеников, в центре хора, с баяном. Икон военком не увидел, зато на кухне висел портрет Ленина, и это понравилось Овчарову. Они не стали раздвигать стол-книжку, остались в маленькой, но уютной кухоньке с приборным шумом холодильника.

Быстро зашкварчала яичница на плите, в одну минуту была порезана колбаса, открылась банка с солёными огурцами, вынулась пробывшая десять минут в морозилке бутылка «Столичной». Что ещё надо двум мужчинам, родившимся в СССР, для душевной беседы!

– В какой момент пришла к тебе, Василий Иванович, мысль уйти на войну? – спросил после первой стопки военком. – Здесь тепло и уютно. Это сложно: уйти в твои годы в палатки, в землянки.

– Непросто, – кивнул Алёхин. – Думаешь, мальчишество? Я же не Ваня Солнцев, сын полка. Был молодым – строил БАМ, кошары под Джезказганом... После музучилища – море работы, семья... Прошел и Крым, и Рым, и жизнь ценю. Знаю: долго не смогу жить в окопах и даже в казармах – запросятся старые кости на отдых, и меня поймут. Сиднем сидеть в каптёрке и штопать чужую одежду, резать хлеб и масло в солдатской столовой – без меня охотники найдутся.

– Так зачем тебе всё это? – спросил с прищуром полковник.

– Точно мне, Сергей Ильич. Помнишь, у Твардовского? «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войн...но всё же, всё же, всё же...». Езжу на могилу жены, а там неподалёку наших парней хоронят. Десятки могил, над каждой флаг. Подойду, посмотрю – редко кто старше сорока, в основном пацаны. И так муторно на душе становится. Почему они там, а я здесь?

– Тебе семьдесят лет! Успокойся, Василий Иванович! – произнёс военком чуть повышенным тоном, словно урезонивая старика. – Я – ещё куда ни шло, в шестьдесят воевать можно, и если бы не язвы и камни, – он ткнул кулаком в живот, – был бы там, возле пушек. Но и без призыва никуда. Давай-ка выпьем ещё по одной и прекратим об этом. А то на пару махнём под Суджу и станем обузой для всех – два старых, больных идиота. Ты лучше здесь собирай вещи, продукты и отправляй солдатам, можно через меня. Это тоже участие в СВО. Или выступай перед призывниками, правильно тебе сказал заместитель мэра.

Василий Иванович рассеянно слушал гостя, но головой согласен не кивал, мысли его были в другом направлении.

– Вчера под Иркутском беспилотники объявились, где старший сын с семьёй живёт, – сказал он. – Неужели они от границ Украины долетели до самой Сибири?

– Их в фурах везли дальнобойщики, – поморщившись, ответил Овчаров, будто это был его недогляд. – Обманули всех. Много сволоты развелось. А что? Идею коммунизма осквернили, Ленина и Сталина оскорбили, – он кивнул на портрет вождя, – и теперь за деньги готовы не только родину продать – и ближних тоже. Выть хочется...

Но вдруг лицо полковника посветлело. Он провёл ладонью по копне волос, улыбнулся и, как недавно во время комиссии, хлопнул по столу так, что блюдца подскочили.

– Давай по третьей и spoём что-нибудь советское! А, Василий Иванович?

– Давай, Сергей Ильич!

Разлив остатки водки, военком и доброволец отставили в сторонку стопки – для «посошка». Алёхин сходил в зал за покоившимся в низу шифоньера баяном, и на ходу попробовал меха:

не склеились ли от долгого напрасного лежания. Ничего, разлепил со скрипом.

– С какой начнём? – спросил он, отставляя табуретки от стола, чтобы стало вольготнее пить и играть.

– Ты на Дальнем Востоке служил? Тогда давай «По долинам и по взгорьям».

И песня повела их сначала задумчиво, тихо, затем усиливаясь и вновь затихая, как будто шла она из-за гор и морей и несла с собой в мир правду о героях. И никому не нужны были какие-то споры о «белых» и «красных», о последней любви Колчака и стогревшем Лазо – это была задушевная песня о людях и вере в победу. При словах «наливались знамёна кумачом последних ран» поющие увидели перед собой могилы парней, павших в ходе СВО, и над ними – кумач. Когда песня стихла, полковник вытер слезу, приказал:

– «Трёх танкистов»!

Алёхин заиграл вступление, за которым жили «три танкиста, три весёлых друга – экипаж машины боевой!» И дальше – граница в тучах, самураи в ночи, грозная броня – всё это звучало громко и радостно. Потом был «дан приказ: ему на запад...», бился «в тесной печурке огонь...», ехали «по Берлину наши казаки» и плакал над могилой Прасковьи солдат с медалью «за город Будапешт». Много пели!

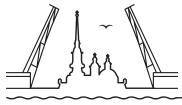
Наконец, военком приобнял старика за плечи и сказал:

– Василий Иванович, завтра в восемь ноль-ноль отправка призывников на сборный пункт в Курске. Приходи с баяном, проводишь ребят. Это моя к тебе личная просьба!

Это будет твой вклад в СВО.

– Непременно, – ответил Алёхин, протягивая полковнику стопку на «посошок».

По привычке последних лет Василий Иванович проснулся рано. Вчерашний день ему запомнился хорошим: он не был серым, проходным. Его появление перед призывной комиссией теперь показалось ребяческой проделкой, но это Алёхина не смущало.

Он не видел здесь ничего смешного и позорного. Пришёл и сказал то, что мучило его с начала СВО, особенно после кончины жены. Безысходная тоска, которую не могли исцелить телефонные разговоры с детьми и внуками, от вчерашнего поступка куда-то ушла. После встречи с военкомом он во что бы то ни стало хотел действовать. Да, прав полковник: бегать от дронов, прыгать в окопы при артобстреле с титановыми пластинами в ногах – мальчишество, его и на сутки не хватит. Что он плёл перед комиссией? Про самолёты? То, что было полвека назад, ушло без возврата. Скорее всего, Л-29 списали, да и лазить по крыльям и фюзеляжам ему не по силам. Просиживать штаны при штабе – тоже не его. А здесь...

Он попил крепкого чая, привёл себя в порядок: погладил рубашку, почистил туфли, подтянул брючный ремень, постоял перед зеркалом – Маша была бы довольна. Затем поднял футляр с баяном и шагнул за порог квартиры.

На улице было тепло и тихо. Солнце вошло в раж, объяло всё сущее на земле, и больше всех этому радовались птицы: пронзительно посвистывали синицы, довольно урчали голуби, приветственно кричали галки и вороны, и даже куда-то исчезающие воробьи и сороки оживляли этот оркестр чириканьем и треском. И вдруг всю эту музыку перекрыл тугой гул вертолёт. Железная стрекоза неспешно летала над городком, будто высматривая что-то. «Охраняют от беспилотников», – понял Алёхин. БПЛА, несущих смерть, развелось немало: каждый день по несколько раз объявляли тревогу, диктор вещал, куда надо бежать, где прятаться. Все привыкли к этим призывам, никто никуда не бежал, только было тоскливо от воя сирены. Вслед за вертолётom низко пролетел СУ-31. И в этой смешанной какофонии живых и железных птиц и сирены тревога нахлынула на Алёхина. Старик вдруг почувствовал: такое уже было давно, когда он ещё не родился, но что-то тяжёлое передалось по эфиру, а может, по генам родителей. Так оказало, объяло его волнение, что он остановился, поставил футляр с баяном на асфальт и несколько мгновений вслушивался в стук своего сердца. «Боже мой! Сегодня же двадцать второе июня, – вспомнил он. – Немцы бомбят Киев и Минск! В Бресте бои, скоро Молотов выступит!» Понимая рассудком, что «сегодня не сорок первый», Василий Иванович всё же соединил тот страшный день

с сегодняшним, и вышло, что они, должно быть, похожи. Суджа, его милая Суджа, где он так любил и любили его, где мама душевно пела под его музыку, где пышная зелень и дух старины, а девушки из Гончаровки и Низа прекрасны – теперь там и Брестская крепость, и маленький Сталинград. Его мысли вернулись к вчерашнему дню. «Хоть ненадолго туда попасть, помочь хоть чем-нибудь: накормить солдат, перевязать раненых...» – шептал ему горячий голос каждодневных размышлений и мучений. «Дорогу осилит идущий, а ты не дойдёшь, станешь только балластом», – резонно твердил другой голос.

Он пришёл к военкомату. Во дворе стоял готовый к отправке автобус. Сегодня увозили на призывной пункт в Курск «срочников». Эти ребята пройдут «карантин», примут присягу, попадут в части для получения военной специальности и через год, а может, чуть раньше вернутся домой, к мирной жизни. И всё же их мамы плачут: им страшно, враг рядом, и кто его знает, что может случиться с сынами.

Площадка перед военкоматом постепенно заполнилась призывниками и провожающими. Алёхин вспомнил свои проводы. Тогда, полвека назад, это был праздник: парни радовались, что здоровы и станут воинами; девчонки гордились ими и обещали писать и ждать; родители не могли наобниматься и нацеловаться с сыновьями и верили в их возвращение сильными, взрослыми. Ни капли горя! Песни, пляски под гармошку, выпивка тайком, смех и мечты о близких переменах в жизни – только к лучшему!

– Василий Иванович, зайди ко мне, – услышал Алёхин голос военкома. Полковник звал его из раскрытого окна кабинета. – Инструмент поставь в дежурке.

Они встретились как давние знакомые.

– Как последствия? – спросил Сергей Ильич. – Ладно, вижу: что огурец. И я в приподнятом. Задача такова: когда построим новобранцев, я их напутствую, того-сего, как обычно, о чести и отваге... А потом представлю тебя, как советского воина семидесятых, и ты скажешь пару слов и сыграешь парням какой-нибудь военный марш. Лучше всего – «Прощание славянки».

– Понятно, сделаем, – ответил Алёхин.

– Ты знаешь, какой нынче день?

– Да, начало войны.

– Можешь об этом сказать?

– Нет, ты военный, с медалями – так будет правильной.

– Что же... Пойдем!

Возле комнаты дежурного военком остановился и приказал объявить построение.

– Через динамик? – спросил дежурный.

– Не надо. У нас другой случай.

Они вышли на крыльцо. Сопровождающий автобус с новобранцами офицер громко произнёс:

– Призывникам построиться в одну шеренгу! Провожаящим находиться в десяти метрах.

Когда парни встали в ряд, Василий Иванович посчитал их – восемнадцать. Вспомнилось: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят». Он поспешил отогнать эту мысль, но осадок остался. Представил, кто из этих ребят останется в СВО навсегда. Они были примерно одного роста, кроме двухметрового малого с широким ртом, который, видно, редко закрывался, выставляя наружу крупные зубы. «Таким у нас в части был немец Ланг из Кустаная, – вспомнил Алёхин. – Ему двойную пайку еды давали. Непросто парню будет с его ростом». И, услышав фамилию длинного новобранца «Лангер», удивился. Почти все призывники постриглись и были похожи на домашних птенцов, гусят и утят, когда те высовываются из корзины смотреть на мир Божий: круглоголовые, большеглазые, с тонкими шеями, удивленные и возбужденные.

Военком предстал во всей красе, с медалями и орденом Красной Звезды вместо будничных колодок. Даже любящие поговорить ребята сомкнули рты, только Лангер раскрыл ещё шире. Полковник чётким шагом вышел к шеренге, scomандовал: «Равняйся! Смирно!» – и, довольный выполнением команд, воскликнул:

– Здравствуйте, призывники!

Вот этого парни не ожидали, или никто не учил их ответу. Один крикнул «здравия желаю», остальные вразнобой произнесли «здрасьте». Овчаров усмехнулся: – Ладно, научитесь. Кто я по званию?

– Полковник, – сказали парни, лишь Лангер крикнул: – Генерал!

Все рассмеялись, загомонили. Но когда военком стал говорить, настала тишина. Только слышно было, как всхлипывал кто-

то из провожающих да сигналили и урчали мобильники. Иные из родителей и девушки снимали провода на телефоны.

– Ребята, – сказал Сергей Ильич запросто, словно школьный учитель, – сегодня для вас начнётся другая жизнь. Вы станете частью великой Российской армии. Вы узнаете, что такое казарма, будете слушаться командиров, жить по чёткому распорядку, заниматься строевой, огневой и физической подготовкой. Каждый приобретёт военную специальность: кто-то станет артиллеристом, кто-то ракетчиком или танкистом... Главное – все вы станете защитниками Отечества. Держать в руках автомат и стрелять вас научат. И пусть это будет только учебное стрельбище. Год службы – это немного. Желаю вам всем возвращения целыми и невредимыми.

Он зачем-то снял фуражку, и лёгкий утренний ветерок растревожил седую шевелюру.

– И никогда не забывайте, что вы – россияне, будьте друг другу товарищами и друзьями. Один прутик легко сломать, но связку с ладонь толщиной – невозможно. Русские воины славны единством.

Ветерок усилился, и волосы на голове полковника стали беспорядочно виться в разные стороны. Однако никто не улыбнулся. Тёмные глаза комиссара блистали в солнечном свете, и был он похож на Тараса Бульбу перед боем с ляхами.

– Сегодняшним днём, двадцать второго июня сорок первого года, гитлеровская Германия с союзниками из Европы напала на нашу страну, – произнёс он. – Сейчас восемь часов утра. Идут бои на границе. За четыре года погибнут миллионы, но мы победим фашизм. История повторяется. Украинские националисты при поддержке той же Европы воюют против России. У нас немного союзников. Но есть лучшая в мире Российская армия!

Видно было, что полковник был намерен говорить дальше, однако в какой-то момент в голосе его что-то чуть надорвалось, он сделал паузу и закончил:

– Желаю всем отличной службы!

Затем военком представил Алёхина.

– Вчера на призыв прибыл доброволец Василий Иванович Алёхин. Ему семьдесят лет. Он скажет вам напутственное слово.

Старик вышел перед шеренгой с зелёно-серебристым перламутровым баяном, на планках которого резвились солнечные зайчики. Все сразу повеселели, из толпы провожающих донеслось: «Дед, давай «цыганочку!»». Призывники острили: «Дискотека шестьдесят плюс!». Лангер ослабился.

– Парни, я долго говорить не буду. В армии служить нелегко, а сегодня – совсем тяжело. Идет война, гибнут люди – наши, русские, люди. И не только солдаты, но и мирные граждане, среди них дети. Я учился когда-то в Суджанском музучилище, отсюда был призван в армию. Сегодня от зелёной красавицы Суджи мало что осталось. К нам, как в сорок первом, явились фашисты. Их надо бить, бить и бить – это главное. При этом самим оставаться живыми. Слушайте командиров, учите военное дело, дружите – это главное. Служите, мы вас подождём.

Алёхин хотел было заиграть марш «Прощание славянки», но вдруг вспомнил, что эту знаменитую вещь его тёзки Агапкина играют повсюду, наверняка и сейчас, при посадке в автобус, включают громкую запись. И тогда Василий Иванович сказал:

– Представьте себе строевой плац. На нем замерли в ожидании смотра семь коробок взводов по тридцать человек в каждой – шесть на пять. Это полк во всей красе. Вас построили сержанты, вы ждёте полковника или генерала, – кивнул старик в сторону Лангера, и призывники засмеялись. – И вот он выходит, седой, боевой, подтянутый, становится перед вами «во фронт», – он кивнул в сторону военкома, – и приветствует вас: «Здравствуйте, товарищи!» И вы, прошептав про себя условные цифры паузы, в две тысячи глоток кричите: «Здравия желаю, товарищ полковник!»

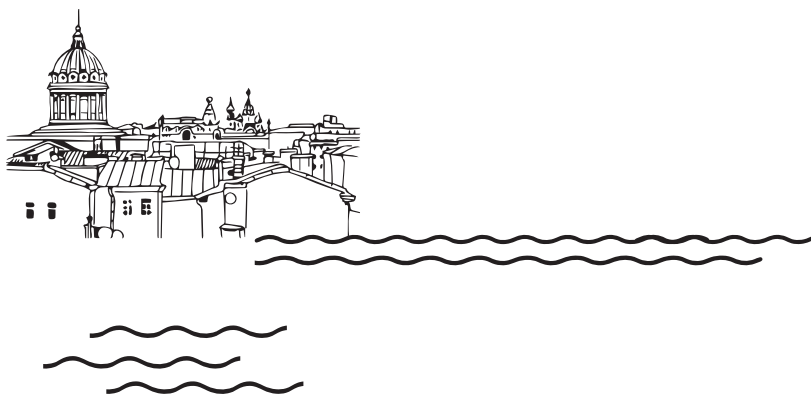
И так молодо, громко прозвучала эта здравица из уст Алёхина, что даже эхо отозвалось.

– Потом начинается смотр. Духовой оркестр вскидывает надраенные асидолом золотые и серебряные трубы. Звучит команда – без микрофона, без мегафона – и её слышат все.

Он звонко, раскатисто произнёс:

– Для пр-рохождения тор-ржественного марша!... Пор-ротно, повзводно!... Взвод упр-вления прямо, остальные – направо! Линейная дистанция – пять метров. Шагом.. марш!

Он рванул во всю баянную мощь старинный марш «Тоска по Родине». И всё и вся вокруг словно встрепенулось, пронзительные голоса проникали в души и будоражили их. И хотя в музыке не было тоски, а лишь торжество, но именно эта пронзительность заставляла сжиматься сердца. Когда Алёхин перешёл на соло басов, глубокие низкие звуки гудели, слив воедино гул самолётов, крик паровозов и рёв кораблей. Большой барабан, подчиняя их единому ритму, бухал, будто орудие, трубы призывно зывали идти к победам. Не дождавшись повтора первой части, сопровождающий офицер крикнул: «По машинам!» И когда юноши, взяв рюкзаки, пошли к автобусу, старик не выдержал и заиграл «Прощание славянки».

ПОЭЗИЯ

Борис ЛУКИН*

ПРИУЧАЮ ОГОНЬ ЛИШЬ ДОБРУ СЛУЖИТЬ

Из будущей книги

* * *

Крещение. Все в храме помолились.
А поутру всё в солнце во дворе.
О Господи всещедрый, дай мне силы,
Не проклиная жизни умереть...
В Твоей я воле... Значит, принимаю,
Кровавый пот ниспосланных трудов;
И, может быть, зато увижу Ваню:
«Что думаешь, отец?» – Он спросит вновь...

Крещение, 2025

* Лукин, Борис Иванович – поэт, критик, переводчик, издатель. Член СП России. Главный редактор и составитель антологий: Современная литература России «Наше время» и «Война и Мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX–XXI вв.» (издано 12 томов; <https://stihi1941-1945.ru>). Лауреат Большой литературной премии России, награждён высшей наградой и золотым дипломом XIV и XV Международных форумов «Золотой Витязь». Живёт в Подмоскowie.

* * *

Снег порошит. И морозец. И вроде зима
 В дом возвращается свой перед самым финалом.
 Я не пытаюсь совсем ничего понимать.
 Вроде живу. Разве этого снова мне мало?
 Этого мне и не надо (по чести сказать) –
 В жизни случилось со мною чудного с избытком.
 Вот только дочка с тоскою мне смотрит в глаза,
 Просит помочь воспитать где-то в будущем сына.

13.02.2025

* * *

Ни матерей я не жалею, ни отцов,
 Хотя смерть сына сам я претерпел...
 Невыносима боль мне вдовьих снов,
 И песни грустные над колыбелью.
 Ей двадцать пять иль тридцать... Мир в окне,
 И отсветы салюта на стене,
 В наградах китель мужа в шифоньере,
 И равенство меж слов «любовь» и «смерть».

20.02.2025

* * *

Сквозь слёзы я смотрю документалку,
 Но знаю, что не встречу сына там.
 Сквозь тыщу дней лишь март напоминает
 Про Мариуполь, разведрейд и «Азовсталь».
 Счастливицы, что найдут своих на кадрах,
 Отснятых по случайности войны.
 Стрельба, улыбки, вечность – всё мелькает.
 Но я смотрю и жду... Вот вроде ты...

22.02.2025

* * *

Под мостом журчит Тарусса,
Нынче слаб мороз.
А душе три года грустно
От военных гроз...
На перилах клятва чья-то
Верности навек.
Тихо воды мимо мчатся...
Жив ли человек?

17.02.2025

* * *

Разводил огонь поутру в печи.
За окном февраль отбелил стволы.
Год четвёртый войны. Всё о том кричит.
А особенно павшие – из земли.
Тот, что в цинке вернулся, фартовый был.
А приятелю «без вести» вечно жить.
Из печи выгребаю ведро золы.
Приучаю огонь лишь добру служить.

24.02.2024

* * *

Сегодня ты уйдёшь на Мариуполь.
И больше мы не свидимся с тобой.
По серому чертил твой белый уголь
О том, что жизнь слилась в тот день с судьбой.
Ни слова больше. Только лишь рассказы
Товарищей, с кем шёл на «Азовсталь».
«Пусть знают все, как этот мир прекрасен», –
Я знаю, так назвал бы ты рассказ.

07.03.2025

* * *

Себя самих лишь только на войне
 Узнать смогли. Такие, брат, дела.
 Без гороскопов жизнь, ни без примет –
 Христос здесь, Будда, рядом и Аллах.
 Я в распоряге в пост мясное ем.
 Его мне мусульманин подаёт.
 А рядом атеист... Все воины веры моей.
 Двенадцать их. Им завтра снова в бой.

20.08.2025

* * *

Метафоры не радуют меня,
 Как прежде... Наигрался что ли?
 Не двинешься, когда вокруг туман.
 Лишь вертишься, ждёшь ветерка живого –
 Дыханья слова-пчёлки у цветка.
 Тут предстоит огромная работа.
 Лишь в простоте незнания у летка
 Слагают песню в миг творенья мёда.

13.08.2025

* * *

Какие сегодня высокие звёзды...
 Но сил уже нету всю ночь лицезреть.
 А утром опять же становится поздно
 На жизнь оглянуться, боясь умереть.
 Быть смертным с годами – обычное дело.
 Стать вечным – какие смешные слова.
 От знания, что тело с рождения бренно,
 Порою кружится моя голова.

22.03.2025. Родительская суббота.

* * *

Пью за того, кому не повезёт...
И мы не доживём с ним до победы.
И примет друг наш поредевший взвод,
А нам о том достанется не ведать.
Пью за того, кто тихо в дом войдёт,
В наш дом, в дом недоживших до Победы.
Ему желаю счастья наперёд.
Пусть среди нас он будет не последним.

24.03.2025

* * *

Без права в отставку выйти
Сегодня живут на войне.
Проблемы всем вроде видны,
Все ждут на вопрос ответ.
О чём нам молить Всевышнего,
Взирая на чуждый мир?
Идём; только с боя вышли мы;
Смиранных, как есть – прими...

25.03.25

* * *

Какой-то смысл Ты этому придал
Загадочный и людям непонятный;
И мучаются, что грядёт финал,
И далеко им всем до славы бранной.
О, Господи, за что такой нам крест?
Мы немощны, не знаем ключ от тайны,
В чём радость в вечности от смены мест?
Зачем мы смерти важный смысл придали?

28.03.2025

* * *

За окном снуют по небу ласточки.
 Господи, как мало жизни надо...
 Те, кто смыслы все переиначили –
 Неправы, что главное: услада.
 Вспоминаю папу – чувство долга.
 Маму вспомню – преданность, любовь.
 Сын раскрыл понятье – духа стойкость.
 Может, что ещё найду меж слов...

05.06.2025(21:04)

* * *

А ещё, когда земля остынет
 В ноябре... А лучше в декабре.
 Я скажу тебе слова простые...
 Ты простишь или сочтёшь за бред...
 Я скажу, что жить осталось мало;
 Что сейчас не время для словес;
 Что в который раз листва опала,
 И, как откровенье, – лес в просвет.
 Свет его вдали стволами сомкнут.
 В Подмосковье только тень войны...
 Птичий клин уходит к югу, смолкнув,
 Встреч ему идут штурмовики.
 Мы их посчитаем удивлённо
 (Этих птиц знать прежде не пришлось),
 С мыслью разной: «Почему ж не годеи?»
 «Боже, сохрани, как нам жилось!»
 Дале в тишине услышу мысли
 Я твои, они точь-в-точь мои –
 Читаны, быть может, в вечной выси,
 А, возможно, впитаны с земли:
 «Ино побредём ещё, Иваныч.
 От добра ль искать опять добра?
 А земля остынет... Как иначе
 Может быть для Божьего раба?»

20.10.2024

ПРОЗА

Николай ТРОПНИКОВ*

ГАРМОНЬ

... И солнце ещё не светило, а только робко мерцало, пробиваясь сквозь утреннюю дымку, и воздух был прохладно-влажный, словно ещё не просохший от росы... Ещё не было толпы ни на площади, ни на близ лежащих улицах, и замечался каждый человек, появившийся перед глазами; ещё не стёрлись на лицах следы умывания, и не выветрился запах духов от проходивших мимо женщин... И утро, хотя и прохладное, хотелось назвать утречком и погладить по головке, как маленького ребёнка.

Но где-то неподалёку играла гармонь... Играла негромко, задумчиво, иногда чуть заметным надрывом, будто по слогам выговаривая мелодию, неизвестную разве что тем, кто ещё не родился...

И хотя на мелодию я отвлекался не больше чем на присутствие воздуха, которым дышал, всё же строчка: «словно ищет в потёмках кого-то, и не может никак отыскать...» невольно беззвучно повторялась где-то внутри меня, и я замечал иногда, как в памяти

* Тропников, Николай Иванович – прозаик, сценарист. Работал на киностудии «Леннаучфильм» (1973–2000) – администратором, директором съёмочной группы, ассистентом режиссёра. Член Союза писателей России.

всплывали ночные пейзажи с далёкими, едва мерцающими огоньками, как дырки, простреленные в темноте, только потёмки в этих пейзажах виделись синими, как вечерние горы Грузии, или мартовские снега в оттепель, и не разрушали почти беспечного утреннего настроения...

Но вдруг тихо, и словно невзначай, подумалось: «... а жизнь стала, как ноша, которая и с ног не валит, и разогнуться как следует не даёт...»

Положив рядом полутощий рюкзачок с термосом и свёртком еды на день, я сидел на ящике из-под апельсинов в сторонке от выхода из метро, привалившись к прохладной стенке. Сидел дремлюще в ожидании брата, чтобы ехать в пригород достраивать дачную баню давно знакомому штангисту, неизвестно как вдруг разбогатевшему, сидел, казалось, совершенно беззаботно и если и думая о чем-то, то без какого-нибудь принуждения и только потом заметил, что душа томится какими-то рассуждениями без моего ведома... Что-то решает...

Мысли рождались без моего участия, как бы сами собой возникали из ниоткуда и уходили тоже в никуда – как строчки под изображением на экране: безмолвно появятся из-за пределов телевизора, проплывут перед глазами, я их автоматически прочту, не отвлекаясь от картинки в кадре, и они погаснут. Иногда надолго, а потом снова выплывут, и я, слушая, как гармонь выговаривает: «Словно ищет в потёмках кого-то», считываю:

– ... И жить стали будто не всерьёз... И не живём, а что-то будто переживаем... И «Новости» словно вести с фронта... Убили,.. взорвали,.. опять взорвали,.. убили,.. опять взяли в заложники,.. опять... Ну, это уж неслыханно!.. Что ни точка на глобусе, то «горячая»... А войны мировой никто никому почему-то не объявлял. Все поют и пляшут, разгул... Хоть бы постыдились... А, может, я сплю, и всё это мне думается во сне?.. и вообще, вся жизнь чьё-то сновидение. Или – нечто вроде прихожей, где надо приготовить себя надлежащим образом, чтобы вступить в истинную жизнь – вечную?.. Не знаю... Нас рожают – не спрашивают. Родят, а ты, если захочешь, разбирайся что это такое вокруг тебя и для чего?..»

Рассуждение прозвучало с иронической усмешкой, словно вдогонку чему-то, и я опять забылся. Мысль погасла, и на «экра-

не» долго ничего не проплывало... Более того, иногда я совершенно не ощущал своего тела, будто растворялся, становился неосознаваемым, как воздух, а реально существовала только бесплотная душа, и будто совсем не нуждавшаяся в нём, чтобы быть, чувствовать и думать...

Вдалеке от меня, возвышаясь над крышами домов, в голубой просвет неба едва заметно дымилась тоненькая труба, похожая на ствол только что выстрелившего ружья. Сбоку, и тоже далеко-далеко, висел на стене дома недавно появившийся плакат, рекламировавший сигареты, которые я когда-то покупал у фарцовщиков, и надписью: свидание с Америкой...

– Думай и богатей, – вдруг вспомнились слова на обложке книги, которую читала в метро молодая женщина. – Какая мощная формула! Истинно наполеоновская!.. Впрочем, и автор её – Наполеон. Только то ли Халл, то ли Хил, – подумал я тогда с ощущением какого-то жуткого восхищения и неуютно поёжился. – Ну, разбогатеешь! А потом что? Все перед тобой на задних лапках!.. Ну, это ещё как придётся – могут и застрелить... Впрочем, известно и другое: что толку, если обрящешь весь мир, а душу свою погубишь?.. Ах, это сказки! Ну, хорошо, сказки, а потом-то всё-таки что? когда потом?.. А когда тебя на кладбище повезут! Не дай Бог – в крематорий! Ведь повезут же!.. А туда ничего и не надо: этим вся игра и оборвётся, как отрежет... Не может быть! Неужели после ничего и не будет? исчезнешь и – всё!? Бесследно? И никто ни за что не спросит?!.. Так что же – жизнь это процесс, явившийся из НИОТКУДА и уходящий в НИКУДА?.. Бессмыслица, что ли?..

Мысль натолкнулась на что-то непреодолимое и оборвалась, и я подумал уже о себе: «Впрочем, нормальные люди, видимо, не утруждают себя такими вопросами. Это привилегия неудачников. Таких, как ты, Нарчужанов. Во всяком случае – в наступившие времена. Так что – думай и богатей. А там, может, ничего и нет. Кто оттуда возвращался? А здесь всё реально...»

Почти рядом со мной на ступеньках лестницы из-за кусочка хлеба и щепотки семечек, брошенных мною, ссорились между собой голуби, и в то же время отгоняя стайку воробьёв. Бродячий пёс кусок хлеба только понюхал и разочарованно отошёл, презрительно взглянув в мою сторону, и уступил подачку чумазой дворняге...

«Словно ищет в потёмках кого-то...» – повторила гармонь и на какое-то время замолчала, а потом снова подала голос, выговаривая опять же по слогам, но уже другую мелодию, и ключевая строчка песни вспомнилась то же будто сама собой: «Сол-да-ту лишнего и-муще-ства не надо, махнём, не глядя, как на фронте говорят...»

И вот уже упругие двери метро начали мотаться всё чаще и чаще, выталкивая на улицу толпу. Утро ещё казалось ранним, как вчера, позавчера, год назад и, может быть, было таким же утром, уже много раз повторявшимся ещё задолго до Рождества...

А южане подкатывали к ларькам и стеллажам под навесом тележки с ящиками, коробками, и один из них гортанно-каркающим голосом командовал грузчиком:

– Бамдоры!.. Давай суда!.. Это тоже давай! Здесь черешня ставь!.. Харашо! Зельнь!.. Её тоже давай суда. Здесь. Харашо!..

Почем помидоры?

Ещё не торгуим!

А черешня?

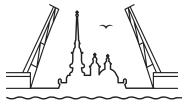
Ещё не торгуим!.. Слушай, пагади, тебе говорят!.. Видишь, раз-гружаемся! Слушай, тебе гаварю, дарагой!?..

Около хозяев вились подростки, предлагая свои услуги.

– Пагади! Сделаем, подработаешь!..

На ларёчке, окошечком смотревшим прямо на выходящих из метро, было написано чем-то чёрным: «Куплю ваучеры, золото, ордена». На соседнем – тоже чем-то чёрным по фанере, ещё короче: «Купим фсё!»

«А слово «Отечество» мы, похоже, вычеркнули из сознания и публично радуемся, доказывая, что это хорошо... Даже будто кто-то великий когда-то сказал, что чувство патриотизма отвратительное, – опять проплыла строчка под изображением на экране и, не остановившись, потекла дальше. – А мать, отца тоже не надо?.. Нет, это не сон... «Жизнь – обман с чарующей тоскою! От того так и сильна она, что своею грубою рукою, роковые пишет письма»... Господи! Как восхитительно звучит! «Обман с чарующей тоскою»... Роковые пишет... Да, наступившие времена – не ненастье, которое надо переждать. Пошёл ледник. Измена климата! Наша эпоха кончилась, наступила ещё одна «новая эра»... Ну, как назвать время, когда самая плёвая цена – жизнь человека?!

Вот ведь уже поговаривают, что маленьких детей продают за доллары. Выговорить жутко – «на запчасти»... Причём, сами родители... Не верю, Господи!?! Россия?! Какая мука! Будто над матерью на глазах глумятся, а я всё это вижу и не знаю, что делать и не делаю, будто связан по рукам и ногам, сам тут же валяюсь... Куда-то надо бы уехать? Пора...» – строчка вдруг оборвалась, и в душе ознобисто запощипывало...

У желания этого не было никакого точного географического адреса, и когда я попытался уточнить это «куда-то», появилась картина потёмков, внутри которой не было никаких огоньков, а только мерцало пугающее всех слово... Сознание будто зашкалило, на мгновение всё отключилось, я вдруг почувствовал себя моментально осиротевшим, будто вокруг меня не было ни одной живой души, только тени... И чтобы не упасть в обморок, и подтвердить своё существование, я достал из бокового кармана рюкзака записную книжку и мелкими буквами, и будто шёпотом, как бы таясь и от самого себя, начал записывать: «Давно чувствую я, что атмосфера наступившего времени мне органически противоестественна, будто дышу отравленным воздухом. Впрочем, и я новой жизни также отвратителен... И вот теперь я будто не живу, а только вспоминаю... Лежу, словно камень на дне реки, даже сомневаюсь в своём существовании, надеясь на что-то такое, чего жизнь уже не может пообещать...»

– Солдату лишнего имущества не надо, – снова напомнила о себе гармонь, и я встал, не закончив ещё какую-то мысль...

Сунув блокнот обратно в боковой карман рюкзака, я затянул пряжку, и едва разогнув затёкшие ноги, поковылял посмотреть на гармониста, чирикавшего где-то за углом, словно воробей... Звуки казались мне прозрачными, как пузырьки, которые в детстве, вскоре после войны, я выдувал соломинкой из мыльной пены, и они звуки эти, будто лопались под пальцами гармониста...

Играл мужик примерно моего возраста, может быть лет на десяток постарше, и сидел он действительно подобно воробью на жердочке, примостившись на выступе, ограждавшем станцию метро...

Одет он был в старенькую выгоревшую фуфаячку наголо, и играл, припав к гармонии, словно обнявшись с ней, и, казалось, таял от каких-то воспоминаний: и мучался, и утешался ими,

и будто оплакивал что-то, переживая, как мне почудилось, то же самое, что, наверное, переживали солдаты после проигранного сражения...

Лицо его мне показалось знакомым, будто похожим на моего отца, и на всех мужиков, уцелевших и вернувшихся в посёлок после войны, и мне хотелось подойти к нему, но утешить его было нечем, и я в нерешительности топтался на месте, озираясь вокруг...

И мгновенно думалось обо всём сразу, и в ответ на это «всё сразу», не выразившееся никакими словами, с пронзительной досадой подумалось: «Россия?!.. Какое белое слово! Как метель...»

И повторяя, я вслушивался и вглядывался в это слово, как в картину, как в омут с невидимым дном, и оно незаметно будто тихо рассыпалось забытыми родными звуками: то голосом метели в каком-то необъятном поле, то шелестом густого снегопада, неторопливо, словно промывая воздух, осыпавшего землю, и завораживая...

– Ты чего? – спросил гармонист, взглянув на меня.

– Слушаю... Уж больно ты сыграл в душу!

– Хочешь ещё сыграю? – спросил он и, не дожидаясь ответа, рьяно рванул гармонь и нажал, помогая себе и голосом: «Степь да степь кругом, пуууть далёёк лежит...»

ПОЭЗИЯ

Редколлегия поздравляет
Дмитрия Александровича
с днём рождения и желает
творческого долголетия,
духовного и телесного здоровья!

Дмитрий МИЗГУЛИН*

Я ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ДЫШУ...

* * *

Ну вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло берёзы
В холодной сиреновой мгле.

* Мизгулин, Дмитрий Александрович – поэт, публицист, общественный деятель, Президент литературного фонда «Дорога жизни». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры.

В преддверии скорой разлуки
 Сомненья и страхи легки.
 Я без сожаленья и скуки
 Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
 В цветах отгудела пчела,
 И лодка моя от причала
 Неслышно отчалила...

* * *

Облетели парки и сады,
 Потемнела сонная река,
 Словно бы в предчувствии беды
 Потускнели в небе облака.

Серый дождь долбит унылый стих,
 Вторя песням сумрачных ветров.
 Город мой таинственный затих
 В ожиданье снежных холодов.

А казалось, нас ещё вчера
 Осень обходила за версту,
 И качали южные ветра
 Фонари на Троицком мосту.

И блистал осенний Летний сад
 Красотой, спасая бренный мир,
 И летели листья наугад
 В окна желтоглазые квартир.

А сегодня этот мир разъят.
 А сегодня всё уже не то.
 Листья обалдевшие летят
 Под колёса мчащихся авто.

И, преодолевая осень, вдруг
Ты поймёшь, а стоит ли беречь
Ощущенье будущих разлук,
Разочарованья прошлых встреч.

Я тебе ни слова не скажу.
На ветру печали отзвенят.
Узелок на память завяжу
И пойду куда глаза глядят.

* * *

Безнадёжно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золочёным сентябрьским лесом
Выйду к утренней тихой реке.

Тяжелы её синие воды.
От далёких, полуночных стран
По велению вечной природы
Волны катит река в океан.

В белый лёд превратится движенье.
Шум застынет в полярной тиши.
Будет русло меняться. Но время
Не остудит движенья души.

Под громадой застывшего льда
Будет вечно струиться вода.

* * *

Отмечаю последние даты,
Провожая сентябрьские дни.
Как в преддверии скорой утраты,
Догорают ночные огни.

Опоздал я – и нет мне ответа,
Волны катит река не спеша.
От дождливого, хмурого ветра
Отогреется вряд ли душа.

Слишком долгой была непогода,
Слишком долго мы ждали тепла...
И последний гудок парохода
Поглотила озёрная мгла.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Лето на излёте, на исходе,
Жёлтый лист и красный – тут и там,
Еду на последнем пароходе
По давно уже родным местам.

Ярче небо, но темнее воды,
Стал мудрей – не стало легче жить.
Дал Господь здоровья от природы –
Но реки уже не переплыть.

Но какая мне досталась осень!
Я не ощущаю рубежа –
Вьётся флаг на мачте что есть мочи,
И волна кипящая свежа,

Растворились дали за излучкой,
Обретаю царственный покой,
И гудок последний – на разлуку –
Поплывёт над утренней рекой.

Ничего нет вечного в природе,
Пусть зима маячит вдалеке...
Еду на последнем пароходе
По осенней утренней реке.

* * *

Я поздней осенью дышу.
В морозной дымке вечер.
Буксиры вниз по Иртышу
Плывут Оби навстречу.

Они вершат привычный путь
К последнему причалу,
Чтобы немного отдохнуть –
И вновь начать сначала.

В круговороте суеты
Понятная дорога,
Пусть невысок полёт мечты,
Но не судите строго.

Дым за клубился над трубой,
Флаг реет над кормою...
Доволен будь своей судьбой,
Работой и странною.

Не суетись, не мельтеши
И, огибая мели,
Тащи бесценный груз души
К одной заветной цели.

О светлом будущем мечтай,
Но только ненароком –
Спаси Господь – не опоздай
К отмеренным нам срокам,

Когда закружится пурга
И почернеют травы,
Когда тяжёлая шуга
Замрёт под ледоставом.

* * *

Мир ночной погрузился во мрак,
Дождь по крышам неистово лупит,
Ветер воет за окнами так,
Словно утро уже не наступит.

Слишком поздно настала весна,
Бестолково кончается лето,
Ни надежды, ни света, ни сна,
Ни малейшего в небе просвета.

Утомлённые таинством тьмы,
Ждём с тревогой грядущих возмездий –
Хорошо бы дожить до зимы,
До снегов, до промёрзших созвездий.

Успокоятся мысли и сны
Под сиянием снежной луны.

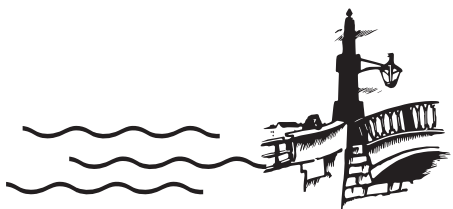
* * *

Жизнь не просто прошла – пролетела.
Оглянуться б – да поезд умчал.
Лишь беззвёздная ночь онемела,
Да разбилась волна о причал.

Жизнь не просто прошла – а промчалась...
Заклубился туман над рекой,
И полуночи птица вскричала,
Захлебнувшись таёжной тоской.

Жизнь не просто прошла. Так не просто...
Мне, мальчишке, как будто вчера,
Так хотелось быстрее стать взрослым,
Так хотелось... И осень пришла.

Облетают последние листья,
Завтра грянет мороз поутру,
И рябины оранжевой кисти
Зазвенят на студёном ветру.

КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА*

«ПРОСТО ЭТО ВРЕМЯ СНЕГОПАДА...»

«Я понял такую радость от белого
снега и утренней звезды».

Михаил Пришвин

Пожалуй, самое значительное место в книге Дмитрия Мизгулина «Избранные стихотворения: (2005–2019)» занимает погодно-пейзажная лирика, олицетворяющая гармонию природы и человека. Его душевная экология, бытие земное и небесное – сакральный ореол Божественного Севера, связь с которым он чувствует почти физически, – предстаёт во всей своей суровой красе. Коль скоро речь пошла о глобальных вещах: Мире, Природе, Космосе, то всякий сразу сообразит: в центре здесь стоят категории Вечности и Бога. Поэтические приметы своей полярной колыбели детства – целой Северной Ойкумены – автор, прежде всего, вписывает в русскую православную духовность:

* Воробьёва, Людмила Анатольевна (Минск) – член Союза писателей Беларуси. Автор книг: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018).

Доверься неизбежному теченью,
Не умножай сомнения ума,
Внимай природы мудрому движенью;
Вернётся всё – и осень, и зима.
Душа летит под голубые своды,
Ведь жизнь твоя – а ей ведь нет конца, –
Частичка торжествующей природы, –
Бессмертное создание творца.

Мы будто слышим неспешное дыхание северной природы, ткущей нескончаемую нить бытия. И жизнь на Севере выковала особый характер человека, для которого главное – воля, свобода выбора. Историю этой первозданной земли Дмитрий Мизгулин увековечил в своих поэтических строках, плавно струящихся «по зелёным водам Иртыша», устремляясь дальше к «Тобольскому граду» – «Сибирской столице воинов, монахов, каторжан...» Он сам и его лирический герой живут в необъятных владениях Севера: обжигающие ветра, мглистый морозный воздух, морские шторма, приливы и отливы, непроглядные белёдые туманы, ледяные торосы, где «впаяются звёзды в лёд», северное сияние, летний двухмесячный полярный день здесь сменяет зимний, когда длится одна бесконечная ночь. Суровый и одновременно красивый край, навсегда обозначенный на карте его жизни и судьбы! Воистину, он создан для раздольной и свободолюбивой натуры, впитавшей всю радость земной мощи, натуры смелой, уверенно глядящей в необозримую даль завтрашнего дня.

Согласно православному вероучению, в собственном смысле Красотой является Бог. И природа, Им сотворённая, совершает свой нескончаемый мировой круговорот:

Навалило снегу, навалило,
Словно землю саваном укрыло...
Потерялась в сумерках дорога,
Унялась последняя тревога.
Сердце понемногу остывает,
Снег повсюду – без конца и края...
<...>

Просто это время снегопада;
Остывают небеса и реки,
Остывают страсти в человеке,
Всё, что нам казалось самым главным,
Исчезает в снегопаде плавном.
И снега бескрайние покроют
Наши души сумрачным покоем...

Зима – целительна забвеньем. Быть может, эта дрящящаяся в веках неподвижная эмоция и есть – победа над забвением?.. Как в заснеженном лесу, как в застывшей подо льдом реке, так и в человеке в этот длительный период холодов многое таится под спудом, до поры до времени оно сокрыто где-то в глубине, на дне души, но однажды в какой-то миг освобождающей, отпускающей доселе непроницаемые чувства на свободу. Таинственная взаимосвязь природы и человека символизирует связь надмирного и повседневного, которое способно подобрать ключи к житейской необъяснимости всего происходящего в этом мире. Однако немало тайн может поведать и тот, кто свято уверовал в христианские истины. «Такой отчаянный психологический разрыв между внешним и внутренним мирами оказывается факсимильным отпечатком лирики Дмитрия Мизгулина», – глубокомысленно замечает один из ведущих современных критиков России Вячеслав Лютый. Не секрет, жизнь в экстремальных, жёстких условиях выковывает крутой северный характер и определённые качества души. Сама природа учит человека стойкости и целеустремлённости. И лирического героя в книге «Избранных стихотворений» Мизгулина прежде всего занимают собственные внутренние переживания, тогда как внешнее, событийное, остаётся где-то за кадром. Тут главное – спасти исконные смыслы.

Я поздней осенью дышу;
В морозной дымке вечер,
Буксиры вниз по Иртышу
Плывут Оби навстречу.

Сюжет должен быть выверен, возможно, довольно скуп, но на первый план всегда выходит состояние души, восприятие

мира. Он – человек, который достигает своей заветной цели: «Не суетись, не мельтеши, / И, огибая мели, / Тащи бесценный груз души / К одной заветной цели». При всей романтике его не назовёшь полным идеалистом, ведь даже в созерцательности наш герой не утрачивает чувство времени: «О светлом будущем мечтай, / Но только, ненароком, / Спаси Господь – не опоздай / К отмеренным нам срокам...» Никому не дано отменить законы цикличности. Всему своё время и свои сроки, всё приходит с обретением мудрости, разумно полагал Экклесиаст. И Дмитрий Мизгулин метафизически ощущает природу, созвучно отвечающую внутреннему строю души. Философией природы и мира, единением человека и леса проникнута нарисованная им загадочная картина:

В морозном сумраке белёсом
Из дома выйду не спеша
И в лес войду. И стану лесом,
И успокоится душа.

Смешными кажутся обиды,
Пустопорожними – слова,
Быть может, и правы друиды,
Что наши предки – деревья?

Царственная красота леса умиротворяет тебя, становясь спасением от вселенского зла. Во всём присутствует нечто сказочное. Канву стиха обрамляет ясная графика строки, выразительно подчёркивающая основные художественные акценты, обращённые к древним преданиям. Лирический герой полон тихой очарованности, предчувствуя сопричастность тайне, предугадывая её проблеск, будто новые краски в судьбе всеобщности мира природы и человечества. Это чисто русская особенность, чуждая европейцу. У Арсения Тарковского есть удивительная поэтическая цитата: «Древесные и наши корни / Живут порукой круговой». Сегодня мы наблюдаем обратное – кризис этой столь тонкой взаимосвязи, нарушающей системную целостность природы, которая исключает хаос и несёт естественную закономерность бытия и древних традиционных явлений. Действительно, знакомый нам мир родной природы и земли хранит в себе мудрые законы жизни:

Настало лето. Реки разлились.
Везде вода – от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва – такая молодая.
Какая красота, какой простор –
Всё слажено и сложено в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе...

Мы видим умение автора живописать не только гражданскими красками, но и красками природы, живописать словом уже проявившимся в полной мере художника точного психологического рисунка. Во-первых, он ступил в зрелую пору мудрости и понял: «Как тленно всё, что создал человек, / Забыв о том, что он творенье Божье». Это прозрение как бы покрывает его новую спокойную горечь, когда «унынье, боль и нищету», которые исторически преследуют Россию, он готов мужественно принимать и разделять с ней, с народом. Мир не может отказать нам в тех или иных деталях, подтверждающих целое, но само целое мы должны сохранить и находить сами. «Нет полного расцвета личности вне единства природы», – считал философ Николай Лосский, рассматривая вопрос о мире как органическом целом. Воля Создателя сильнее наших желаний. Дмитрий Мизгулин по-своему продолжает державинскую тему поэтического изъяснения великих таинств: Вселенной, Бесконечности, Бога:

Печалит неустройство мира,
Тревожит первобытный страх.
И мы творим себе кумира,
И на земле, и в небесах.

Дисгармония двойственности: чувствуется безжалостная сила природы и в то же время её красота:

И рухнут выси небосвода,
И грянет грозно трубный глас,
И равнодушная природа,
Легко вздохнув, исторгнет нас.

Написанное ментально напоминает Святую Троицу, тайный код которой зашифрован в державинской оде: «Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна Божества». В обоих поэтических вариантах: холодное равнодушие мира словно очаровывает и одновременно пугает – нечто непостижимое, недоступное разуму.

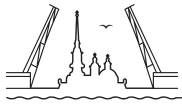
Продолжая тему, хотелось бы выделить в книге важный момент – изобилие северной природы. «Зима – и слава Богу, / Живу – и глух и нем...», «и снег валит стеной», «насквозь промороженный лес», «небо и земля в морозной мгле слились», «позёмка гонит со двора», одним словом, как это определяет Дмитрий Мизгулин, – «непогодь». Более того, что-то мистически завывающее слышится и в его «Вьюге»: «Такая вьюга, что беда / На белом свете. / Гудят катужно провода, / Луна не светит». Охватывает ощущение не только природного явления, но и чего-то гораздо большего, – самой человеческой жизни, всего бытия, нуждающегося в Божественной защите и милости:

Куда-то город вдруг исчез
В одно мгновенье,
И тянет полуночный бес
В свои владенья.

Гуляет нынче непогодь
По всей планете...
Да не оставит нас Господь
В минуты эти...

«...В лирическом пейзаже Мизгулина естественна именно непогодь. Стих звенит на студёном ветру. На причале – мороза стальная печать. Ветер, мрак, слёзы. Тьма заснеженных полей. Промёрзшие клочья небес. Воды, скованные чёрными льдами...» – так колоритно, ёмко, рельефно представляет его «таёжно-бездорожный пейзаж» критик Лев Аннинский. Ещё существенна интересная деталь: видимо, не случайно одну из своих книг поэзии Дмитрий Мизгулин назовёт «Петербургская вьюга» (1992). Мифологический образ холода, мороза формирует и смыслообразующие константы собственного мировоззрения, выраба-

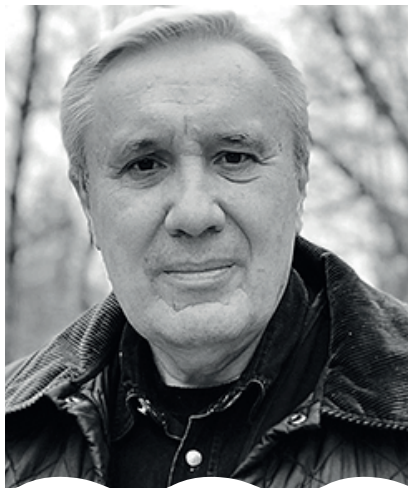

Дорогу, привычную, летом
Закрыли. Мы едем в обход.
На том берегу и на этом
Сирень беспощадно цветёт.
Река отражается в небе,
По небу плывут облака...
О хлебе насущном, о хлебе
Все думы – ведь жизнь нелегка.

.....
Всё в жизни поправить едва ли
Сумеешь – но душу храни,
Пусть эти цветущие дали
Припомнятся в тёмные дни.
Пусть не избежать пораженья,
Во мгле беспросветной тоски
Припомни – сирени цветенье,
Движение вечной реки.

Так, по слову Экклесиаста, все реки текут в море, и море не переполняется. И человек, преодолевающий немислимые преграды, подобно реке обновляется к новому течению жизни.

ПОЭЗИЯ

Андрей ШАЦКОВ*

ЗВЕЗДА ДЕКАБРИСТА

Триптих

I. ВАЛЬС ДЕКАБРИСТОВ

Весна – ты близко!
  Ощущаю
Твою загадочную синь.
Друзья, ко мне, на чашку чая,
Поручик, троньте клавесин.

* Шацков, Андрей Владиславович – русский поэт. Автор пятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе. Редколлегия поздравляет Андрея Владиславовича с днём рождения и желает крепкого здоровья и творческого долголетия.

Сыграйте что-нибудь такое...
Хотя б старинный мадригал.
И переполненный бокал
Я двигал звукам в такт рукою.

Гас вечер... Стаи черных птиц
Вещали сумерек истому.
Меж аксельбантов и петлиц,
Ты шла, ступая невесомо.

Присела около меня:
«Мой друг, темно, зажгите свечи...»
И вот на худенькие плечи
Упал тяжелый сноп огня.

Я звякнул шпорами, и мы
Плывем тихонько по гостинной.
На проводах своей зимы
Танцуем этот вальс старинный.

И с заалевшего лица
Не сходит странная улыбка.
Всё в мире призрачно и зыбко,
Лишь отбивают такт сердца.

Трубач тревогу протрубил,
И суета на коновязи...
«Здраст...! Ваш...!» – фельдъегерь отрубил,
А сапоги в дорожной грязи.

Растает полк объятых тьмы.
Мой друг, наш след залижет заметить...
Но пусть твою тревожит память
Печаль о проводах зимы.

II. НА СТОГНАХ РОССИИ

Над Бородинским полем – вечность,
И два «орлиныя крыла»!..
Звёзд августа густая млечность
Над спелой рожью процвела.

С утра огнём взорвутся тучи
Редутов,
        брызжущих свинцом.
Гвардейский юный подпоручик
Не дрогнет каменным лицом.

Серж – средний
        Муравьев-Апостол
В перчатках тронет коновязь...
В бою – российских бед короста
Ещё не режет ясных глаз.

Штыком солдат обрящет волю
Под сенью царственной руки!
В стальном каре стоят по полю.
Российской гвардии полки...

Умолкли трубы ратной славы.
Свободы сны – умчались прочь.
На стогнах вековой державы
Царит душливая ночь.

Нет, не судьба...
        Любовью братской
Добыть свободу не с руки...
В каре на площади Сенатской
Стоят мятежные полки.

Над ними – поминаньем вечным
Плывёт церковью сорокоуст.
Отсюда – трактом бесконечным
Летят в метель, под снежный хруст

Фельдъегеря,
и так не просто
Развеять лютую тоску...
Серж – средний Муравьев-Апостол,
На марш в Черниговском полку

Выводит роты...
В чёрном дыме
Не различить в полях пути.
И не Москва теперь «за ними»,
А хладный Питер впереди!..

Куртина. Рокот барабана.
Незыблем царственный престол.
И проступает из тумана
Поспешно срубленный «Глаголь».

И рябь с утра в небесной сини.
Рябят и Стугна и Нева...
И носит ветер по России
Заупокойные слова.

III. ЗВЕЗДА ДЕКАБРИСТА (Монолог поручика Анненкова)

Французская шляпка, вуаль.
Фигура, обвитая флёром...
Гори же моя этуаль,
Гори над острожным забором.

Кадр из фильма «Союз спасения».

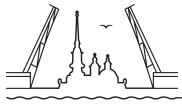
За Нерчинском – только Восток.
 А мысли уносят на запад.
 Где в прошлом – шампани глоток,
 Где в прошлом – волос твоих запахов.

Но Бог не услышит молитв.
 Отплясана жизни мазурка.
 Он крепок пока – монолит
 Гранитных столпов Петербурга.

Штыков ошетиленных сталь.
 Халат арестантский, куртина.
 Гори же моя этуаль.
 Звезда декабриста – Полина!

До самой последней черты
 Не будет лукавей кошмара:
 Острог предвесенней Читы,
 Венчание в церкви старой..

Кольцо из чугунной цепи.
 Взахлёб поцелуй на морозе.
 Конвойного оклик: «Не спи!»
 И сани невесту увозят.

Я клятву свободе сдержал.
Имперская служба постыла.
Всеобщего счастья желал,
А счастья себе – не хватило.

Кандалная злая печаль.
Набухшая почками верба...
Гори же моя этуаль.
Даруй вдохновенье – Эвтерпа!

ПРОЗА

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ*

КОРОЛЬ ФУРНИТУРЫ**

(нераскаянная исповедь)

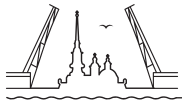
Роман

IV

Надвинулись холода. Так хотелось Эдику потянуть ещё немного в своей куртке. Приходилось поддевать грубый свитер, связанный мамой из разных ниток, и потому смотревшийся пёстро и нелепо. Но он вязался для него, это был его свитер. Пришло время, когда и толстый свитер не спасал от холода. С первым снегом Эдик надел пальто, доставшееся ему во время майского распределения. Досталось ему женское пальто, имевшее раньше сиреневый цвет, но со временем цветовая гамма его расширилась:

* Михайловский, Валерий Леонидович – прозаик, член Союза писателей России. Автор книг «Души неприкаянные», «Северные ветры», «Зимник», «Вах таинственный», «Всё не так», и других. Известный врач, этнограф, путешественник. Член русского Географического Общества.

** Продолжение. Начало см. журнал «Второй Петербург» № 57.

под мышками оно сохраняло свой первоначальный цвет, на рукавах имелись изрядные потёртости серого цвета, а полы его имели все переходные оттенки от серого до сиреневого. Мама перешла к нему, как только было возможно: она сделала так, чтобы застёгивалось оно по-мужски направо, сделала косые карманы, убрала женские выточки на груди, пришила чёрный кроличий воротник, что окончательно могло сбить с толку. Но Эдька-то знал, что пальто женское и ужасно этого стеснялся, но выбора не было: холод, (перефразируя поговорку), не тётка... Нет, выбор всё же был – засаленный стёганный ватник. Эдька часто надевал эту старую в заплатах фуфайку, лишь бы не пальто. Но мама, заметив это, бранилась, чтобы он «не позорил её в школе».

Зимой он мог надеть сапоги, так же, как и многие его сверстники. Сапоги хорошо маскировали его правую ногу: тугой валик под пяткой подравнивал ногу, и хромота становилась не так заметной.

Почему-то именно эта зима запомнилась Эдику. Запомнилась своими жуткими морозами, тем, что тяжело заболела сначала сестра, потом слегла мама от непосильных нагрузок, постоянного недосыпания и недоедания, бесконечной тягучей, как смола нужды.

Уже на исходе зима завьюжила затяжными метелями, показала свои морозные зубки. Дрова, запасённые на зиму, кончились, и последние дни Эдька ходил на рынок, собирал ящики, сшибал сухие ветки с тополей, выстроившихся вдоль берега речки, но прожорливая печка глотала очередную охапку хвороста, сухие дощечки, отдавая взамен тепло, и снова и снова требовала дров.

Мама уже не могла подниматься, лекарство не помогало. Ночью она тихо стонала, что-то шептала то ли в бреду, то ли молила у Бога лучшей доли своим детям. Врач, пожилая женщина с добрыми грустными глазами, сказала, что нужно хорошее питание и тепло, болезнь связана с переутомлением, плохим питанием.

– Свиристует очень опасный грипп. Весь город горит. Это такая зараза, что если заболел один, то в семье переболеют все. Чтобы поддерживать иммунитет, нужно хорошо питаться и остерегаться переохлаждений. У вас дома холодно, нужно подтопить.

Она оставила рецепт на лекарства со словами – «я выписала с запасом», и вышла.

– Сходите с Валеркой к дяде Мише, – сказала мама тихо, – привезёте дров и картошки. – Санки на чердаке. И оденьтесь потеплее, такое на улице делается... О Боже, Боже... – она, перекрестилась и заплакала. – В такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, а я детей... – запричитала больная женщина.

Дядя жил на другом конце города. Обычно в летнюю пору, собираясь к дяде Мише в гости, мама говорила:

– К дяде Мише пойдём, компоту сварю в дорогу.

Эдька приносил вишен, малины, в компот всегда добавляли сухофруктов, годами хранившимися на чердаке в приготовленном загодя гробу. Сначала Эдика пугал деревянный гроб, закрытый крышкой, служивший сундуком для разного тряпья, неходовой одежды. Там же хранились сухари, соль, мыло, спички.

– Хоть похороните меня по-человечески, – как-то пьяно ответила мама на Эдькин вопрос. При этом она неуклюже перекрестилась. – А где же вам гроб взять-то? Даром никто не сделает. Не приведи Господи...

В дорогу к дяде всегда собирались долго. Брли с собой плетёную корзину с едой, охлаждённый компот. В корзину мать обязательно клала четвертушку самогона. Выходя из двора, она крестилась, но как-то походя, как-то небрежно. Эдька всегда удивлялся, потому, что никогда она в церковь не ходила.

– Ну, с Богом...

Путь лежал через широкий луг до деревянного мосточка, делившим путешествие на две почти равные части. У мостика под разложистой столетней вербой обязательно отдыхали, обедали, запивая домашние гороховые пирожки ароматным компотом. Единственно, что огорчало Эдуарда – это то, что мама обязательно выпивала за походным обедом. После обеда мама обязательно засыпала в тени тем очищающим сном, который необходим людям, тянущим непомерно тяжёлый воз. В это время мальчишки, наслаждаясь свободой, до посинения купались в речке. Они хорошо знали это место с глубокой ямой под высоким, опасно осыпающимся берегом. Вот где можно поупражняться в прыжках с высоты, а ещё интересней прыгать с нависающей вербы.

Но то – летом, а сейчас...

Снег яркой белизной расстелился по двору, улице. Колючий ветер обжигает лица мальчиков, пробирающихся сугробами на-

прямик через огороды, чтобы сократить путь. Эдька с Валеркой тащат за собой старые санки. Уже за огородами они вышли на накатанную дорогу, и, визжа, резво побежали. Незаметно для себя они вынеслись крайней улицей на луг, залитый искрящимся снегом. Согрелись.

С накатанной горки с диким улюлюканьем неслись разномастные санки. Ребята с раскрасневшимися лицами, не замечая мороза, сновали по косогору.

– Давай покатаемся, – несмело сказал Валерка.

– Только два раза, – согласился Эдик.

Но где два, там и десять и двадцать. Кто не знает, как увлекается человек катанием с горки? Каждый раз кажется, что всё – последний раз и всё... Но ноги сами несут снова на горку, и снова ветер свистит, глаза жмурятся от напора холодного воздуха. Ещё, ещё. Ну, всё – последний раз...

– Всё, хватит, – раздумявшийся Эдик решительно направился к тропинке, ведущей на противоположный берег через замёрзшую речку.

– Давай ещё раз, – просит Валерка.

– Ну, ладно – только раз, – соглашается Эдик.

– Два, давай два: ты раз и я, – настаивает младший брат.

– Ладно.

Ещё несколько раз спустились они с крутой горки. Потом Эдик молча тянет санки. Валерка плетётся следом, опустив голову.

Дядя Миша выслушал Эдика молча.

– Болеет, значит, сестричка, – заволновался он. Чуть бы раньше пришли, я бы с вами пошёл, помог бы. Может так по дому, что помочь... Но у меня через полчаса смена.

Дядя Миша работал на заводе токарем, и часто ему выпадала вторая смена. На заводе строго. Эдик бывал у него в цехе: их водили классом. Тогда Эдик гордился тем, что фотография его дяди висела на доске почёта и тем, что именно у дядиногo станка остановился его класс. Все заворожено смотрели, как из-под резца струилась курчавая фиолетовая стружка, как ловко управлялся дядя Миша со станком. Потом он дал потрогать только что выточенную деталь. Эдик помнит её тепло не то от рук своих товарищей, не то сохранившееся после обработки. Тогда ещё Эдик подумал, что непременно станет токарем.

– Мы сами увезём дрова, – сказал Эдик, но про себя подумал: «Сами виноваты».

– Сколько вы там увезёте... Ну, ладно на сегодня хоть хватит, а потом я привезу.

Он увязал дрова на санки, спереди примостил котомку с картошкой, укутанную в старую фуфайку.

– А это вам по конфетке и по пятаку, – он протянул мальчишкам по карамельке и по монете, – нигде не задерживайтесь, картошку заморозите.

Мальчики вышли на улицу. Надвигались сумерки.

Эдик тянул санки за верёвку, а Валерка толкал сзади. Тащить было не так уж и тяжело. Главное, что поняли ребята – не нужно останавливаться. А вот и горка, где они недавно катались. Никого на горке уже не было. То ли мороз заставил ребят спрятаться, то ли время позднее. Но пустынная горка показалась им не такой крутой, как днём.

– Давай прокатимся, – Валерка уже усаживался на санки.

Рядом сверху на дровах примостился и Эдик. Санки понеслись, но вдруг что-то хрустнуло, санки, не выдержав тяжести, завалились на бок и перевернулись. Мальчики попробовали тащить сломанные санки, но даже с горы это оказалось почти невозможным: сломанный полоз бороздил глубокую рытвину в накатанном снегу. Один полоз, подогнувшись под санки, бороздил снег, словно плуг, Валерка упирался, как мог, Эдик тянул, что было сил, но санки подавались с трудом. Выбившиеся из сил мальчишки сели отдохнуть, собраться с силами перед предстоящим подъёмом. Как ни пытались они вытянуть санки с грузом, у них ничего не получалось. Валерка захныкал.

– Не реви, – прикрикнул Эдик.

– Мне страшно. Руки мёрзнут.

У Эдика тоже начали мёрзнуть руки. Намокшие варежки плохо сохраняли тепло. Эдик решил развязать верёвку, удерживающую поленья и перетаскать их на горку. Деревянные пальцы плохо слушались, но он все же справился с упрямым узлом.

– Растирай руки, а то отморозишь, – перекрикивал Эдик своего меньшего братишку, воющего в полутьму. На рёв отозвались собаки, залаяв попеременно то с одного, то с другого двора, от чего Валерка заголосил ещё забористей.

– Как это отморозишь? – всхлипывал тот.

– А так и отморозишь. Вот отваятся, – Эдик таскал по дватри полешка, возвращался вниз. А Валерка всё выл:

– Руки болят, – кричал он.

– Растирай.

Эдик уже перетащил поленья, поднял картошку, немного согрелся, но руки всё равно не слушались: пальцы плохо гнулись, не чувствовали верёвку и он просто намотал её. Завязать узел он уже не мог. Изнемогая от усталости, Эдик тянул Валерку в гору, а тот, что есть мочи, горланил: «Руки болят».

– Толкай санки, Валерчик, хороший мой... Я сам не смогу... – Эдик тащил сломанные санки. Ноги проскальзывали, теряя опору, он падал, мокрые варежки смёрзлись и не давали никакого тепла.

– А у меня уже руки не болят, – всхлипывая, говорил он Валерке.

– А у меня болят, – сквозь слёзы отвечал ему Валерка, подталкивая санки.

Так метр за метром продвигались два мальчика к дому.

Если бы не Таисия, неизвестно чем бы кончился их поход за дровами. Она уже бежала навстречу по улице, рыдая, размазывая по лицу потёкшую с ресниц тушь. Она словно чувствовала надвигающуюся беду.

Всю жизнь потом Эдик будет помнить тот вечер, никогда не забудет той жуткой боли в руках и ногах (ноги тоже прихватило, но в запарке, он даже не заметил этого), когда они почувствовали спасительное тепло.

Проходящие мимо их покосившейся избушки в тот вечер, конечно же, слышали душераздирающие рыдания двух мальчиков и их старшей сестры. Мама, слабая, не совсем трезвая, и обезголосившаяся тихо рыдала в углу, накрывшись каким-то тряпьем, не в силах помочь своим детям.

– Ой больно-о-о! – орал Эдик, отогревая руки теплой водой.

– Больно – это хорошо, не отнимут, значит... – давилась слезами мама.

– Чем вы топили печку? – спросил Эдик старшую сестру, морщась, – в доме, вроде тепло.

Таисия хотела что-то сказать, но снова заревела, не в силах сдерживаться, потом сквозь слезы и всхлипывания произнесла:

- Мама крышку от гроба сожгла.
- А как она её достала?
- Не знаю-ю-ю-ю! – завывала Таисия.
- А ты где была? – зло спросил Эдик.
- У подруги...
- Врёшь всё, – Эдик догадывался о Таисиних делишках.
- Не ссорьтесь. Мне вас дождаться хотелось, вот и сожгла крышку... как вы без меня? Вы же подохнете, как щенята, если меня не станет, – всхлипывая, выдавила из себя уже подвыпившая мама.

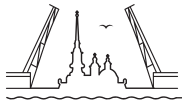
V

Давно, очень давно Эдик ждал окончания школы. Наконец-то он не будет ловить на себе жалостливые взгляды учителей, слышать унижительное, брошенное кем-то сердобольным: «бедненький». Лучше бы обозвали оборванцем, нищим или еще как-нибудь, но это «бедненький»... Он ещё не знал, что ждёт его впереди, но предчувствовал наверняка, что это будет совершенно другая жизнь, непохожая на прежнюю, как его правая нога не похожа на левую. Он ждал больших перемен.

Свое будущее Эдик если не мог предвидеть в каких-то мелких деталях, крупными мазками видел довольно отчётливо: конечно же, со своим аттестатом отличника и золотой медалью, а он не сомневался, что она уже у него в кармане, ему открывались двери всех вузов. Ему многие учителя говорили, что он такой один на миллион, что перед ним все двери открыты, что таких, как он, выпускников, на их памяти не было.

К десятому классу Эдик обрёл уверенность, и когда его хваливали, особо не реагировал на восхищённые речи, он просто знал себе цену. Ведь не зря даже верзилы-хулиганы, гонявшие всех подряд в школе, к нему относились с каким-то, если не почтением, то, во всяком случае – уважением.

Он вдруг понял, что детство со всей его всевозможной пестротой и привкусом глиняного пола, гари опротивевшей керо-

синовой лампы, вечного кислого запаха перестоянной браги миновало безвозвратно, о чём сожаления в душе не возникало. Детство сошло, как вешние воды чистым потоком, примыв по дороге, однако, достаточно мути, случайных щепок и разного мусора. Куда вольётся этот вихлястый ручей? Что ждёт его впереди? Очистятся ли воды, осядет ли муть?

То, что он поступит в Киевский политехнический институт, Эдик знал ещё в первой четверти десятого класса и никаких других вариантов не рассматривал. Дора училась в политехническом на втором курсе. Он уже знал все институтские порядки, ждал очередных каникул, встречал Дору у поезда, провожал домой, где её растолстевшая мама угощала пышными пирожками. Дядя Изя, как всегда в замызганных, пахнущих керосином лохмотьях встречал их у калитки, с созревшей готовностью выхватывал из рук Эдуарда лёгкую сумку. Обнимая свою дочь, приговаривал:

– Здравствуй, мое дорогое доче, як там Кыйв?

Потом он жал руку Эдику.

– Молодой человек, – с каких-то пор именно так он величал Эдика, – ви Дорочку специально встречали, или это так случайно получилось?

На вы старый керосинщик стал обращаться к нему тоже совсем недавно, заметив Эдиковы ухаживания за своей дочерью-красавицей. И он наверняка знал, что не бывает таких случайностей, но всё же спросил. Молодой человек, недоуменно скосив глаза, приподнял вопросительно плечи, с опозданием открыл рот... Вчера Эдик звонил по телефону в присутствии Дориного отца, пообещал встретить. Телефон был предметом если не роскоши, то, во всяком случае, недоступным удобством для большинства горожан маленького городка, но у Изи телефон был. Эдик часто прибежал на минуточку позвонить. На неизменный вопрос можно ли позвонить, Дорина мама неизменно отвечала «Боже мой, Эдик, что ви спрашиваете, конечно, можно. Звоните сколько угодно, что этому телефону сделается». При этом она демонстративно удалялась на кухню, оставляя Эдика одного в коридоре, где стоял телефон. Кухонная дверь в это время оставалась открытой, и Эдик знал, что всё, что он сейчас говорит, подслушивается.

– Здравствуй, папочка, от тебя так пахнет, что невозможно, – опередила его Дора, отстранив отца после нежных объятий,

и сморщив свой с горбинкой нос, – конечно же, Эдик меня встретил на вокзале, – восторженно воскликнула Дора, – как обычно, – добавила она.

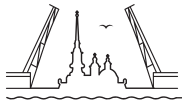
Отец Доры и не сомневался в том, что Эдуард встретит Дору, и по этой самой причине сам не поехал на вокзал, но непременно спрашивает «...или случайно?».

– Я же вчера сказал вам, что встречу Дору, – будто в оправдание говорит Эдик.

– Я знаю жизнь, молодой человек... я знаю, что можно сказать и что – сделать, – многозначительно восклицает отец Доры, тыкая перстом в небо.

Родители Доры на Эдикины ухаживания смотрели сквозь пальцы. Во-первых, Эдик был «воспитанным молодым человеком», во-вторых – «умным молодым человеком», ну, а в-третьих, серьёзно к увлечению Эдуарда Дорочкой они не относились потому, что у Дорочки «есть голова на плечах». Дора тоже принимала ухаживания своего юного воздыхателя, как само собой разумеющееся увлечение. Она привыкла с самых малых лет воспринимать себя, как какой-то центр вселенной. Она просто читала это восхищение собой в глазах своих родителей, многочисленных тётушек и дядюшек. Ну и к вниманию мужчин она тоже уже привыкла: и студенты-одногодки и молодые преподаватели обычно не обходили её своим вниманием. Она уже привыкла к дежурным комплиментам.

Но не так думал Эдик. Он привык мысленно выстраивать конкретизированные рассуждения, ведущие к логическому результату. Его юная голова – «математическая машина», как прозвали его в школе за невиданные способности, уже просчитала последовательно-поступательную многоходовку на пару-тройку лет вперёд. Его рассуждения о будущем нельзя было назвать грёзами, а скорее это было плодотворное вынашивание какого-то подчинённого высшей справедливости замысла. Там было всё, вплоть до свадебного платья и отдельной, снятой в наём квартиры и даже первенца, похожего на его любимую Дорочку. Тут его особо не занимал вопрос девочка или мальчик будет обладать этими карими глазами-угольками: он знает, что теория вероятности в данном случае никакого прояснения не обещает, а потому нет смысла тратить время на пустые гадания.

Он любит конкретность и определённую, а всё, что не поддается математическим вычислениям и логическим доказательствам, его ум не занимает.

Дора приехала домой перед летней сессией. Конец мая. Она одетая в приталенное платье, вырисовывающее её девичью чуть полнеющую фигуру, влетела в дом, как бабочка в летний сад. Изин взгляд сладостно, по-отечески тянулся за порхающим цветастым платьем. «Пора везти её в Одессу, пусть там посмотрят» – мечтательно подумал он, отмывая руки, вечно пахнущие керосином, хозяйственным мылом. За ожиданием обязательных пирожков в таких случаях, завязался обычный разговор. Глаза юноши не в состоянии оторваться от сногшибательной Дорочки. Это и заметил старый Изя. Он повесил полотенце рядом с раковиной, что была будто специально устроена у входа в просторную прихожую в маленьком узком коридорчике. Пользовался этим рукомыльником только Изя. Проходя мимо раковины, Эдик всегда ощущал запах керосина, который распространялся то ли от самой раковины, то ли от всегда мокрого полотенца.

– Так ви, молодой человек, говорят, тянете на золотую медаль? – спросил он, пытаясь отвлечь его внимание от предмета обожания.

– Не знаю, я об этом не думаю, – скромно ответил Эдик.

– Что ви скромничаете, я недавно видел вашу химичку Дозю Михайловну, так она говорит, что ви почти Менделеев, а Ася Аркадьевна сказала, что ви уже знаете математику лучше неё. Я только не понимаю – может быть такое, чтобы ученик знал предмет лучше учителя?

– Вы всё преувеличиваете, – скромно ответил Эдик и, покраснев, как всегда, когда его хвалили, как он считал не заслуженно, – мне просто легко даются все предметы, особенно математика, физика, химия. Мне кажется, что это не моя заслуга...

– Я так понимаю, что ваши способности таки врождённые. Я знаю вашу маму – ви, Эдик, не в неё. Нет, я очень уважаю вашу маму, но такая голова, такая голова... – Старый Изя замотал бородой, делая удивлённые глаза. – А вот ваш папа работал бухгалтером в сельпо, он очень умный человек. Но что сделаешь – он вернулся с фронта без руки. Но я вам вот что скажу, молодой человек: лучше потерять руку, чем голову. Ви понимаете, о чём я говорю?

– Только зачем с такой головой ехать на целину? – повернулся он вдруг в ответ на открывшуюся дверь. Своим острым ухом он уже уловил шаги своей благоверной, её сладковато-приторное «Изя!», произнесённое ещё на кухне, а ещё мгновением раньше – скрип калитки.

Дорина мама своими крупными формами явилась в проёме двери. Вместе с ней в комнату ворвался аромат свежеспеченных пирожков. Старый Изя бочком выскользнул из комнаты, не задев свою фигуристую жену.

– Иногда лучше на целину, чем на Колыму! – Дорина мама закрыла тему. Изя! Там опять кто-то пришёл! – слова благоверной только подтвердили его ожидания.

– Так там кто-то, или клиент? – спросил строго Изя.

– Я так думаю, что клиент... с бидончиком.

– Софочка, – уже смягчившимся тоном произнёс Изя, – Таки ты должна уже выучить, что «кто-то» с бидончиками не ходит.

Все, кто знал безрукого Андрея, были в курсе, что тот скрывался на целине от преследования за недостачу, а эту недостачу «устроил» новый начальник сельпо Лившиц, который таким образом освободил место главного бухгалтера для жены племянника. Знали все, кроме Эдика. Это потом, будучи взрослым человеком, он разобрался в некоторых хитросплетениях судьбы своего отца, которого помнил очень смутно.

Пока хозяин дома «обслуживал клиента», а именно так здесь называли покупателей керосина, Дора уселась за пианино. Её соскучившиеся по инструменту пальчики летали над клавиатурой, вытанцовывая нежные и знакомые мелодии. В душе юноши зарождалось сладостное искушение, пока необъяснимое, но томно-приятное и настолько сильно овладевающее им, что он с трудом сдержался от возможно предосудительного действия. Ему захотелось вдруг обнять эту обворожительную девушку, расцеловать её, но не так, как он это делал при встречах – робко, прикасаясь губами к нежной щеке девушки, а неистово и страстно. Это чувство охватило его всего целиком от головы до пяток. Временами он не слышал мелодии, ему даже казалось, что моментами зрение изменяло ему, и он погружался в непроглядный туман.

Из этого метафизического состояния романтической подвластности, нахлынувшего вместе с мелодией, запахом нежных

духов и, главное – с присутствием очаровательнейшей из всех девушек на свете, Эдика вывел громкий голос:

– Доче, хватит мучить инструмент, мама уже ждёт нас в столовой.

Эдик очнулся и увидел вошедшего отца Доры. Он уже успел переодеться. Такого Изю Эдик ещё не видел: белая рубашка, аккуратно выглаженный костюм, даже щёки аккуратно подбриты, только борода по-прежнему виснет длинными космами.

– Почему же мучит? – деланно возмутился Эдик, – Дора очень хорошо играет.

– Ой, молодой человек, если вы хорошо в математике, то это знаете... Ну, я хотел сказать, что в музыке вы разбираетесь хуже, чем в арифметике. Она так фальшивила, что на кухне молоко скисло. Ты ходила к тётке Берте в Киеве? – обратился он к дочери.

– Нет, папа, ты же знаешь, что у меня не было времени. Я, между прочим, учусь, – Дора надула обиженно губки.

– Вот, вот. У тебя не хватило времени. А у неё, между прочим, есть пианино и она таки, артистка... Она очень занятой человек, она играет в театре, ездит на гастроли. Но она обещала дать тебе уроки, – продолжал Изя.

– Пап, не сердись. Ты у меня такой сегодня красивый, – решила как-то сгладить отцовские упрёки Дора.

– Мужчине, доченька, не обязательно быть красивым, ему достаточно быть умным.

С этими словами он посмотрел на Эдика.

– Ты же у меня умный? – дочь обняла отца.

– Раз твоя мама меня терпит, то я таки, наверное, не совсем дурак. Иди, доченька, помоги маме, а нам с Эдиком нужно поговорить.

– О чем это вы хотите пошепаться? – кокетливо спросила Дора.

Вдруг лицо Изя стало строгим, и он сухо произнёс:

– Твоё дело женское – пирожковое, а у нас тут дело мужское – грошбвое.

Как только вышла дочь, Изя подсел на диван к Эдику, посмотрел на него долгим изучающим взглядом, и произнёс:

– Я хотел попросить вашей помощи, молодой человек, – он сделал паузу, словно решал для себя сложную задачу.

Прозвучали его слова как-то слишком уж, как показалось Эдуарду, по-деловому.

– Чем могу быть полезен? – чуть картинно спросил Эдик.

– Дело в том, молодой человек, что мы собираемся в Одессу на месяц. Целый месяц! Представляете? Там у нас родственники... Я мог бы, попросить Бору, но он уже в Одессе – у них в театре каникулы... Йося, тоже собирается...

– Как же он бросит парикмахерскую на целый месяц? – спросил Эдик.

– Молодой человек, никто ничего не бросает. На его место приедет племянник из Бердичева. Поработает месяц. Ему, кстати практика нужна. Но что вам парикмахерская? Меня интересует мой магазинчик. Люди придут за керосином, а там что – замок? Что, им потом ходить на Вугриновку за литрой керосина? Это же три километра! Это не по-человечески, Эдик, люди не должны страдать от того, что кто-то уехал в Одессу. Ну, и мне нельзя терять клиентов и свой гешефт...

Эдик понял, что именно в последней фразе заключалась вся сокровенность надежд торговца керосином.

– Но я же в институт готовлюсь, – вдруг понял суть просьбы Эдик.

– Молодой человек, вам достаточно только приехать в институт и сдать документы, а там сразу поймут, что ви за голова. Такие способности не заметит только дурак. Вас примут... У вас экзамены в июле? – Изя посмотрел в упор.

– В июле... Я даже не знаю..., – растерялся Эдик.

– Что тут знать. До июля мы приедем. Вам нужно приходиться на один час вечером с шести до семи. Сделаем объявление на погребке. Можно в парикмахерской.

– Лучше всего на хлебном магазине, за хлебом ходят все... – сказал Эдик, и этим предложением вольно или невольно согласился помочь отцу Доры – это, во-первых, а во-вторых, – продемонстрировал свою сообразительность.

– У вас золотая голова, ви далеко пойдёте. Конечно, на хлебом... Получать будете по рублю в день.

– По рублю? – Эдик удивлённо открыл глаза, и хотел было что-то возразить, но не сразу находились нужные слова. «Это целые тридцать рублей!» – успело мелькнуть в его воспалённом мозгу.

– Не делайте такие круглые глаза, ладно – по два! – Изя истолковал по-своему удивлённо-ошалелый взгляд Эдуарда. Он боялся, что парень не согласится. Тогда бы срывалась поездка к родственникам. А больше никому он не мог доверить свой погребок.

– Я не знаю, – залепетал Эдик.

– Ой, не пытайтесь делать мне возражение, ви же умная голова, я вам всё сказал. Да, молодой человек, таки по два рубли в день... – сказал тихо Изя, как бы подводя итог разговору, встал с дивана. Изя подошёл к окну, молча посмотрел на улицу, потом перевёл взгляд на Эдика, сделал полушаг в его сторону, но остановился в нерешительности. Эдик не видел терзаемого какими-то сомнениями Изю. Окно было у стены за диваном. Всё же Изя пересилил себя и вновь подсел к Эдуарду.

– У меня к вам есть ещё одно предложение, – Изя начал нервно мять руки перед лицом собеседника. – Видите ли... я продаю ещё вапно (известь). Вы, наверное, знаете.

– Знаю, но известь, насколько я знаю, вам завозят не часто...

– Да, но сейчас есть остатки, а за месяц вапно записуется. Сырость, понимаете... Его можно, конечно продать и слисованное, но то уже другая цена.

– И много извести осталось? – спросил Эдик.

– Не так много, но тонна есть. За вапно – по пять копеек с кило.

В голове Эдуарда уже нарисовались пятьдесят рублей. Почему-то вспомнился велосипед одноклассника Мишки, который тот хотел продать за двадцать рублей. Мишка собирал деньги на мопед, и продавал почти что новый велик за бесценок. Эдик тайно мечтал о велосипеде, а тут сам случай способствовал такому приобретению. Но теперь велосипед нужен совсем для другой цели: чтобы продать известь, нужен транспорт. Как-то он был в селе у своей тётки, и та жаловалась на то, что нужно вапно побелить хату и не на чем поехать в город. «Не одна же она такая», – подумал Эдик.

– Мне нужен аванс... рублей двадцать пять, – произнёс Эдик деловито, и посмотрел в лицо Изю.

– Вот это уже деловой подход... Держите, я шо, не понимаю? – Изя с невероятной ловкостью извлёк из кармана двадцатипятирублёвку, будто она специально была припасена именно для этого случая.

– Мальчики! – позвал голос из кухни, – шо вы там шушукаетесь? Пирожки уже готовые, идите на кухню!

– Пирожки едят пока горячие... прячьте деньги, – Изя махнул характерно рукой, подошёл к Эдику, взяв его за локоть, подтолкнул к двери, – не делайте удивлённое лицо.

– Мне нужен велосипед, чтобы проехать по сёлам. Вапно здесь не пойдёт. Велик нужен... – будто в оправдание сказал Эдик

– Я вас понимаю. У вас светлая голова...

VI

Мудрый Изя, как в воду глядел. С поступлением у Эдика проблем не возникло. Ещё при сдаче документов, молодая симпатичная особа в приёмном отделе, взяв в руки аттестат, изрекла:

– Немножко до золотой медали не дотянул, – поглядела она на Эдика улыбочиво и даже в какой-то мере сочувственно. На её правой руке сверкнуло тонким золотым волосом обручальное кольцо. Эдик уставился на её руки, перебирающие документы.

– Так получилось... – только и нашёлся, что сказать Эдик, оторвав взгляд от окольцованной руки с ярко-красным маникюром.

– Понимаю...

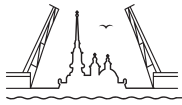
И в этом понимаю, заключалось многое: она знала систему распределения медалей, и она понимала Эдика, его душевное состояние.

– С вашим аттестатом вступительные экзамены формальность, но её нужно пройти.

– Я готов пройти такую формальность, – как-то наигранно выпалил в ответ Эдик.

Руки сотрудницы института нежно пригладили стопку документов.

– Может быть вы занимаетесь спортом, или участвовали в художественной самодеятельности... Это тоже может иметь значение, – сказала она, красноречиво посмотрев на его папку, из которой он извлекал документ за документом по мере потребности. Каждый раз, после извлечения очередной бумажки, он закрывал папку. Эдик отметил про себя, что скорее всего она

не заметила хромоты, упомянув о возможном занятии спортом, а значит, он хорошо подобрал обувь с увеличенным каблуком. Улыбнувшись этому обстоятельству, он открыл папку, достал бумажку с жирной синей печатью и размашистой подписью.

– Вот, пожалуйста, я занимался в кружке художественной самодеятельности, – уверенно произнёс Эдик, и даже глазом не моргнув, протянул справку, принесённую родственником Израиля Ефимовича перед самым отъездом в Киев. Этот родственник – толстый с вывернутыми и всегда мокрыми губами дядя Боря, работал завхозом при местном театре. Он, вручая справку о том, что предьявитель её не просто участвовал, но был ведущим запевалой в городском хоре, пафосно произнёс: «Молодой человек, это справка о вашей одарённости, и она таки сыграет свою роль». «Ой, Бора, произнесла Дорина мама, если бы ты знал, как ты близок к истине. У него замечательный голос. Я сама слышала, как он пел «подмосковные вечера». А как Дора аккомпанировала. Это просто чудо!».

Оказалось, что Эдику, как круглому отличнику и активному участнику художественной самодеятельности, «солисту районного хора», как было указано в справке, принесённой толстым Романом, нужно выдержать только один профильный экзамен по физике. Это прояснилось после продолжительного собеседования в профкоме, где присутствовали партийные и комсомольские руководители института. Он понравился функционерам: скромность и комсомольская прилежность так и лилась из его чистых глаз; его невозмутимость, вызванная скованностью связанной с ужасными сомнениями, что вдруг раскроется правда о подложной справке, принималась партийно-профсоюзными деятелями вполне благосклонно.

* * *

Комендантша общежития лично вызвалась провести Эдика в его комнату.

– К вам новенький, – обратилась она своим скрипучим шиповато-прокуреным голосом. А то, что она была курящей, Эдик к своему удивлению узнал в первую минуту знакомства. Почему к удивлению, потому, что он видел второй раз в своей жизни куря-

щую женщину. Первой была старуха, жившая рядом с домом Изги, которую Эдька почему-то побаивался с детства. Сколько он её помнил она оставалась неизменной в своей похожести на Бабу Ягу. Никогда он не слышал её голоса, она всегда молча дымила свои папиросы, сидя на скамье, примыкавшей к самому забору, но всегда провожала его своим цепким, как магнит, и, как казалось Эдику, злым взглядом.

– Здравствуйте, Клара Карповна, – вскочил с койки небольшого роста, юркий паренёк. Ещё два человека, оторвавшись от подушек, сели на кроватях, спустив ноги.

– Что за привычка валяться на покрывалах!? – повысила на них голос комендантша.

Парни нехотя встали с кровати и принялись разглаживать измятые покрывала.

– Здравствуйте, – тихо и покорно произнесли они нестройным дуэтом.

На приветствие комендантша не ответила. Юркий молодой человек, взяв под локоть комендантшу, направил её к двери, и она повиновалась этому движению безропотно. Они вышли в коридор и до Эдуарда долетели обрывки фраз сквозь полуприкрытую дверь. «...я и так сколько могла... всё уже забито битком... я узнавала... парень вроде неплохой ...считай, что он уже студент, я в профком звонила... отличник, сказали». Голоса шустрого студента не было слышно, а вот басовитый голос комендантши долетал до слуха Эдика, и он понял, что речь шла о нём. И он понял, что какие-то особенные отношения связывали коменданта общежития и этого шустрого паренёка. Послышались удаляющиеся шаги, дверь отворилась шире.

– Аркадий, – с деланной улыбкой произнёс вошедший.

– Эдуард, – пожав маленькую ручку Аркадия.

– Миша.

– Гена, – представились Миша и Гена, спугнутые комендантшей, и неуверенно переминавшиеся с ноги на ногу.

– Наша Клеопатра великолепна, не правда ли? – картинно произнёс Аркадий, пытаясь произвести впечатление на нового соседа по койке.

– Кто? – не понял Эдик.

– Наша комендантша. Кликуха у неё – Клеопатра. Похожа да?

– А, да! – подтвердил неуверенно Эдик.

В довольно просторной комнате, вытянутой от порога к окнам, стояли четыре койки. Одна лишь была не занята – у самой двери. В большом углу с новой тумбочкой у изголовья располагалась кровать Аркадия. Дальние койки у окна занимали Миша с Геной. Получалось, что койка Аркадия располагалась напротив. Эдик, открыл сумку, достал новый недавно купленный на заработанные деньги костюм, достал пару рубашек и брюки – вот и весь гардероб. Всё это было приобретено буквально накануне его отбытия в Киев. Он встал, открыл большой шкаф, извлёк оттуда старую деревянную вешалку.

– Финский? – спросил Аркадий, когда Эдик повесил на плечики костюм в модную полоску.

– Финский, – ответил Эдик не без гордости. Он вспомнил, как с Изей они выбирали костюм на торговой базе, куда вход был доступен далеко не каждому. Так ему сказал Изя. Эдика немного смутило то, как внимательно рассматривал доставаемую из сумки одежду Аркадий.

– С рук брал? – спросил Аркадий.

– На базе, – почти с гордостью ответил Эдик.

– А мне смог бы достать? – спросил Аркадий, так запросто, будто они уже тридцать лет знакомы.

– Не знаю, мне знакомый... – Эдик запнулся, – помог.

– Червонец сверху даю, – перебил шустрый Аркадий, – если можно, я бы два взял...

Тут Эдик, округлив глаза, произнёс, понизив голос до шёпота:

– Хорошо, попробую.

– Италия? – спросил Аркадий, пощупав новую рубашку Эдуарда.

– Италия, – согласился Эдик.

– Тоже на базе брал? – с одесским акцентом спросил Аркадий.

– Да...

– Смотри, – произнёс Аркадий. Он ловко извлёк из своей сумки, лежащей под кроватью джинсы. Эдик заметил, что там ещё остались джинсы и, похоже, не одни. Аркадий развернул синие, так манящие джинсы. Глаза Эдуарда блеснули тем блеском, который не укрылся от опытного Аркадия. Эдик невольно протянул руку, пощупав рукой плотную джинсу.

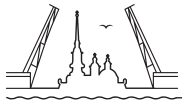
– Ну, как?
 – Класс, – выпалил Эдик.
 – Хочешь такие? Могу продать.
 – Пока нет, – ответил честно Эдик, – у меня пока нет столько денег.

Конечно же, Эдик мечтал о джинсовых брюках, но он знал цену, поэтому отказался. Аркадий уловил вспыхнувший блеск в глазах Эдика, и, наблюдая, как тот теребил в руке джинсовку, понял, что перед ним «свой человек». Тем более что он имеет какие-то связи на базе в своём городе.

– Пойдём в кафешку, тут рядом, потолкуем. Разговор есть, – заговорщицки произнёс Аркадий, а заметив нерешительность собеседника, добавил, – я угощаю, – и Эдик согласился.

VII

Как-то так получалось, что обстоятельства стремительно увлекали его, чуть ли не помимо воли, в совершенно неизведанную жизнь. Всё изменилось за несколько дней так стремительно и так неожиданно, что ночами сон не шёл, и Эдик долго лежал на панцирной кровати, уставившись в чёрный безбрежный потолок. Порой пространство комнаты расширялось до бесконечности, терялись тусклые очертания прямоугольника над головой, мысли уносились далеко. Эдуарду в такие минуты казалось, что всё случившееся с ним в последние дни – это просто вымышленная болезненным воображением фантазия. Но посапывания товарищей по комнате придавали возникающим мечтаниям, сомнениям, терзаниям просто метафизическую присутственность и принадлежность к материи явного. Иногда ему казалось, что он спит, и, что это во сне Аркаша предлагает две пары джинсов увезти в родной город Хмельник, там продать их, а на вырученные деньги «достать» на базе три костюма, десять рубашек, привезти их в Киев; а за это его друг, а теперь он иначе не мог назвать Аркашу, даёт ему 60 рублей. Ровно такое вознаграждение он получил за месяц работы продавцом керосина. Вапно он не считал – это дополнительный заработок, правда сумма его превысила Изин оклад. И это за пару-тройку дней – две стипендии! Он уже узнал,

что обычная стипендия составляла 30 рублей, повышенная – 45. Нужно получать повышенную, подумалось Эдику. Математически сложенный ум Эдуарда прибавлял, вычитал, умножал, делил, цепко удерживая сложившиеся суммы предполагаемого «гешефта», как говаривал иногда отец Доры.

Экзамен, как и ожидалось, Эдик сдал легко, его особо не допрашивали. Он слышал неуверенные ответы других абитуриентов, пока готовил свои вопросы. Они настолько были легки и понятны, что Эдик просто скучал, ожидая своей очереди. Вот и слушал, что отвечают другие. Ему так и хотелось подсказать, но силой воли заставлял себя молчать, памятуя о не минуемых санкциях за нарушение правил.

Экзамены закончились. Ждали понедельника, когда вывесят списки зачисленных студентов. И вот день истины наступил. Аркадий, проходивший эту процедуру, сообщил насельникам комнаты, что списки будут вывешены в 10 часов в холле у двери приёмной комиссии. Эдик числился в списках счастливчиков. Первым поздравил его Аркадий:

– Поздравляю, студент, – обыденно произнёс он, подал руку.

– Спасибо, Аркадий. А что если мы зайдём в кафешку по такому случаю, – предложил Эдик.

– Возражений нет. Заодно обсудим наше дело. Надеюсь, ты не забыл, что обещал?

Эдик ничего не обещал Аркадию, но разговор-то состоялся, и Аркадий уже наседал довольно агрессивно и наступательно. Намёки просекались достаточно прозрачные, но Эдик пока отмалчивался. Сегодня вопрос прозвучал прямо и даже настойчиво.

– Так, как там насчёт костюмов, рубашек? Сможешь организовать. Можно неплохо дельце замутить. Не забыл наш разговор?

– Не забыл, – ответил он твёрдо своему новому другу, – позвонить нужно, – понизил голос Эдик.

– Пойдём, позвоним, я знаю, где народу меньше.

– Пойдём.

Они сели в электричку и уехали в пригородную зону, где действительно на переговорном пункте народу было гораздо меньше, чем в центре.

Наконец-то казённый женский голос произнёс: «Абонент номер триста сорок пять. Кабина номер три»

– Ты там будь поаккуратней, – почему-то предупредил Аркадий, на что Эдик не обратил внимания. Он был поглощён своими думами, он хотел похвастаться своим успехом, ему не терпелось побыстрее договориться о костюмах, рубашках.

– Алло! Это Эдуард. Да из Киева. Я прошёл, меня зачислили.

– Мы тебя все поздравляем, – ответил Изя, – мы не сомневались на счёт твоих способностей, и их таки заметили. Какой ты молодец...

– Я вот, что хотел спросить, – перебил Эдик, боясь, что мысль ускользнёт, что не успеет сказать главное.

– Я тебя слушаю внимательно, – отозвалось в трубке.

– Мне нужно купить для друга пару костюмов и рубашки, как у меня...

– Ах это ты Эдичка, сыночек, как ты поживешь в этом Киеве? У тебя есть где жить? Сейчас так трудно с жильём в Киеве. – перебил Эдуарда Изя.

Эдик удивился и «сыночку», и Эдичке, и вообще такому заботливому тону.

– Нормально поживаю. Я ж уже сказал, что поступил. Дали общежитие... Так я хотел такой же кос...

– Какой же ты у нас умный мальчик, – снова перебил словоохотливый Изя. Мы не сомневались, мы все знали, что ты очень способный. Я тебе уже говорил, что ты весь в папу. Ты таки голова. Боже, как мы рады, как мы рады. Мы рады, что есть общежитие, что у тебя появились друзья. Хорошо, что ты хочешь приехать. Я маме твоей, как увижу, расскажу, что у тебя всё хорошо, что общежитие есть... Она обрадуется...

Эдик слушал непрерывную тираду, и не мог даже слово вставить. Он звонит по такому важному делу, а этот Изя не даёт слова сказать.

– Дядя Изя, я хотел... – громко, чтобы перекричать Изю повторил Эдик.

– Ой! Ты так кричишь, что жену разбудишь. И не только её. У тебя такой громкий голос. Тише говори, я тебя и так слышу. Ты рассказал своему другу, какой у нас город? А какая у нас вода радоновая, он знает? А какой у нас курорт? Так у меня там главный врач знакомый, я могу курсовку или путёвку взять...

– Какую курсовку, какую путёвку. Я хотел...

– Что ты перебиваешь старших? Не хорошо, Эдик, перебивать старших, ты ведёшь себя, как маленький, слушай, что я говорю. Приезжайте с другом к нам в Хмельник, отдохните после своих экзаменов, я всё устрою...

– Я же хотел...

– Я всё устрою... – сказал строго Изя и повесил трубку.

И только когда из трубки пошли короткие гудки, дошло до Эдика, что Изя не давал ему трепаться о деле, опасаясь прослушки. И – «всё устрою» давало надежду на благоприятный исход задуманной комбинации Аркадием. «С Аркадием хочет познакомиться, проверить хочет» – догадался Эдик. Ему был преподан первый урок конспирации.

Сидя за столиком в кафешке, Аркадий спросил:

– Ну и о чём договорились?

Эдик пересказал телефонный разговор во всех подробностях, а его друг слушал внимательно, докапываясь до каждого слова, и Эдик понял, что случившийся разговор имел особое значение, и с этой поры начинается в его жизни какой-то новый виток. Аркадий будто подтвердил его робкую и роковую догадку.

– Я ж тебе сказал, будь осторожней. Разве можно открытым текстом? Ну, что ж, поедем в санаторий, – задумчиво произнёс Аркадий, – значит, говоришь, всё устроит?

– Сказал, что всё устроит.

VIII

– Ну, шо, Бора скажешь? – спросил Изя, пытливо всматриваясь в одутловатое лицо своего племянника.

– Его голыми руками не возьмёшь. Хитрый лис этот Аркашка. Лишнего не взболтнёт. Как я ни пытался, не прокололся ни разу. Лечить, говорит, приехал свой ревматизм, страдаю, говорит с детства. Я ему и джинсу предлагал и фотобумагу. Не соглашается. Нету, говорит, денег. А глаза-то заблестели. Калач тёртый, на гнили не проколется.

– И то шо он студент, хорошо. Человек свежий, но, мне кажется уже с историей. Он же джинсой торгует, – задумчиво сказал Изя.

– Может, оно и так. Но раз сюда приехал, значит это у него случайные сделки – это первое, ну с другой стороны, человек опытный, видимо есть свои точки, – Боря отпил чай, поставил чашку, посмотрел в лицо своему дяде.

– Так он ещё и валютой балуется... – продолжил Изя, как бы вытягивая из Бориса его мнение. Бориса он ценил, как человека бывалого. Тот уже успел отсидеть два года за валютные операции.

– О! Это не совсем хорошо, как бы там хвостов не было, – Борис скривил мясистые губы.

– Эдик говорит, что там всё тихо, с ментами пока дел не было.

– Но то – до поры до времени, если с валютой связался...

– Шо ты предлагаешь? – спросил Изя, как бы подводя итог разговору.

– А шо тут предлагать? Будем рисковать. Шо, первый раз?

– Скоро Эдик придёт, – напомнила Изе жена, появившаяся в дверях, – ставить пирожки?

– Ставь.

Пришёл Эдик.

– Садись, Эдик. Ближе, ближе, – Изя показал ладонью на рядом стоящий стул.

– Проверили мы твоего Аркашу, – без обиняков и прямо сообщил Изя.

Вошла жена с пирожками на подносе.

– Дора готова ехать, – сказала она тихо.

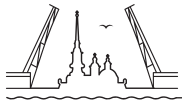
– Хорошо, – тихо, только для жены ответил Изя, и снова вернулся к прерванному разговору.

Жена поставила поднос на стол, и вышла, будто почувствовав серьёзность момента.

– Нормальный человек, надёжный, – дал короткую характеристику Борис Аркадию.

И только теперь в мозгу Эдуарда всё срослось: так вот какой Борис жил в одном номере санатория с Аркадием, так вот почему нельзя было Эдуарду бывать в санатории: чтобы не проколоться.

– Ви с Дорой поедете на вокзал с Борой на «Москвиче», – сказал строго Изя, – у вас третий вагон, у Аркаши пятый. Он автобусом приедет... санаторским. Сумки будут в машине. Аркаша всё знает. Я с ним встречался час назад. В Киеве одну сумку отнесёшь

Доре на квартиру, потом в общагу притащишь; другую – заберёт Аркаша. Через неделю деньги передашь Дато. Ты его у меня видел.

– Знаю Дато, – подтвердил Эдик, – через неделю? Успеет?

– Да, через неделю, – строго повторил Изя, – Аркаша сказал, что клиенты у него все «расписаны».

– А я?

– А ты не при делах... пока, – сказал Изя строго, – свою долю получишь... Дато знает, – добавил он после паузы. – Никуда не лезь, никакой самодеятельности. Ещё вот, что: тебе нужно посориться с Аркадием.

Эдик с удивлением посмотрел на Изю.

– Не делай удивлённые глаза. Это не всерьёз, но нужно сделать так, чтобы вашу свару увидели студенты, чтобы запомнили. Так надо. Пусть комендант расселит вас в разные комнаты. Ваши соседи по комнате должны знать, что вы в контрах. Аркаша знает... И в Киеве никаких контактов на людях.

Эдуарду всё сказанное не очень пришлось по нраву. Вышло так, что именно Аркадий становился номером один, а Эдик вроде подыгрывающего. Своим, не лишённым логики, умом он понимал, что так будет правильнее, вернее, но нутро сопротивлялось. Он ждал больших дел, да и что греха таить – больших денег, а его просто устранили отчего-то главного, чего-то стержневого. Но понимал он и другое: решение уже принято, роли расписаны, возражать в данной ситуации не стоит, ибо выглядеть это будет жалким бляением обиженного ягнёнка.

* * *

Состояние неудовлетворённости сложившемся положением вещей в большой степени нивелировалось тем светлым чувством, которое уже давно возникло к дивной девушке, которая сидит напротив, уставившись в вагонное окно. Вагон слегка покачивает и приходит какая-то лёгкая затуманенность рассудка, уводящая мысли куда-то далеко-далеко.

– Ты с Аркадием в одной комнате? – задала она такой нейтральный вопрос, чтобы возбудить беседу.

– Да, пока в одной, – ответил Эдик.

– Почему «пока»?

– Не знаю, но пока живём в одной комнате.

Не посвящать же Дору во все тонкости состоявшегося разговора с её отцом накануне отъезда.

– Рядом со мной кинотеатр, может, в кино сходим? – спросила Дора после образовавшейся паузы.

– С удовольствием, а какой фильм?

– Я не знаю, меня же в Киеве два месяца не было. А нам какая разница.

– Действительно... какая разница, – Эдик нежно накрыл своими руками мягкие кулачки Доры, лежащие на приоконном столике.

– Знаешь, Эдик, – сказала тихо Дора, словно разгадала его думы, – ты в эти разные игры с отцом не заигрываешь.

– В какие игры?

– Не строй из себя несмышлёныша, всё ты понял. Я боюсь. Особенно дядя Боря, Гога, Дато... Будь осторожен.

Эдика передёрнуло. Он и сам догадывался, вернее, чувствовал кожей, что дело тут не чисто. Во всей этой истории его смущали, прежде всего, объёмы этой первой для него сделки: двадцать финских костюмов, сорок итальянских рубашек! Вспомнилось – «Я всё устрою». Вот – устроил. Ай да Израиль Ефимович! Откуда такое количество товара? Задавался вопросом Эдик, и его мозг уже калькулировал, считал, анализировал. Сумма получалась, как ему показалось, заоблачная. А эта осторожность: ехать в разных вагонах, в Киеве товар разделить на партии, с Аркадием не контактировать, расселиться по разным комнатам. Потом этот подозрительный Дато, который так неожиданно обычно появлялся в доме Изи. Иногда он даже ночевал у него. Это ему уже Дора намекала. Она даже жаловалась, что он выказывал к ней особое расположение, что пугало её. Не знал Эдик того, что этим же поездом везли партию товара в два раза большую Дато и его двое поделников. Три человека в спортивных костюмах с огромными спортивными сумками сели в разные вагоны.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Андрей РОМАНОВ*

ВСЕЛЕННАЯ РАЗБУЖЕНА СЛОВАМИ

* * *

А. П. Ганнибалу

Над стреноженной Суйдой – ни звука,
ни собак, ни хмельных петухов.
Исчезает глобальная мука,
как история средних веков.

Всё, что будет впоследствии с нами,
пусть фельдъегерем катится прочь!
Поднялась над грибными лесами
в полный рост африканская ночь.

* Романов, Андрей Владимирович (1945–2014) – поэт, прозаик, публицист, просветитель, общественный деятель.

У неё на груди деспотичной
вспыхнут звёзд золотые огни,
звёзд, которых вовек не достичь нам
потому, что сгорели они.

Потому, что на зорьке, несмело,
но вначале, –
а после – сильнеей
затрезвонят скворцы обалдело,
и дворяги сорвутся с цепей.

Хлынут вслед пересохшие воды,
побурев в силикатной пыли...
Будет праздник тепла и свободы
на любом перекрёстке земли.

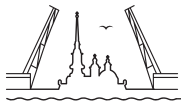
* * *

Раздвинув сумрак с четырёх сторон,
как ветви бронзовеющего сада,
ричу тебе: «Не уходи, не надо!
Нам столько лет, что верится с трудом!

Мы стары (как замешенный бетон),
мы юны (словно инков автострада),
нам жить, пока не встретил электрон
критическую массу в недрах ада.

И вдруг артист на том краю планеты
на склоне лет вообразил, что он
поджечь планету правом наделён...

Пусть лучше солнце с лохмами поэта
расколет мир! И пусть в лучах рассвета
в твоих окошках отразится он».

* * *

В мрачной Суйде лунное затмение,
вышли ёлки поиграть в лапту.
Снова Ганнибалово именье
вязкую вдыхает темноту.

Дождь скворчит ли, память напрягая,
или отрок скачет на коне,
или ты, от зим оберегая,
на плечо склоняешься ко мне?

Свет погряз в котомочке аптечной,
раскрутив просёлки, как бинты,
лишь о том, что наша боль не вечна,
вряд ли не догадывалась ты.

Избавленье снизошло внезапно...
И слезами я себя душил,
выходя, как войско, поэтапно
из любви,
что сам не заслужил.

* * *

Вот звезды отгоревшей осколки
с неба сыплются в бабкин ушат.
Слышишь?
Певчие птицы замолкли.
Слышишь?
Мыши беспечно шуршат!
Но кошачий штудируя тревник,
твёрдо веря в заветы отцов,
бродит ночью бесшумный нахлебник,
сея смерть средь крылатых певцов.

* * *

В ухе – чуть слышная нить комара,
в небе – ночная струна самолёта,
слышишь, в углу, копошась до утра,
наш крестовик расставляет тенёта.

Хлебную крошку грызёт таракан,
ангел-хранитель шуршит занавеской,
мышка-норушка попалась в капкан,
где-то, напротив, в кладовке соседской.

Слышно, как носом сопят пацаны –
замуж с утра не раздумала мать бы...
Слышно, какие счастливые сны
видит вдова перед завтрашней свадьбой.

СКАЗКА О ЖАБЕ

Живёт незамужняя жаба в колодце,
она в уголке на плаву возлежит;
ей врач запретил появляться на солнце,
где аист упорно её сторожит.
Но в полночь, когда комары свирепеют,
и слизи ползут по стеблям на обед,
она путешествует в рощах пырея,
и ест их, покуда не встанет рассвет.
Барбос, животом припадая к планете,
ту жабу проводит до самой норы...
Боятся её непослушные дети,
обходят её стороной комары,
И слизи ползут к аистихе с доносом,
мол, нет от разбойницы-жабы житья,
и аист, простуженный щёлкая носом,
на ужин планирует слопать ея.

* * *

В окошко смотрит высохшая липа,
в саду сирень бушует перед ней,
и летний ветер в золотистых бликах
касается нагих её ветвей.
... Была зима и взбалмошной и горькой:
то оттепель, то снова холода
прихватят почву ледяною коркой.
Под ней уснули корни навсегда.
Не вернуть ветвей, что почернели,
ни времени, ушедшего вперёд.
Лишь на стене, на старой акварели
она ещё раскидисто цветёт.
В индустриальных городах Отчизны,
устав, как белка в колесе, кружить,
я чувствую оторванность от жизни,
с родной землёй не ощущаю нить.
Я забываю вкус воды озёрной,
почти не помню запаха цветов,
теряют всхожесть солнечные зёрна
под ледяным асфальтом городов.
А там, где небо в журавлиных кликах
ложится на проталины полей,
глядит в окошко высохшая липа,
и сад склоняет флаги перед ней.

* * *

Пред тобою склоняясь послушно,
мир забылся в оглохшей тиши,
и спешат облака равнодушно;
только ты им вослед не спеши.

Ты открой мне в единственном слове
топ-секрет, неизвестный верхам,

за который без всяких условий
я последнюю каплю отдам.

Ты не лезешь в карман за ответом,
отступив, лишь на самую пядь:
– Я владею тем самым секретом,
да весна приказала молчать.

* * *

Вселенная разбужена словами
ничтожных тварей, прыгнувших в ничто.
О, степень риска!
Да пребудет с нами,
забывшими в пространство долото.

И сколько б то пространство не кривилось
под спудом гравитационных сил,
но мир иной, как божеская милость,
уже для всех врата свои открыл.

Там на краю весёлой протоплазмы,
что вас мечтает слопать на обед, –
скафандр облепят пьявки и миазмы,
которых описать и слов-то нет.

А чьи там пасти жаром разгорелись?
Какой в эфире непотребный треск?
О, чуждых фраз чудовищная прелесть,
о, хлорных рек неповторимый блеск.

Ярослав МАЛЬЦЕВ*

* * *

Сколько лет минуло с тех пор,
Когда мы разошлись на мосту
Над широкой, тёмной рекой
Сердце падало в пустоту.

И кружился декабрьский снег.
И хрустел под ногами наст.
В первобытной мгле скрылся свет,
Больше нет во Вселенной нас.

По путям мы идём своим.
Нам чужое тепло – уют.
Никем не был я так любим...
И нигде так тебя не ждут.

* Ярослав Мальцев окончил исторический факультет Тюменского государственного университета, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения ТюмГУ. Автор двух сборников стихотворений; лауреат литературного конкурса «Лёгкое перо – 2017» (Тюмень).

ЛОТ

Не оглядываться назад!
 Нужно просто идти вперёд –
 За спиной развернулся ад:
 Горят сера и водород.

Горят чувства, привязанность, дом.
 Исчезают места любви.
 Свет архангел закрыл крылом.
 Нити к жизни старой порви!

Не оглядывайся назад!
 Держи руку в моей руке!
 Впереди, за дымкой, есть сад...
 Наша будущность на волоске!

Не оглядывайся назад!
 Разорви! Разорви! Приходи!
 Ты моя. Без тебя этот ад
 Развернётся в моей груди.

Алексей ШИХАЛЁВ*

ПИСЬМО

Дети в школе,
Но холодно в классе.
Буква А.
Выпускной нынче класс.

Наступила зима на Донбассе,
Восемь лет замерзает Донбасс.

По холодным домам серебрится
Белый иней потерянных лет.
Снег идёт.
И устало ложится
На увядший сентябрьский букет.

Снег кружится в разрушенном классе,
Мёрзнут руки, но в сердце тепло.

* Шихалёв Алексей Павлович родился 29 мая 1980 года в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Инженер по специальности «Проектирование, сооружение и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ». Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях. Живёт в Ижевске.

Пишет девочка мальчику Васе.
 О любви.
 Непростое письмо.

Буквы ровные в детском блокноте
 Чуть округлы и чётко ясны.
 Как ты там, в добровольческой роте?
 Также видишь волшебные сны?

Я не вижу.
 И только однажды,
 В бесконечную ночь ноября
 Уплывает кораблик бумажный,
 Унося в неизвестность тебя.

Подожди одинокий кораблик,
 Время есть до осенней зари.
 От причала растерзанных фабрик
 В неизвестность меня заberi.

Решено.
 И сомнения стёрты.
 Пусть борта накрывает волной.
 Можешь плыть хоть в чистилище к чёрту,
 До исхода останусь с тобой.

Буквы ровные в строчки садились,
 Цельным фронтом построившись в ряд,
 И озябшей рукой выводились,
 Под раскаты ночных канонад.

Завтра утром стремительной птицей
 Полетит фронтовое письмо,
 Чтобы там, у передних позиций,
 Смерть забыла своё ремесло.

Снег кружится в разрушенном классе.
 Мёрзнут руки,

Но в сердце тепло.
Возвращайся с позиции, Вася,
Сохрани непростое письмо.

Жизни грешные в небо уносит.

В НОЧНЫХ ЛЕСАХ

В ночных лесах, где авангард снежинок
Штурмует купола монастырей,
Мне правду говорил суровый инок:
«Дели печали матери своей».

Трещал мороз.
Смиренно кельи спали.
Псалтырь старинный трепетал в руке.
Во всех мирах слова его звучали
На русском православном языке.

А за стеной девчонкой неодетой,
И в будний день и в божий выходной,
Зима полки вела навстречу Лету
Чтобы упасть, расплакавшись весной.

Уснула ночь.
Чуть слышно ветер дышит,
По соснам развевая снежный дым.
В избе лесной,
Под общей звёздной крышей,
Мы Веру православную храним.

Здесь тысячи сильнее единица,
И дух святой презрел житейский хлам.
Россия здесь молитвою творится,
Невзгоды разделяя пополам.

ЧАСОВЫЕ

По просторам огромной России,
 Вдалеке от житейских морей,
 На пригорках стоят часовые,
 В куполах опустевших церквей.

Летний зной да туманы сырые,
 Иль февраль ворошит снегопад,
 На пригорках стоят часовые,
 В тишине их лампы горят.

Здесь бывало под звуки гармошки,
 Под Рязанский цветной хоровод,
 Заиграют по избам окошки
 В православный шестнадцатый год.

Здесь когда-то любили, женились.
 «Отче наш», – повторяли уста.
 И на Пасху поближе садились,
 В каждом доме встречая Христа.

Налетели тревожные годы
 Чёрным солнцем да криком ворон.
 И никто не ведёт хороводы
 На останках забытых имён.

Лишь они православной загадкой
 Неизменно стоят на постах.
 И огни, зажигая в лампадках,
 Прячут грозы в огромных крылах.

Для того чтобы помнили люди,
 Чтоб вернулись в покинутый дом.
 Ты поверь!
 И лампада зажжётся.
 Летним вечером в сердце твоём.

ПРОЗА

Григорий ПАПЕРИН*

ШЕЛКОВИЦА

Мечтали мы, что там во взрослой жизни,
Не ведая сегодняшнего дня,
Все дни и ночи будут живописны,
Что оседлаем в яблоках коня.

Когда на чёрном как смоль южном небе появляется первая полоса света и, наплывая на тьму, оставляет за собой прозрачную вуаль, настолько прозрачную, что яркие звезды за ней едва ли теряют свой чарующий блеск; когда бесконечно далёкий Млечный Путь, мутнея, начинает расплываться задумчивым туманом, и ночь открывает свои объятия навстречу неведомому завтра, — тогда наступает предрассветный час, в котором ощущение одухотворённости и единства всего сущего на земле и за её пределами воспринимается чувственной явью.

Мальчик из далёкого северного края, увидев картину встречи темноты со светом, был настолько впечатлён величием красо-

* Паперин, Григорий Викторович — «Свободный художник», ищущий возможность запечатлеть в Слове мерцающие проблески осознания событий ускользающей жизни для обретения смысла Бытия. Родился в Ленинграде в 1953 году. Окончил РТ факультет ЛЭИС в 1976 году.

ты происходящего, что с тех пор начал вставать на рыбалку задолго до восхода солнца.

Он на цыпочках и на ощупь выходил из спящего дома и всматривался в небесную высь.

Свет звёзд и белые стены мазанки слегка разбавляли непроглядную черноту ночи. Убедившись, что он не проспал, Петя засовывал под резинку широких трусов пилотку из газеты, поднимал на плечо перетянутую ремнем камеру от колеса машины, брал удочку, комок теста и тихо покидал двор.

Осторожно, чтобы не звякнул крючок и не скрипнули петли, он отворял калитку и босиком выходил на мощный булыжником тротуар.

Дорога до реки шла вдоль садов с деревянными заборами и нависающими кронами деревьев. Под их тенью темнота сгустилась до черноты сомкнутых глаз. Спущенные с цепей собаки, учуяв прохожего, протискивали клыкастые пасти между штакетником, рычали и неистово лаяли на бесшумный призрак в ночи. От одной мысли, что какая-нибудь из них найдёт лаз в заборе – хотелось бежать. Мальчик прятал лицо за широкую камеру и ускорял шаги, как только мог.

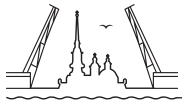
Купальню илистой реки Телигул окружали недвижные, словно околдованные красотой ночи, заросли камыша.

Пётр заходил по колено в воду, снимал с плеча лодку без дна и аккуратно, чтобы не спугнуть тишину, касался ею отражения звёзд.

Оттолкнувшись от берега, он бесшумно грёб дощечками туда, где можно было увидеть всю небесную ширь в самый волшебный момент ночи.

Зажатая между колен удочка была похожа на высокую мачту, но стены тростниковых коридоров поднимались ещё выше.

Проход то сужался, то расширялся, разветвляясь и заманивая в темноту лабиринтов. Сам себе капитан хорошо знал все повороты и никогда не сбивался с пути. Он выплывал на середину большого плёса, останавливался на островке из водорослей и сливался с окружающим безмолвием. Бесконечная бездна над его головой отражалась в водной глади свечением несметного количества звёзд. Вечно шуршащие тростниковые листья не издавали

ни единого звука. В бескрайних просторах тьмы всё застывало в ожидании появления света.

Где-то далеко за кромкой земли, кто-то зажигал свечу, и светлая дуга от края до края горизонта, будто нарисованная циркулем, появлялась и начинала своё движение по огромной небесной сфере.

За первой дугой шли новые и новые дуги. Границы между ними исчезали, сливаясь в единый, пока ещё робкий свет.

Что-то необъяснимое начинало происходить в пространстве: вместе с нарастающим светом нарастало ощущение приближения Того, кто зажжёт свечу. Пётр ощущал дыхание окружающего мира, как своё собственное. Казалось, что Дух Вселенной проникал всюду, заполняя собой всё вокруг.

В веере волн от мордочки проплывающей ондатры, звёзды приходили в движение, рисуя на воде уходящие вдаль мерцающие дорожки. Постепенно небесная вуаль теряла свою прозрачность. Река покрывалась тонкой дымкой испарений, насыщая воздух ароматами подводных садов. В дальних концах плёса появлялись чёрные утки-лысухи с белым пятном на лбу. В глубине зарослей слышались первые голоса птиц. Чёрно-серые оттенки ночи обретали краски раннего утра.

Словно очнувшись, Пётр вынимал ноги из молочного тепла реки, отрывал раздувшихся чёрных пиявок и плыл к заводу, окружённой зарослями рогаза с домиком ондатры среди коричневых початков на палочках.

Взявшись за пучок плоских, похожих на длинные сабли стеблей, он подгибал их под себя и начинал рыбачить.

Насадив на крючок шарик из теста, рыбак забрасывал снасть в чистое от травы окно и застывал в трепетном ожидании поклёвки.

Шевеление кусочка пробки с торчащей из неё спичкой, вводил его в состояние восторженной радости, наполняя копилку души светом счастливых мгновений.

Макушки тростника загорались оранжевым цветом, заливая всё вокруг яркими бликами восходящего солнца.

Встретив восход восторженным пением, птицы вскоре замолкали, занявшись своими птичьими делами. Из далёкого-далека раздавался долгий звук заводского гудка, призывая жителей городка Ананьев к трудовым подвигам.

Петя знал, что Тамара – его тётя и крёстная мама, как и все взрослые, скоро пойдёт на работу. Ещё он знал, что бабушка Лиза уже покормила кур и ходила на базар с ведром фруктов, чтобы продать их и купить хлеба и чего-нибудь ещё.

Для Пети всегда было загадкой, как можно спать на коротком деревянном сундуке с выпуклой крышкой? Бабушка спала на нём без подушки и одеяла часа четыре, и этого ей хватало до следующей ночи.

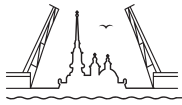
Когда солнце поднималось высоко – поклевки прекращались. Рыбак надевал пилотку, сматывал удочку и, освободив из плена стебли рогоза, начинал осторожно грести вдоль границы плёса – он искал знакомую Щуку. Найдя её, Пётр подолгу любовался мощью формы и красотой окраски. Щука лениво шевелила большим глазом, глядя то на него, то на блестящих краснопёрок, болтающихся на связке в воде. Иногда возникало желание поймать и показать её всем, но справиться с такой силищей он вряд ли бы смог – она была с ним одинакового роста!

На заросшем осокой берегу купальни собирались местные пацаны. Они знали, что выплывающий из камышовых зарослей мальчик – школьник из Ленинграда, что он дружит с Вовой, а у Вовы есть старший брат. Поэтому к Пете никто никаких вопросов не имел. Да и имя города Ленинград вызывало у местных жителей неподдельное уважение.

Некоторых из ребят он знал по именам и иногда, подсаживаясь к ним, отдавал свою пилотку. Порвав её на прямоугольные кусочки, они насыпали на них растертые сухие листья с примесью табака из собранных по улицам окурков, щедро слюнявили края и, скрутив папиросы, закуривали с важным видом бывалых мужчин. Одну папиросу давали Пете. Подражая старшим, он вдыхал горький дым, но закашлявшись, уходил купаться.

Насладившись объятиями реки и ощущением праздника наступившего дня, он покидал купальню, унося с собой впечатления встречи Темноты со Светом и тайну о Том невидимом, кто зажигает свечу.

Днём обратный путь выглядел совсем иначе: сквозь сочную зелень садов белели стволы фруктовых деревьев. Мазанки, на их фоне, казались голубыми. Серый выгоревший камыш на крышах придавал картине уют красивой сказки.

Петя хорошо помнил, как он смешивал жидкую известь с порошком синьки, подсыпая её из пакетика, отчего побелка становилась похожей на голубое небо.

По другую сторону тротуара тянулась глубокая канава с выгнутыми кверху краями плиток растрескавшейся земли. За ней и за зелёной полосой из ясеней, клёнов и плодовых деревьев, виднелась вымощенная таким же булыжником дорога. Улицы городка были пустынными. Иногда можно было увидеть понуро идущую лошадку, тянущую за собой деревенскую телегу. Ссутулившийся в телеге дед никогда не смотрел по сторонам и казался спящим.

На обочинах дороги лежал толстый слой пыли с редкими кучами кизяка. Собаки дремали в будках, скрываясь от палящего солнца.

Дома его ждала бабушка. Отдав улов, он брал два ведра и шёл за водой. Вода из колонки пахла тухлыми яйцами, но была вкусной и очень холодной.

Пообедав, он сел на велосипед и ехал к другу Вове. Они мчались наперегонки по крутому спуску центральной улицы, взлетая на торчащих булыжниках. Или переезжали деревянный мост через речку и по узким тропинкам заезжали в места, где по склонам к реке росли раскидистые деревья грецких орехов и уходили в небеса стволы высоченных акаций. На высоком берегу голубели глинобитные хатки с маленькими окошками и тростниковыми крышами пирамидкой. В гуще ветвей пела ярко-жёлтая иволга. В тени деревьев вольно гуляли разноцветные куры, беспрерывно теребя землю когтистыми лапами.

Выбрав место повыше, друзья прислоняли велосипеды друг к другу шалашиком, сидели рядом и смотрели на бескрайнюю ширь тростниковых просторов. Иногда ветер гнал по их вершинам сизо-зелёные волны. Они шумели о чём-то своём, навевая мечты о будущей взрослой жизни.

Тамаре, как вдове погибшего на войне офицера, выделили большой участок земли, и они с мамой вырастили на нём настоящий фруктовый рай.

В начале лета созревала жёлтая, насыщенная солнечным светом черешня. Её блестящий розовый румянец манил и радовал глаз. Груши и яблоки, вишни, сливы, абрикосы и даже персики – сгибали ветви обильными урожаями.

Но было в саду одно старое дерево, растущее особняком среди зарослей малины, которое мальчик особенно любил. Каждое лето оно становилось черным от ягод шелковицы. Пете казалось, что её плоды впитали в себя черноту летних ночей, а в их глянце-вых бугорках прятался блеск невидимых днём звёзд.

Высоко над землёй – у самой макушки, ветви сплетались так плотно, что на них можно было лежать, не боясь упасть. Взобравшись как можно выше, он любил наблюдать за фантастическими картинами плывущих облаков, выискивая в них схожесть с силуэ-тами людей и животных.

Особое место в череде приключений его летних каникул занимали грозы. Петя выбегал на середину двора под тёплый ли-вень, задирали лицо к грозным тучам, стараясь поймать взглядом как можно больше молний. Дождь заливал глаза. Уши едва выдер-живали грохот раскальвающих небес. Внутри всё содрогалось. Мощь стихии восторгала!

Ливни быстро заканчивались, но канавы вдоль тротуаров наполнялись водой до самых краёв, а на дорогах появлялись боль-шие, чуть парящие лужи, по которым было так здорово бегать бо-сиком. Запахи испарений земли и отмытой от пыли зелени хоте-лось вдыхать и не выдыхать, чтобы как можно глубже проникнуть в их неповторимые ароматы.

Местные жители относились к грозам с опаской. Слухи о том, что кто-то прятался под кровать или в погреб, всегда удив-ляли и забавляли. Говорили и о трагических случаях, но как отно-ситься к таким историям он не знал.

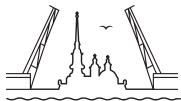
Иногда по вечерам приходили бабушкины подруги. Рассказы про «нечистую силу» вызывали у Пети особенный интерес. Про то, что Маня осмелела и залезла на чердак своего дома. Всё шептала подругам по секрету, что по ночам там кто-то ходит, и вот наконец-то решила посмотреть.

– И кто?

– Не веришь! – весь чердак в козлиных следах, будто там черт топтался.

– Да ты что! Упаси Господи. Наворожил кто, не иначе. А я-то смотрю, Маню будто кто подменил, думала захворала, а оно во как!

– А слышали, Йося весь свой двор перерыл? Ночью он вышел во двор по нужде, смотрит, а на земле пятно светится. Никаких

лучей нет, а оно светится, и то двигается, то замрёт. Так знающие люди сказали, что там, где пятно не двигалось – там копать надо, это золото клада наружу просится.

– И что?

– Да ничего – видно копал мелко.

– Фёкле тоже в форточку шар залетал, прям днём. Он аж синим горел. Думала всё – пришли за ней. А он полетал-полетал и обратно вылетел. Может у Йоси тоже шар летал?

– Да Бог его знает, что там у него летало, только запил он после этого. Двор так и стоит в окопах весь.

В разговорах взрослых Петя часто слышал слова о том, что время летит или даже несётся. «Как же так, – думал он, – как оно может нестись, если только четвёртый класс тянулся так бесконечно долго? Время будто стоит на месте и не хочет двигаться. Или у взрослых оно идёт по какой-то короткой дорожке? А может они так заняты, что перестают замечать зелёные крылья майских жуков, синие переливы спинок и радугу в глазах стрекоз? А ведь в каждой минуте столько всего происходит, что только один день и одна ночь вмещают в себя целую маленькую жизнь».

В то лето – после четвёртого класса – бабушка Лиза умерла. Это была первая смерть близкого человека. Петя не знал, будет ли ей хорошо там – в другом мире? Придётся ли ей опять спать на неудобном сундуке? Ему было очень жалко бабушку и себя тоже. Он не верил, что они больше никогда не увидятся.

Тамара осталась одна, и родители разрешили Петру остаться на год в Ананьеве. Пятый класс он учился в русской школе и это был самый лучший год в его подростковой жизни. Новые друзья, новые впечатления. Запахи костров из опавшей листвы в остывающем воздухе осенних садов. Ароматы кукурузных снопов во дворах, чистый снег и прозрачный лёд на реке. Розовые цветы ранней весной на голых ветвях абрикосовых деревьев. Белые акации, яблоневые сады и первая влюблённость...

Ещё был патефон, наполняющий дом музыкой. Надо было только выбрать чёрный диск с дырочкой посередине, покрутить кривую ручку чемоданчика и аккуратно опустить иглу на шершавую поверхность пластинки. Патефон хрипел и заикался, игла щелкала на царапинах, но гости всегда приходили в радостное оживление при его звуках. Песни двух народов смешались в еди-

ной стопе в тумбочке под патефоном. Всю последующую жизнь, услышав одну из тех мелодий, Пётр Александрович невольно вспоминал своё одухотворенное детство, цветущие сады и дорогих ему людей.

* * *

Белой северной ночью, когда рыжие цвета вечерней зари, не угасая, превращаются в золотые краски рассвета, Пётр Александрович рыбачил на большом лесном озере. Стояли жаркие дни, вода зацвела и рыба не клевала.

На одном из островов появился сигнальный дымок костра проснувшихся друзей. Сматывая последний спиннинг, он неожиданно ощутил удар такой силы, будто зацепился за проплывающую мимо подводную лодку. Успев заглушить мотор, он не мог остановить быстро разматывающуюся катушку. Катер плыл следом, ведомый непреодолимой силой.

Через полчаса борьбы смотанный шнур удалось подмотать обратно, но, когда из воды показалась голова чудовищных размеров, сердце рыбака на миг остановилось, а потом заколотилось, словно желая выскочить.

Попытки засунуть щуку в подсак – успехом не увенчались – в него входила только треть. Её толщина поражала, а длина была не меньше его роста. Из последних сил, гигантская рыбина ушла под катер, но вконец обессилив, замерла вдоль борта. Её жабры казались больше штыковой лопаты. Можно было засунуть в них руку по локоть. На губе за тройником виднелась большая дыра. Стоило ослабить натяжение, и крючок отцепился бы сам. От возбуждения Петра Александровича потряхивало: все самые большие трофеи за всю его рыбацкую жизнь меркли перед рыбиной, стоящей на расстоянии вытянутой руки. Втащить такую непосильную тяжесть в катер можно было только за жабры. Он подтянул её вплотную к борту и уже опустил руку в воду, но вдруг заметил, что огромный глаз щуки наблюдает за ним. Непонятно откуда появилась тревога, похожая на боль утраты. Мгновенно память перенесла его на полвека назад. Вспомнился телигулевский плёс и та Щука-красавица, которая была одинакового с ним роста, только тогдашнего.

Он опустил спиннинг, натяжение шнура ослабло, и блесна соскользнула. Хозяйка озера по-прежнему стояла неподвижно вдоль борта. Пётр Александрович склонился над рыбиной, погладил её могучее тело и она, словно очнувшись, шевельнула хвостом и медленно поплыла в глубину тёмных вод. Рыбак откинулся на борт катера и долго смотрел в небо. Ему казалось, что он лежит в объятиях шелковицы и над ним плывут всё те же белые облака, как и тогда – в далёком и счастливом детстве.

ПОЭЗИЯ

Николай **БОРСКИЙ***

О ПУТНИКЕ ГРЕЗИТ ДОРОГА...

ЗВЕНО ВРЕМЁН

Я человек. Глаза, и слух, и слово.
И дело. То есть – прочное звено
Бытийной цепи. И точь-в-точь второго
Создать Вселенной больше не дано.

Из уст в уста мой труд передавая,
Идут года бескрайней чередой,
И крона дуба высится густая
Из жёлудя, посаженного мной.

* Борский, Николай Алексеевич – поэт. Автор 47 книг и большого числа публикаций в периодике, в антологиях и альманахах. Многократный призёр и лауреат отечественных и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Подмосковье.

И круг забот, очерченных судьбою,
Непрост, хотя вполне под силу мне:
В земном пределе я вершу земное,
Не забывая притчу о зерне.

И всё? И это – жизнь и я на свете?
И ничего мне в будущем не жаль?
И за века грядущие в ответе
Не буду я? Тогда зачем печаль,

Что в тех веках мне не родиться снова,
Не продолжать за жизнь неравный бой
Да просто света белого, земного
Не ощущать за гранью роковой?
Всё преходяще, если бы не слово –
Звено времён, откованное мной.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Явление снега в апреле безмолвно, как вздрог,
Внезапно, как вздох. Впрочем, снег до того непоседлив,
Что лишь на рассвете проходим бывает вдомёк,
Как он возлежит, украшая пустырь напоследок.

Заметить его – как в себе пробудиться весной.
Что было-то? Что я запомнил на скорую руку?
Пришло, опахнуло, сверкнуло в глаза белизной,
Судьбой назвалось, приведя в эту злую округу.

Так пусть начинается всё с эпилога, финала, конца
Железной зимы: тёмный пригород тянется к свету
Травинками, детством, веснушчато-бледным с лица,
Сиреновой почкой, припухнувшей еле заметно.

Пусть тянется жизнь, словно ветер, под шум-шепоток
На те же круги. Тает пруд у изгиба дороги.

Отволгли пригорки. Цветёт мать-и-мачеха в срок.
Хотя, как всегда, только грустная память в итоге.

Так, может быть, в тягость река неустроенных дней?
Однако богам не в укор моё скромное место
В течение времён, в незатейливой смене людей
Под сенью окраин, среди буераков окрестных,

Где с каждою лужей роднится любая звезда,
Алмазом светясь ли, стеклянкой блестя незаметной,
Где трудно срасталась душа – ирослась навсегда
С житейскою прозой, с её приземлённостью бедной.

МАТВЕЮ. ЖИЗНЬ БОРСКАЯ

И не под силу жизнь порою.
И ночь бессонная страшна.
И гулкой каменной стеною
На душу давит тишина.

Но с детской верой в наше счастье,
Устав от внешней злобы дня,
Со мной живущие в согласье
Спокойно спят вблизи меня.

Как уберечь их в век наш волчий?
Что на земле исправлю я –
Воздушных замков жалкий зодчий,
Ловец в зените журавля?

Неспешен в комнате рассветной
Холодный маятника стук.
Всё тяжелее и рельефней –
Два шкафа старых, лампа, стул

Да стол складной. Богатства бремя
Нас, к сожаленью, не гнетёт.

Стучат часы, считают время,
Бесстрастен их железный ход.

И поступь эту в полной мере
Сполна мне вытерпеть дано
До дня, когда в небесной сфере
Душе откроется окно,

До дна – лишь в грёзах знаменитой,
Но, как успел заметить я,
Подобной миске общепита –
Нелёгкой чаши бытия,

Когда с нуждою нету сладу,
Житьё – не в страхе, так в дерьме.
И то уж ладно, что баланду
Не довелось хлебать в тюрьме.

Хотя какие наши силы?
Зловещ Иудин урожай.
Дай срок, буржуйские эдилы
Ещё загонят за Можай.

«Куда ж нам плыть?» Не ждёт ответа
Жена, свой жребий не кляня.
Она да сын, как две планеты
Одной вселенной для меня.

И в их заветном окруженье
Я на любых стальных ветрах
Все пораженья, сокрушенья,
Меня страшщие впотьмах,

Перетерплю, перебудую,
Какой бы ни был чёрный час,
Как Святогор – за твердь земную,
За жизнь семейную держась.

НОСТАЛЬГИЯ

Поникли кусты от дождливых погод,
 Изнанкой одежда малины и клёна.
 Но дождь им покоя опять не даёт
 И что-то бормочет в окно монотонно.

О жизни моей? Знаю всё о ней сам.
 О чём же тогда колобродник полночный
 С карниза частит на траве по слогам
 И глухо рокочет в трубе водосточной?

Чтоб мне затеряться иголкой в стогу,
 Где лета макушка и – всеми не найден,
 Где дремлет ивняк на речном берегу
 И строчки покоса, как в нотной тетради,

Которые, словно соната, звучат
 На тему зачатий, смертей и рождений,
 И мне о единстве своём говорят
 Содружества звёзд, облаков и растений,

И позже, когда уже летняя прыть
 Убавлена и можно видеть, как высью,
 Сорвавшись с деревьев, прилежно парить
 В тиши обучаются жёлтые листья.

К ладоням устало лицом прислонюсь:
 «И это пройдёт...» Ну, так что же, так что же?
 Растрва былым и дождливая грусть
 Не всё, слава Богу, куда итожат,

И есть ещё край, где в июльский рассвет
 Безлюдьем о путнике грезит дорога –
 Светло и с надеждой. Где мне двадцать лет.
 Чуть больше, быть может. И всё же немного.

МОЙ ПУТЬ

Редает над поймою клин журавлей
И правит маршрут по сиянью созвездий –
Чуть выше деревьев, чуть выше дождей,
Чуть ниже следов самолётных инверсий.

А мне облаков не достать, не достать
Рукой – а крыла не дал Бог никакого.
Мне землю топтать, на земле прозябать,
Довольствуюсь прозой житейского крова,

И кротко терпеть, как прямое родство
Являет мне всё, что живёт не летая.
Но персть ли земная – моё существо,
Пусть даже и доля его основная?

Ведь то, что за вычетом глины простой
Во мне пребывает с мечтою о звёздах,
Пернато подьёмлет меня надо мной –
Не то, чтобы в небо, но всё-таки в воздух,

В пространство, где я, не сминая травы,
Не тронув росы в перелесках приречных,
Иду в полный рост, не клоню головы
На минной дороге невзгод человеческих.

Пусть с долей земной я один на один
И сердце, привыкшее к участи тяжкой,
Готовое к свету алмазных вершин,
Привержено насмерть к равнинности чахлой,

Где дрозд заливался, рябины цвели,
А ныне созвездия гроздьев карминных,
Где длится мой путь – чуть повыше земли,
Чуть ниже редееющих стай журавлиных.

КРИТИКА

Вячеслав ОВСЯННИКОВ*

ПОБЕДНЫЙ ВЕНЕЦ ВЕНЕВИТИНОВА

Дмитрий Веневитинов предрёк себе: «Ты в мире молнией промчишься». Не прожил и 22 лет. Удивлял своих современников богатством дарований. Поэт, философ, критик, переводчик, публицист, музыкант, художник. Литературное наследие Веневитинова невелико, помещается в одном томике. При жизни опубликовано немного. Первое собрание его стихов и прозы посмертно издали друзья. Ранняя смерть вознаграждена признанием и громкой славой. Единодушная скорбь и сожаления.

«Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день». «Какою роскошною зарёю занялся рассвет таланта Веневитинова, какой пышный полдень, какой обильный вечер предсказывало прекрасное утро его поэтической деятельности». «Помните ли вы юного поэта Веневитинова? Посмотрите, какая

* Овсянников, Вячеслав Александрович – прозаик, поэт. Первая публикация в 1978 г. Автор 11 книг прозы и стихов. Лауреат премий им. Н. В. Гоголя (2007), им. В. Голявкина (2014), им. А. К. Толстого (2017). Член Союза писателей России с 1999 г. Живёт в Санкт-Петербурге.

у него точность и простота в выражении, как у него всякое слово на своём месте, каждая рифма свободна и каждый стих рождает другой без принуждения». «Мы не обинуясь скажем, что из всех поэтов, явившихся в первое время Пушкина, исключая гениального Грибоедова, который один образует в нашей литературе особую школу, – несравненно выше всех других и достойнее внимания и памяти – Полежаев и Веневитинов». (*В. Г. Белинский*).

«Но среди молодых поэтов, напитанных великими писателями Германии, более всех блестел и отличался покойный Д. В. Веневитинов... Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (...), тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслью, каждая мысль согрета сердцем...». (*И. В. Киреевский*).

«Веневитинов одарен был талантами самыми увлекательными. Живопись и музыка, поэзия и философия... Верный и независимый вкус, благородный и открытый образ мыслей, светлый и живой ум, детское простосердечие... дружелюбие и мечтательность так пленительно сливались и обнаруживались в нём, что, узнав его, нельзя было не любить». (*П.А. Плетнёв*).

«... Веневитинов, юноша, полный мечтаний и идей 1825 года. Отчаяние, как и боль после ранения, наступает не сразу. Но, едва успев промолвить несколько благородных слов, он увял, словно нежный цветок, убитый леденящим дыханием Балтики... Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; поэта, гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу... Веневитинов убит обществом двадцати двух лет». (*А. И. Герцен*).

«У Веневитинова было художнически-рефлективное направление в роде Гёте, и я думаю, что оно кончилось бы философией». (*Н. В. Станкевич*).

«Мы слишком хорошо можем знать, что ранняя смерть отняла у нас великого поэта, который дал бы новое и самое благотворное направление нашей поэзии. Проживи Веневитинов хотя десятью годами более, он на целые десятки лет двинул бы впе-

рѣд нашу литературу». «Надобно перенестись к 1825–27 годам, чтобы понять всю глубокую справедливость этих слов, понять, какую силу ума должно было иметь, чтобы так смотреть на литературу, её состояние в России, средства двинуть её вперѣд и вместе с ней двинуть общество... Кому из прославленных тогдашних литераторов воображалось что-нибудь подобное?» (*Н. Г. Чернышевский*).

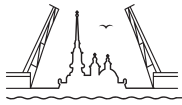
«Милый друг, бедного Веневитинова ты уже, вероятно оплакал. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью». (*Дельвиг Пушкину*).

Упрѣк Пушкина друзьям: «Почему вы позволили ему умереть?»

Веневитинов был его дальний родственник.

Веневитинова называют самым красивым поэтом пушкинской эпохи. Его сравнивали с Байроном, Шелли, Гёте. «Это был красавец в полном смысле этого слова. Высокого роста, словно изваяние из мрамора. Лицо его имело кроме красоты какую-то ещё прелесть неизъяснимую. Громадные глаза, голубые, опущенные очень длинными ресницами, сияли умом». Писала одна из современниц. Портрет Веневитинова 1826 года работы французского живописца Ансельма Лагрене – гордый профиль, открытый, смелый взгляд, решительно сжатый маленький рот, тонкие, длинные музыкальные пальцы, античная красота всего облика. Есть пушкинский рисунок пером, Веневитинов в профиль. Ещё силуэт Веневитинова, сделанный Фёдором Хомяковым. Классически совершенные линии черепа, предназначенного вмещать гениальный мозг. Столетие спустя, в 1930 году, могила Веневитинова в московском Симоновом монастыре была вскрыта, его череп удивил антропологов сильным развитием черепной формы.

В совершенстве владел пятью языками: французским, немецким, английским, латынью и греческим. В 14 лет читал в подлиннике Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилия, Горация. Платон его любимый философ. Рисовал, сочинял музыку. Серьёзно занимался математикой и медициной. Цель этих занятий: некое полное и цельное знание. Но – знание, неотделимое от поэзии. Оно и есть Поэзия. Поэт цельного знания, поэт-философ. Не отделял в себе

поэта от философа, поэзию от философии, верил, что первоначально поэзия и философия – одно целое, одно и то же. Но эта первоначальная цельность не пассивно созерцательная, отвлечённая от жизни, а деятельная, проявляющая себя в борьбе. Об этом его статья «Анаксагор». Платон отвечает на вопрос, почему он изгнал поэтов из своего государства: «Моя республика должна быть составлена из людей мыслящих, и потому действующих. К такому обществу может ли принадлежать поэт, который наслаждается в собственном своём мире, которого мысль вне себя ничего не ищет и, следственно, уклоняется от цели всеобщего усовершенствования? Поверь мне, Анаксагор: философия есть высшая поэзия». То есть такие созерцательные поэты бесполезны для общества. Необходимы поэты-мыслители. Цель поэта – проникнуть в сущность бытия, орудие поэта – мысль. «Без мысли гений не творит». В статьях, в письмах, в стихах без усталости повторял это, как аксиому, как магическое заклинание.

В полемике с В. Полевым по поводу «Евгения Онегина» Веневитинов вопрошал: «Не забываем ли мы, что в пиитике должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу из философии, что и поэзия неразлучна с философией?» Веневитинов, никому ещё неизвестный неопит-критик, но обладающий провидческим даром и точным, разящим языком анализа, в полемике сокрушительно побеждает опытного в журнальных боях Полевого. Ему 20 лет, это его первое выступление в печати. Известен отзыв Пушкина: «Это единственная статья, которую я прочёл с любовью и вниманием. Все остальное – или брань, или переслащенная дичь».

С 1822 по 1824 гг. Веневитинов вольнослушатель московского университета. В 1823 г. в Москве создаётся «общество любомудрия». Председатель – Владимир Одоевский, секретарь – Веневитинов. Помимо них члены общества: И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин и другие. Посещали заседания А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, М. П. Погодин. Кошелев вспоминал: «Мы собирались у князя Одоевского... Он председательствовал, а Д. В. Веневитинов всего более говорил и своими речами часто приводил нас в восторг... Всего более занимали нас немецкие философские сочинения... В это время бывали у нас вечерние беседы, продолжавшиеся далеко за полночь». Веневитинов – при-

знанный любомудрами глава, идеолог и вдохновитель. Это общество и называли веневетиновским.

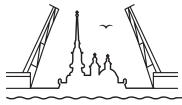
С 1824 г. Веневетинов и его друзья любомудры – в московском архиве коллегии иностранных дел. Соболевский их прозвал: «архивные юноши». Так их упоминает в «Евгении Онегине» Пушкин.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про неё между собою
Неблагосклонно говорят.

Тот же Кошелев пишет: «Служба наша главнейше заключалась в разборе, чтении и описи древних столбцов. Понятно, такое занятие было для нас малозавлекательно. Впрочем, начальство было очень мило: оно и не требовало от нас большой работы». Любомудры являлись в архив по понедельникам и четвергам, и там продолжались их литературно-философские беседы. Беседы эти Одоевский запечатлел в своих «Русских ночах». А в его повести «Новый год» Веневетинов – пламенный оратор и председатель этих собраний.

На этих собраниях Веневетинов громче всех заявляет требование мысли в русской поэзии. Поэзии мысли. В отличие от других любомудров, он человек одной большой задачи. Перед ним цель – совершить решительный переворот в русской литературе, построить её на твёрдых основах самобытной национальной философии.

В 1826 году любомудры создают свой журнал «Московский вестник». Журнал благословляет Пушкин и соглашается в нём участвовать. Истинный его вдохновитель – Веневетинов. Пишет специальную статью «Несколько мыслей в план журнала». (Опубликована посмертно). Здесь изложена вся программа задуманного им революционного переворота. Начать с самопознания: «Всякому человеку, одарённому энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представлялся естественный вопрос: для чего поселена в нём страсть к познанию и к чему влечёт его непреодолимое желание действовать? ... Самопознание – вот идея, одна только могущая одушевить Вселенную; вот цель и ве-

нец человека. ... Художник одушевляет холст и мрамор для того только, чтобы осуществить своё чувство, чтоб убедиться в его силе; поэт искусственным образом переносит себя в борьбу с природою, с судьбою, чтоб в сем противоречии испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума. ... Россия всё получила извне... воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы. Причины нашей слабости... не столько в образе мыслей, сколько в отсутствии мысли. ... всеобщая страсть выражаться в стихах. Многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия; самые пиитические эпохи истории всегда представляют нам малое число поэтов. ... истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения. У нас язык поэзии превращается в механизм; он делается орудием бессилия, которое не может себе дать отчёта в своих чувствах и потому чуждается определительного языка рассудка... у нас чувство... освобождает от обязанности мыслить и, прельщая лёгкостью безотчётного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования. ... России одно только средство представляется тому, кто пользу её изберет целию своих действий. Надобно бы совершенно остановить нынешний ход её словесности и заставить её более думать, нежели производить. ... Итак, философия в применение оной ко всем эпохам наук и искусств – вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, тем более необходимое для России, что она ещё нуждается в твёрдом основании... Вот подвиг, ожидающий тех, которые возгорят благородным желанием в пользу России... воздвигнуть торжественный памятник любомудрию, если не в летописях целого народа, то по крайней мере в нескольких благородных сердцах...».

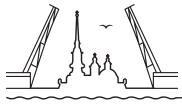
Веневитинов не успел осуществить этот свой грандиозный утопический план переустройства русской литературы, а с ней и всей русской культуры. Но в нескольких благородных сердцах памятник своему несбыточному подвигу он, бесспорно, воздвиг.

Пушкин любил его, назвал «чудо поэтом», оплакал его кончину. Но решительно отверг радикальную программу преобразования поэзии на принципах любомудрия. Всё это было ему абсолютно чуждо. Он с сарказмом писал Дельвигу: «Милый мой, на днях,

рассердясь на тебя и на твоё молчание, написал я Веневитинову суровое письмо... Ты пеняешь меня за «Московский вестник» – и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю её; да что делать? Собрались ребята тёплые, упрямые; поп своё, а чёрт своё. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... – «Московский вестник» сидит в яме и спрашивает: верёвка вещь какая?..».

Хотя тот же Пушкин: «Русский метафизический язык находится у нас ещё в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, то есть языка мыслей)». Но это о прозе. Не о поэзии.

Поэт-философ Веневитинов дерзко замыслил вырваться из плена хилой лирики на простор мировой Мысли. Но юный поэт в терновом венце любомудрия не донёс этот слишком тяжёлый крест на свою Голгофу. Да и надо ли Поэзии платить сию звёздную дань даже и самой благородной и прекрасной идее? Зачем ей решать мировой вопрос, кто раньше: яйцо – курицы, или курица – яйца? Что такое поэзия мысли? Для чего ей ополчаться на поэзию чувства? Зачем ей, кроме себя самой, быть ещё чем-то? Преданный друг любомудр Алексей Хомяков убеждён: «С Веневитиновым, бесспорно, начинается новая эпоха русской поэзии, эпоха, в которой красота формы уступает первенство красоте и возвышенности содержания». Другой друг любомудр Иван Киреевский дополнит: «Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения». А Виссарион Белинский скорбит: «Веневитинов сам собою составил бы школу, если бы судьба не пресекла безвременно его прекрасной жизни, обещавшей такое богатое развитие». Эта чаемая многими школа ещё аукнется в другом веке, в другом рано погибшем юноше Иване Коневском. Школа эта совьёт гнездо нового любомудрия на башне Вячеслава Иванова на Таврической улице в Петербурге. Её концепты подхватят и поднимут знаменем своей поэзии нашумевшие концептуалисты новейшего времени. Школа пошла в рост и наплодила тьму тьмущую учителей и адептов. Ночевала ли в ней Поэзия, баба капризная и глуповатая? Вопрос праздный.

На «сумрак суровых размышлений» Веневитинова откликнутся «Сумерки» Боратынского: «Всё мысль да мысль! / Художник бедный слова! / О жрец её!..». А Тютчев своим знаменитым: «Мысль изречённая есть ложь». Что же Веневитинов, этот «тихий гений размышленья»? Разве мысль, отвлечённая от всего сокровенного, внутреннего мира человека – это его мысль? Разве верить в здоровые, твёрдые начала и в счастливые, оптимистические концы, победно венчающие общее дело – такая уж завидная доля? Ведь «сына богов, любимца муз и вдохновенья», того, кто всю свою жизнь посвятил «навек поэзии святой», чаще подстерегает ад, чем рай. Ему, жрецу мысли, провидцу собственной судьбы, «часто грезится стихами». Вот Владимир Одоевский вспоминает: «Он ощущал часто в себе необходимость выражаться стихами, или лучше – каждую минуту жизни обращать в поэзию». А вот голос ещё одного восхищённого современника: «Веневитинов и в жизни был поэтом: его счастливая наружность, его тихая и важная задумчивость, его стройные движения, вдохновенная речь, светская, непринуждённая любезность, столь знакомая всем, вблизи его видевшим, ручались в том, что он и жизнь свою образует как произведение изящное». Фёдор Хомяков в письме своему брату Алексею: «Это чудо, а не человек; я перед ним благоговею. Представь себе, что у него в 24 часах, из которых составлены сутки, не пропадает ни минуты, ни полминуты. Ум и воображение и чувства в беспрестанной деятельности. Как скоро он встал, и до самого того времени, как он выезжает, он или пишет, или бормочет новые стихи, приехал из гостей, весело ли ему или скучно, опять за то же принимается, и это продолжается обыкновенно до 3-х часов ночи».

И всё же: что это за зверь такой – мысль в поэзии? Вот загадка! Тайна за семью апокалиптическими печатями. Не миф ли это, вымученный неутомимой толчеей воды в риторической ступе. И опять на помощь спешит великий, единственный и неповторимый Виссарион, в каждую литературную бочку критическая затычка: «Что такое мысль в поэзии? Мысль в поэзии! Это не рассуждение, не описание, не силлогизм, это восторг, радость, грусть, тоска, отчаянье, вопль».

Веневитинов стал легендой. Романтический образ прекрасного, невероятно талантливого, рано погибшего юноши. Ещё мистическая история с перстнем. Был безнадежно влюблен в Зинаиду Волконскую, «царицу муз и красоты», хозяйку знаменитого салона. Разница в возрасте 16 лет. Веневитинов уезжал в Петербург, уезжал надолго, жить и служить. Как оказалось, навсегда. В «горестный час прощанья» Зинаида Волконская подарила ему на память старинный бронзовый перстень, найден при раскопках Геркуланума. Веневитинов говорил друзьям, что наденет его только в день свадьбы или в день смерти. Волконская попросила взять в попутчики некоего француза Карла Воше, провожавшего княгиню Трубецкую, в ссылку, к мужу, в Сибирь. Третьим с ними был Фёдор Хомяков. При въезде в Петербург их арестовали жандармы. Хомякова отпустили, а Веневитинова и Воше отвезли в Главный штаб. Продержали под арестом трое суток на гауптвахте, в сыром и холодном помещении. Веневитинова допрашивали: не причастен ли он к делу декабристов. И как бы он себя повёл, будь он здесь во время восстания. Веневитинов ответил решительно: был бы на стороне восставших. Действительно, он со своими друзьями Любомудрами, Кошелевым и Рожалиным, веря слухам, что к Москве движутся с юга восставшие полки, готовился к ним присоединиться и для этого стал брать уроки фехтования и верховой езды. Кошелев вспоминал: «Мы, молодёжь, почти желали быть взятыми и тем стяжать известность и мученический венец». Несмотря на такой ответ, Веневитинова отпустили. Но всё-таки карточка с Сенатской площади 1825 года настигла его. Последствие ареста – болезнь лёгких, кашель, боли в груди. Арест произошёл в ноябре. А в марте следующего 1827 года Веневитинов приглашён на бал в доме Ланских. Жил он во флигеле того же дома, в глубине двора. После бала возвращался к себе в накинутой на плечи шинели. Простудился. Воспаление лёгких. Скоротечная горячка. Сгорел за несколько дней. Алексей Хомяков, вспомнив о перстне, надел его на руку умирающего Веневитинова. Тот спросил: «Разве я женюсь?»

У Веневитинова есть пророческое стихотворение «К моему перстню»: его могила когда-нибудь будет разрыта, перстень снят с пальца и передан кому-то другому. Так всё и случилось столетие спустя, в 1930 году: прах Веневитинова, захороненный в Симоно-

вом монастыре, был перенесён на Новодевичье кладбище. Перстень снят, и теперь хранится в Литературном музее в Москве.

Друзья создали культ памяти Веневитинова. Много лет собирались в день его смерти на поминальный обед и ставили один прибор для него. Перед тем посещали его могилу с начертанной на надгробном памятнике надписью: «Как знал он жизнь! как мало жил!» Последняя строка из последнего стихотворения Веневитинова.

Нет, друг мой! Славы не брани:
Душа сроднилася с мечтою:
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не все, не все погибнет вдруг,
И что уста мои вещали:
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали
Еще напомнит обо мне,
И сильный стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец, со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет;
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились,
И мысли полные носились
На легких крыльях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил...
Как знал он жизнь! как мало жил!

ПОЭЗИЯ

Екатерина ГРОМОВА*

* * *

Мой мир – как тень, как предрассветный сон,
Резной листок в объятиях древней книги,
Пластмассовый потёртый медальон,
В ладонях – горстка дикой земляники.

Под шагом дышит влажный белый мох,
К созвездиям взлетает грай вороный...
Дано не зря парить промеж эпох,
Не устращась, что кто-нибудь прогонит.

Мой тайный мир и звонок, и силён,
Похож на трель никем не зримой птицы.
Когда покинет зеркало времён,
Сгорит и в Млечный Путь переродится.

* Громова, Екатерина Андреевна – поэт, руководитель Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Автор сборника стихов «Север внутри».

* * *

Везёт мне – я с миром играть буду вечно,
Ведь вечность как космос, а космос – мой дом.
Грешна – ну а кто в наши дни безупречен?
Зато я уже и в Сейчас и в Потом.

Умела – и нынче умею, наверно,
Ошибки свои выдавать за судьбу...
Считавшая счастье – и счастьем, и скверной –
Такой, что нет-нет, да прикусишь губу.

Но слово гуляет по снам и страницам,
За слово влюблялись, ругали порой.
Судьба моя – вечно кому-нибудь снится,
А значит, я буду всё время живой.

* * *

Я звёзды читаю взамен новостей –
Понятный и близкий космический слог
Не жжётся углями горячих статей,
Не топит ручьями из точек и слов.

Я смыслы и тайны храню на руках,
Созвездья на коже своей отразив,
По ним узнаю я себя в зеркалах
В иных оболочках, в обличьях других.

Я звёзды читаю в попытке найти
Дорогу в далёкий пустующий дом,
Увидеть намёк, очертанье, пунктир,
Увидеть, куда возвращаться потом.

Но закольцевалась однажды строка,
И точки начала по разным углам

Швырнула провиденья злого рука,
С тех пор я себя всё ищу по мирам...

* * *

В морозном небе серебрится
Луны прозрачный лепесток.
Зима с достоинством царицы
Плывёт в наш сонный городок.
Парят снежинки над рябиной,
Ноябрьский ветер слаб и тих.
Иду по улицам пустынным,
И волшебство струится в них.
Темно отныне ранним утром,
Но отражённый снегом свет
Сгоняет тьму, и в перламутре
Берёзы светятся в ответ.
Завял, погиб сорняк тревоги –
Его укутал белый шум...
По вытканной Зимой дороге,
Сквозь сказку я к тебе спешу.

* * *

Время счастья без права на мокрый платок
Мною принято в дар от Вселенной.
Это время – исток, это время – итог.
Это то, что едино и ценно.
Не растратить его бы на мелочный быт,
Все мгновенья, как дым, пропуская,
Я замечу, как в небе красиво летит
Голубиная лёгкая стая,
И услышу, как тихо в кроватках сопят
Наши дети, во сне улыбаясь.
Если б что-то хотелось прожить мне опять –
Только время, где всё начиналось.

Сергей ПЕРУНОВ*

СНЕГ НАД РОДИНОЙ

* * *

С поля снежного, как с белого листа
жизнь начать бы, с самого начала.
Лечь бы среди поля, и не встать,
чтоб метель баюкала-качала.

Так прижаться к замершей земле
телом и душою, чтоб услышать,
как тихонько тикает в зерне
вера в Свет, в закон Любви всевышней.

* Перунов, Сергей Александрович – поэт. Член Союза писателей России с 2016 г., автор трёх поэтических сборников, лауреат Литературной премии Уральского Федерального округа (2016 г.), победитель и обладатель гран-при нескольких региональных и всероссийских литературных конкурсов. Живёт в Тюмени.

Чтобы вместе с тем зерном прозреть
и увидеть, как в весеннем небе
солнышко печётся на заре
караваем праздничного хлеба.

* * *

Как быстро размываются следы
былой, совсем недавней жизни!..

Давно ль над домом вился лёгкий дым,
весёлый ветерок дружил с ним?!

И вот уж в окна, где не гаснул свет
ночами летними подолгу,
взглянуть нет сил, – как в тёмный омут лет
исчезнувших.

И втихомолку
сошла с ума цветущая сирень:
всё словно ждёт, зовёт кого-то,
не хочет верить в то, что деревень
безлюдных – стало больше счётом...

КОГДА ОБОДНЯЕТСЯ

Лес торчком на бугре, что гребень.
Мокрой курицею земля
расшеперилась.
А на небе
тучи стянуты, как петля.

Дым печной низко стелют избы,
испуская исконный дух.
Лишь, ненастьем в наместники избран,
раздобрел – шире грядок – лопух.

За какие грехи карая
сырость нам сердца извела?
Льёт-польёт без конца, без края
из бездонного из ведра!

Как беду от себя отвадить?
Солнце скрылось, невмочь ему
с ненасытным ненастьем сладить,
выжечь ночи кромешной тьму.

А у берега бредят вётлы,
по колено в воде бродя:
– Ободняется, будет ведро,
век не вечен и у дождя.

* * *

Вода у берега подёрнулась ледком,
и оттого ещё прозрачней стала.
Так дышится на озере легко,
так тихо здесь, у сонного причала.
Осин листы последние уже
не плавают – скользят по водной глади.
Так тихо здесь, что чувствуешь к душе
прикосновение Господней длани.

ОСЕНЬ НА РОДИНЕ

Заснеженная степь. Засохший стебель
то тут, то там торчит в сыром снегу.
Безмолвный лес. Луна на низком небе.
Кривая жердь в размётанном стогу.

Край неуютный, сторона родная,
картина блёклая, знакомая до слёз.

И почему мне нет дороже края –
здесь некому ответить на вопрос.

Теперь здесь запустенье и разруха,
бурьянами дороги заросли.
И жёсткий снег лежит свинцовым пухом
поверх остывшей, замершей земли.

Но помню я цветущие поляны,
дни ясные и тёплые дожди.
И верю я, рассеются туманы,
ты оживёшь, Земля моя, ты жди!..

ПОКРОВ

Вот и дожили мы до того,
что встаёшь – а за окнами темень.
И душой без обид и торгов
принимается зимнее время.

А выходишь когда за порог,
обдаёт тебя ветром и стылью.
Над землёй покаянный покров –
небо звёздное – епитрахилью.

* * *

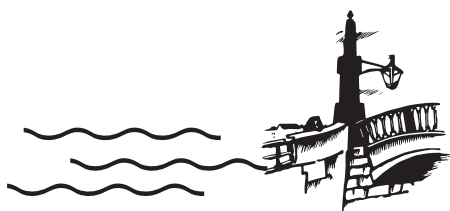
Снег над Родиной. Снег.
Снег всегда как прощение –
голых роц, мутных рек,
в поле чёрных прорех.

Снег над Родиной. Снег.
Снег всегда как прощение –
с другом так человек
расстаётся навек.

Свет над Родиной. Свет.
Свет, что сваян из хлопьев.
Как одна из примет,
что душе – смерти нет.

Снег над Родиной. Снег...

ПРОЗА

Илья КРИШТУЛ*

ЛЮДИ, СОБАКИ И КОШКИ

Юмористическая миниатюра

...Вот, например, коты. Ну или кошки, без разницы. Ведь умнейшие животные! Вы сравните, как живут они и как люди! Люди суетятся, нервничают, кому-то завидуют, на кого-то злятся, ищут ответы на дурацкие вопросы, постоянно чего-то ждут... Всю неделю ждут выходных, весь год – моря, всю жизнь – счастья... Люди занимаются бизнесом и решают проблемы, встречаются по делам и расходятся по делам, сплетничают и ругаются, мечтают о деньгах и влезают в долги, плохо воспитывают детей, ставят бессмысленные цели, готовятся к бессмысленным праздникам и радуются бессмысленным юбилеям...

* Криштул, Илья Борисович – писатель, сценарист. Родился в 1964 году в Москве. Учился в Педагогическом институте, работал в школе, в кино и на телевидении. Автор двух книг. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Публикации в «Литературной газете», «Московском комсомольце», «Юности» и некоторых других изданиях.

Кошки наслаждаются. Кошки не ждут выходных и моря. Им не нужны деньги и счастье. Они сами счастье, а зачем счастьем деньги? Им не нужны праздники, чтобы радоваться. Лежала на кровати, дремала, думала о чём-то, вдруг подскочила, выгнулась – так радость же! И – прыжок на пол, потом с пола на кресло, на штору и снова на кровать. Ах, какая была радость! Особенно там, на шторе...

Люди так не могут. Нет, прыгать на штору некоторые умеют. Люди не умеют радоваться без причины. Радоваться просто тому, что живы? Радоваться новому дню? А зачем? Вот будет выходной, я порадуюсь... И Новому году порадуюсь. И новому телефону, и дню рождения...

А ведь для радости не нужны причины...

Вот собакам они требуются. Хозяин пришёл, игрушку дали, гулять позвали – можно радоваться. Собакам нужны внимание и забота. Кошкам ничего не нужно.

Все собаки немного люди, все люди немного собаки, все кошки немного боги. Что-то божественное в них точно есть, посмотрите в их глаза... Недаром в Древнем Египте кошек считали священными сосудами и кошки об этом помнят. А люди – забыли.

В Древнем Египте люди были мудрее, чем сейчас...

На наскальном рисунке, где-то в Мексике, изображён космический корабль, из которого выходит кошка. Рисунку – 30 000 лет! Так, может, кошка прилетела на Землю из дальней Вселенной? И её выпустили первой, как люди сейчас пускают её первой в новый дом? А знаете, почему? Потому что там, где она легла – там стоит ангел. Кошка всегда ложится у ног ангела...

Человеку нужен весь мир. Собаке тоже, и чтоб он крутился вокруг неё. Кошке мир не нужен, он у неё уже есть. Свой, собственный мир, где только она и всё, больше никого. И она очень не любит, когда кто-то туда вторгается. Да, погладить можно. Почесать можно. Любить можно, хвалить, только не мешать. И на руки брать не надо. Пакетик корма вкусного открой, в тарелочку положи и уходи, не ожидая благодарности. Кошки не благодарят. И дружить не собираются. Хочешь дружбы, заведи собаку. Или другого человека.

В дружбе надо подстраиваться, а кошка этого не умеет. Да и зачем ей дружить с существом, которое стоит ниже по раз-

витию? Люди почему-то уверены, что они самые умные животные на земле. Собаки верят. Кошки смеются.

Если вы умные, смеются кошки, почему вы не видите домовых? Вот же они, рядом с вами...

Если вы умные, почему вы не разговариваете с ангелами? Ангелы с вами говорят, а вы их не слышите...

Если вы умные, зачем вы постоянно ходите на какую-то работу? Почему не лежите и не размышляете? И почему, если вы лежите и размышляете, вас ругают и заставляют идти на работу?

Если вы умные, откуда у вас столько проблем и забот? Зачем вы приносите их в дом?

Если вы умные, почему вы не останавливаетесь, чтобы посмотреть на небо? Ведь там звёзды, с одной из них к вам прилетела я... Моя звезда велика и прекрасна и я расскажу вам о ней... Когда? Когда вы научитесь понимать... А пока вы не понимаете, я буду спать. И меня будет охранять ангел... Мой ангел, кстати, охраняет и вас...

Так что...

... Хотите стать рабовладельцем? Заведите собаку.

Хотите стать рабом? Женитесь.

Хотите познать Вселенную? Хотите стать ближе к звёздам? Заведите кошку. В её глазах – Космос...

С собакой можно ходить в парк. С женой – в гости.

С кошкой можно молчать. Вселенная не разговаривает...

Она лечит.

И если Вселенная прыгнет к вам на колени – у вас всё будет хорошо.

Потому что она выбрала вас.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Нина СИМОНОВА*

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КРАСНОЗОРЬЦУ АЛЕКСЕЮ ГРИГОРЬЕВУ

Имя выпускника-краснозорьца 1938 года выпуска Алексея Григорьевича Григорьева с гордостью вписано в летопись нашей школы. Защищая Родину, в годы Великой Отечественной войны он удостоен высокого звания – Герой Советского Союза. В школьном историко-краеведческом музее «Школы-интерната «Красные Зори» бережно хранится первая запись из Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации. Это учётно-послужная картотека полковника А. Г. Григорьева, поступившая в фонд музея из краснозорьского архива.

* Симонова, Нина Ивановна – педагог-библиотекарь школы-интерната «Красные Зори», публицист, краевед.

Григорьев Алексей Григорьевич
Учётно-послужная картотека
Дата рождения: 01.03.1917
Место рождения: Ленинградская обл., Островский
р-н, Ульяновский с/с, д. Усово
Дата поступления на службу: 05.1940
Воинское звание: полковник
Наименование воинской части: 43 тд КОВО ЮЗФ,
20 тбр 11 тк
Дата окончания службы: 30.06.1961
Награды: Медаль «За победу над Германией в Вели-
кой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Медаль
«За оборону Сталинграда», Медаль «За взятие Бер-
лина», Медаль «За освобождение Варшавы»
Информация об архиве –
Источник информации: ЦАМО
Номер шкафа: 49
Номер ящика: 10

Родился Алексей Григорьевич Григорьев 1 марта 1917 года в деревне Усово Лисинской волости Островского уезда Псковской губернии (ныне в составе Псковской области). По национальности русский. Жил и воспитывался в дружной крестьянской семье. Ещё в раннем детстве с семьёй переехал в село Карамышево Псковской области, там же пошёл в школу. В 1932 году окончил начальную школу, а после 7 класса поступил и окончил в 1938 году педагогический техникум «Красные Зори» в посёлке Стрельна Ленинградской области. Агропедтехникум на территории школы-колонии «Красные Зори» открылся 25 апреля 1931 года и, как писал её первый директор И. В. Ионин: «Год работы был годом ликвидации коренного недостатка семилетки». Два первых набора техникума были проведены специально для ребят, окончивших ШКМ (Школа крестьянской молодёжи) области и все учащиеся были комсомольцами. Таким образом, работа агротехникума «выполняла задачу подготовки таких остродефицитных кадров, как агропедагоги*». Алексей Григорьев окунулся в жизнь краснозорьской семьи

* Ионин И. В. Школа-колония Красные Зори: из опыта детской трудовой школы-колонии / И. В. Ионин. – Ленинград: 2-я тип. ОНТИ им. Евг. Соколовой, 1933.

и прикоснулся к её удивительной истории. Учился и лично встречался с Игнатием Вячеславовичем Иониным и, конечно, был свидетелем чудовищной трагедии школы, когда «её директора в 1937 году арестовали и после суда отправили в САЗЛАГ в Ташкент, где он 19 февраля 1938 года умер»*.

С августа 1938 года Алексей Григорьев начинает работу педагогом, – он директор начальной школы в селе Замостье Ленинградской области (ныне в составе Псковской области). Через год в ноябре 1939 года Алексей Григорьевич Григорьев работает заведующим отделом агитации и пропаганды Карамышевского райкома комсомола и с начала 1940 года – инструктором райкома ВКП(б) в своём районе. Более 50 лет он был коммунистом, членом Всесоюзной коммунистической партии большевиков (КПСС, в которой состоял до 1991 года).

В Красную Армию был призван в мае 1940 года Карамышанским районным военкоматом Ленинградской области. Начинать служить в стрелковых и танковых частях. В боях Великой Отечественной войны с первого дня – с 22 июня 1941 года, механик-водитель танка.

В сентябре 1941 года он воевал в составе 10-й танковой бригады на Юго-Западном фронте. Тогда уже младший сержант А. Г. Григорьев был командиром танка, который сенью 1941 года отличился в Сумско-Харьковской оборонительной операции. За бой при обороне г. Обояни в Курской области, Алексей Григорьев награждён своей первой медалью «За отвагу». Затем участие в кровопролитных боях под Сталинградом и Алексей Григорьевич за мужество и героизм получает медаль «За оборону Сталинграда». В 1942 году Григорьев смело сражался и командовал танком уже на Западном фронте. Он уже капитан и командир танковой роты 20-й танковой Седлецкой Краснознамённой ордена Суворова 2-й степени танковой бригады (11-й танковый Радомский Краснознамённый орденов Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени корпус, 5-я Ударная армия, 1-й Белорусский фронт).

* Симонова, Н. И. «Красные Зори» – школа труда, жизни и радости/ гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Инге-Вечтомова. – 2-е изд. испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательская программа «АПИ», 2023.

А с весны 1944 года до самой Победы Алексей Григорьевич Григорьев командовал ротой танков Т-34 в составе 20-й танковой бригады на 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. К тому времени он уже окончил Ленинградскую танковую школу и приобрёл большой боевой опыт. Он участвовал и проявил отвагу в Белорусской и Висло-Одерской стратегических наступательных операциях. При освобождении Белорусской ССР его танковая рота успешно действовала в ходе глубокого рейда механизированной группы на Люблинском и Брестском направлениях. Далее, 23 июля 1944 года его рота за двое суток прошла с боями 80 км и первой ворвалась в г. Парчев (Польша). При взятии города рота уничтожила 2 артиллерийские батареи, 6 вездеходов и до 50 человек солдат. Были захвачены 3 орудия и 5 автомашин. Экипаж А. Г. Григорьева в этом бою уничтожил 2 орудия, 2 вездехода, 3 пулемётные точки и до 15 солдат противника. Продолжая победный рейд, 24 июля его экипаж участвовал в освобождении польских городов Радзынь-Подляский и Лукув. А уже с 25 по 31 июля с боем освобождал г. Седлец и опять его рота танкистов первой ворвалась в город, истребив 3 артиллерийских батареи фашистов, подбив 3 танка, 4 штурмовых орудия и до 54 солдат противника. На личном счету командира роты капитана А. Г. Григорьева – 2 уничтоженных орудия, 3 автомашины и до 15 солдат противника.

В городе Радом (Польша) 16 января 1945 года танковой ротой Алексея Григорьева в боях за его освобождение уничтожены железнодорожный эшелон, 6 танков, 5 бронетранспортёров, 2 артиллерийских батареи, 9 пулемётных точек, 8 вездеходов, до 50 автомашин и до 140 немецких солдат. Краснозорец Алексей Григорьевич Григорьев награждён медалью «За освобождение Варшавы».

Командир танковой роты 20-й танковой бригады (11-й танковый корпус, 5-я Ударная армия, 1-й Белорусский фронт) капитан Алексей Григорьевич Григорьев отличился в ходе Берлинской наступательной операции и непосредственно при штурме Берлина и был награждён медалью «За взятие Берлина».

Из НАГРАДНОГО ЛИСТА за номером 47 можно познаться с представлением к званию «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» краснозоряца: «Тов. Григорьев в боях за пригороды

и город Берлин чётко и умело организовал штурм обороны немцев и разведку его огневых средств.

Со своей ротой первым ворвался на окраину Берлина, умелым манёвром и стремительными действиями прорвал оборону фашистов, обеспечив ввод бригады и прорыв. Первым форсировал реку Шпрее, закрепился на её западном берегу, чем обеспечил форсирование реки бригадой и другими частями Советской Армии.

В этом бою рота под командованием тов. Григорьева уничтожила: четыре противотанковых батареи, пять миномётных батарей, 30 пулемётных точек, 10 бронетранспортёров, 30 автомашин с военным имуществом, проделала проходы в проволочных заграждениях и истребила до 280 солдат и офицеров.

Ведя бой за Берлин, умело организовал штурм огневых средств противника, и в трудных условиях уличных боёв первым ворвался в город, посеял в рядах противника панику и уничтожил: шесть танков, пять противотанковых батарей, 6 миномётных батарей, 7 зенитных установки, 20 бронетранспортёров, до 400 солдат и офицеров и много другого военного имущества. Захватил 8 разных складов и до 800 солдат и офицеров. Ведя бои в направлении к центру города, ворвался на главную улицу и огнём уничтожил: 4 противотанковых пушки, 15 пулемётных точек, 3 зенитных установки до 200 солдат и офицеров и захватил много военного имущества.

В этом бою тов. Григорьев был тяжело ранен, но не покинул поле боя, остался командовать ротой. За мужество и героизм, проявленные в боях за город Берлин удостоин правительственной награды: присвоения звания «Герой Советского Союза». Самая высокая награда страны была вручена Герою вместе с Орденом Ленина (№ 42137) и Медалью «Золотая Звезда» (№ 6415).

Подписал Наградной лист на Алексея Григорьевича Григорьева командир 1-го танкового батальона тоже Герой Советского Союза майор Булгаков.

В школьном музее хранится ещё один архивный документ за номером 221/438 – Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении нашего Героя и на второй странице пункта 74 стоит имя награждённого Алексея Григорьевича Григорьева. При ближайшем рассмотрении архивного документа можно видеть от-

тиск водяных знаков ЦА МО РФ – Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации. Победный результат героического командира танка и его экипажа, каждый из которого был отмечен медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Безусловно, статистические данные неполные, но цифры говорят о смелости, храбрости и мужестве краснозорьца А. Г. Григорьева и его экипажа. Они все настоящие герои.

За годы участия в Великой Отечественной войне Алексей Григорьевич был трижды ранен и 2 раза контужен. После Победы продолжил службу в Советской Армии. С июня 1945 года командовал танковым батальоном 20-й танковой бригады в составе Группы Советских войск в Германии, затем учёба в Военной Академии и в 1951 году он преподаёт тактику на Центральных бронетанковых курсах усовершенствования офицерского состава им. В. М. Молотова. С 1957 года – А. Г. Григорьев в звании подполковника, он старший преподаватель на Центральных стрелково-тактических курсах усовершенствования офицерского состава Советской Армии «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Алексей Григорьевич Григорьев всегда учил и сам непрерывно учился, повышая свой технический уровень знаний военного дела. С 1959 года полковник Алексей Григорьевич Григорьев преподавал общевоинские дисциплины на военной кафедре Ленинградского финансово-экономического института. Награждён: Орденами Ленина (31.05.1945), Красного знамени (18.08.1944), Александра Невского (11.03.1945), Отечественной войны 1-й степени (11.03.1985), двумя орденами Красной Звезды (20.11.1944), медалями «За отвагу» (22.02.1942), «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» и другими медалями*.

В 1961 году – вышел в запас. Активно занимался общественной деятельностью. В разные годы был Председателем партийного комитета, профсоюзного комитета, возглавлял Совет ветеранов войны института.

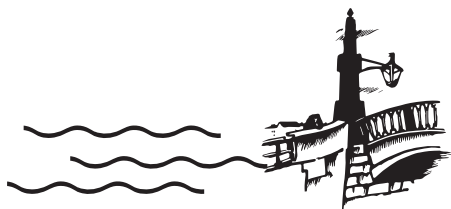
* «Лица Победы: Всенародный исторический депозитарий». – URL: https://historydepository.ru/public_search/person/?id=1053840

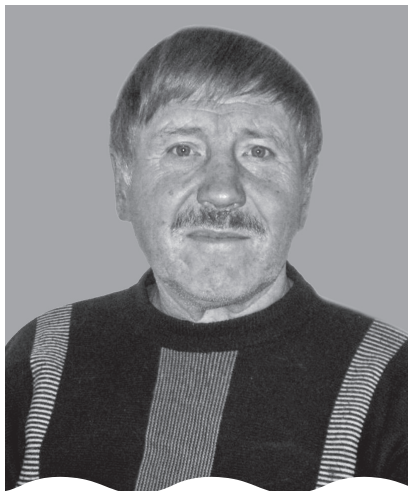
С сентября 1989 году был на заслуженном отдыхе. Он жил в городе-герое Ленинграде (с 1991 года – Санкт-Петербурге). Умер 28 ноября 1998 года. Похоронен Алексей Григорьевич на Ново-Волковском кладбище Санкт-Петербурга. Вечная память Герою!

По скудным источникам смогла найти небольшую справочную информацию на сайте «Лица Победы». В «Псковской энциклопедии», которая вышла в 2007 году есть маленькая статья и фотография нашего Героя на странице 225 (эта энциклопедия хранится в РНБ – Российской Национальной библиотеке)*. Ещё существует сборник «Псковичи – Герои Советского Союза», авторы Арсеньев А. Я. и Арсеньева А. П., книга находится в фонде Президентской библиотеки и РНБ. А в школьном музее бережно хранится альбом «Краснозорьцы – участники Великой Отечественной войны», где есть фотография А. Н. Григорьева.

Хочется надеяться, что прочитав мою статью, откликнутся родственники или те, кто знал нашего Героя – очень важно, чтобы память не остыла.

* Псковская энциклопедия, 903–2007/ гл. ред. А. И. Лобачев. – Изд. 2-е, доп. – Псков: Псковская энциклопедия, 2007.

Евгений ЧИРИКОВ*

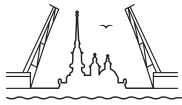
МУЗЕЙ ВО СЛАВУ РУСИ

Без «Слова о полку Игореве» глядеть в древность Руси было бы как-то пасмурно. Поэтичность «Слова изумительна» и вызывает гордость за наших литературных предков. И вот уже более двухсот лет со времени его открытия этот шедевр вдохновляет учёных на изучение, поэтов на переводы, художников на иллюстрации.

Среди последних особо выделяется А. В. Артемьев (1934–2019), знаменитый иконописец, реставратор, искусствовед и историк-философ. Ему принадлежит и один из переводов «Слова». И от его же имени тянется ниточка надежды на обретение когда-нибудь оригинала рукописи. По некоторым сведениям, библиотекарь Ватикана однажды показал её русскому посланнику. Через ряд лиц устное сообщение об этом дошло до А. Артемьева.

В 1800 году А. И. Мусин-Пушкин опубликовал текст «Слова», ранее обнаруженного им в Ярославле. В 1812 году оригинал

* Чirikov, Евгений Стефанович – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Проживает в г. Кемерово.

рукописи, как считается, сгорел в пожаре при захвате Москвы Наполеоном. Но А. Артемьев не исключал того, что её вывезли из Москвы иезуиты, бывшие при французах, и отдали её в Ватикан. Многие нюансы, видимые только в оригинале, могли бы пролить свет на тёмные места «Слова».

В 21 веке наметились явственные успехи в научном познании «Слова о полку Игореве», имея в виду две главных его загадки: подлинность и авторство. А. А. Зализняк лингвистически доказал подлинность произведения (2004). Научным миром однозначно признано, что подделка исключена.

Славист с мировым именем А. Н. Ужанков в 2020 году вполне определённо вывел долгожданную личность древнерусского автора: игумен Выдубицкого монастыря в Киеве Моисей, до пострижения в монахи носивший имя Беловод Просович и участвовавший в походе князя Игоря 1185 года. Однако не все исследователи признают эту версию стопроцентно доказанной и находят возражения резко скептического свойства. Наиболее ярким оппонентом Ужанкова выступает профессор А. М. Ранчин. Таков в самых общих чертах уровень постижения этого древнерусского эпоса.

Не считая академических переводов на современный русский язык, «Слово» переводили с позиций художественности обладатели таких имён, как В. Жуковский, А. Майков, К. Бальмонт, Н. Заболоцкий, Н. Рыленков...

Не могу сказать, как в разных регионах, но в далёком от мегаполисной цивилизации Кузбассе есть поэты, которые тоже всей душой приобщились к сокровищнице «Слова о полку Игореве» и создают собственные переводные версии, полагая это, очевидно, своим оригинальным вкладом в общее дело.

Один из тех, кто дерзнул вступить в конкурентное соотношение с культовыми авторитетами, и является героем нашего очерка. Зовут его Алексей Петрович Патшин. Претендуя на серьёзное углубление в понимании «Слова», он прежде всего примечателен тем, что создал уникальный «музей одной книги».

Кузбасс славен углём и металлом, а город Кемерово связан ещё и с большой химией. И вдруг – древнерусский эпос, гуманитарный вызов всей России! Музей, правда, находится в двухэтажном частном строении, расположенном близ остановки трамвая, предпоследней перед конечной, то есть на краю города.

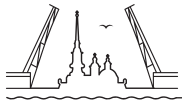
А что внутри? Там подобралась неплохая библиотечка научных и научно-популярных изданий по истории домонгольской Руси, включая, конечно, исследования «Слова». Можно увидеть реставраторские реплики древних доспехов и оружия. Весьма любопытна витрина древнерусских музыкальных инструментов, созданная Р. Ицковым, которого можно назвать идейным соратником А. Патшина. Роман Ицков – признанный мастер, руководитель городского клуба славянской культуры «Лад», получивший как профессионал полное одобрение со стороны известных музыковедов-историков. Одна из изюминок музея: экскурсанты входят в зал, а их встречает гусляр Ицков в облачении 12 века, исполняя под звон струн древний напев...

Представительна коллекция произведений изобразительного искусства, в которой видное место занимают работы кемеровского графика, художника-экспрессиониста Германа Захарова. Его триптих, где «Плач Ярославны» в центре, с огромной эмоциональной силой отражает трагизм завершения похода князя Игоря.

Судьба Алексея Патшина шла по извилистым тропам, выходя порой на обрывистые склоны. Родился он в небольшой деревеньке Промышленновского района, одного из самых плодородных в Кемеровской области. С малых лет в его жизнь вошли крестьянский труд и пастушеские идиллии, единение с сибирской природой. После преждевременной смерти отца мама с четырьмя детьми переехала в областной центр.

Желание стать переводчиком привело Алексея на факультет романо-германской филологии университета (КемГУ), который он не смог закончить по семейным обстоятельствам. И начался суровый труд строителя-отделочника. В то же время в парне жила поэзия, из души лилась пейзажная лирика с гротескными прорывами к высоким смыслам бытия.

Его псевдоним – Белогвардеец – шокировал некоторых читателей, но следует сказать, что этот искренний и добрый человек никогда не помышлял расстреливать красных. Как сам поэт объясняет – в искусстве есть два цвета, белое и чёрное, свет и тьма, остальное – оттенки, а гвардия – защита, и, стало быть, он стал воином света.

1996-м годом можно датировать то событие, которое кардинально изменило его жизнь. Сопоставляя переводы «Гамлета» Лозинского и Пастернака, Патшин заметил, что первый ближе к оригиналу по точности, зато второй более сочен поэтически. Несомненно, что если переводчик сам поэт, то это значительно влияет на интерпретацию текста и нередко во много углубляет его понимание.

Он решил поискать древнерусский эпиграф к своей работе над переводом «Гамлета». Перечитывая источники, открыл для себя «Слово о полку Игореве» и «пропал». «Слово» ранило, притянуло, потрясло.

В который раз продравшись сквозь вязь старинного письма, он понял: надо понять это чудо. Тайны его открыты не все. И он не удержался, записал прямо на книге: «37 лет мне, а только сейчас приял красоту, напевность, неувядаемую свежесть «Слова». Иной кладези у русичей не ведаю. Эх! Перевод бы свой дать! Так и чешутся руки. А жрать скоро будет нечего... Но одолею. Всё одно одолею».

И за три года Патшин перевод сделал. Он вышел в областной газете «Кузбасс» 29 июня 2002-го года.

– Даже, несмотря на то, что за перевод до меня брались сильные «соперники», признанные академики, настоящие знатоки языка, я всё равно нашёл в себе смелость начать работу над этим произведением, – вспоминает Алексей Петрович. – Соперничество с сильными людьми меня не пугает, а мотивирует. Тогда я решил, что Шекспир подождёт своего часа на полке, а сейчас, за пару недель, я разберусь со «Словом». Это было 12 марта 1996 года. Шекспир так и остался стоять на полке.

Алексей поступил в Литинститут им. А. М. Горького, который... ему не удалось закончить по финансовым обстоятельствам 90-х годов. Но, как мне кажется, формальное обретение диплома ничего не прибавило бы по существу. Гораздо важнее, памятнее и ярче для Патшина были живые встречи с такими людьми, как Вадим Валерианович Кожинов.

Дальше у Алексея началась полоса совместного с женой рилторского бизнеса, позволившего создать экономическую базу для творчества.

А потом поэт ушёл в строительство дома-музея «Слова о полку Игореве» и решил: то будет после его смерти, подаренный от него городу музей и культурный центр с русскими ремёслами и творчеством, к примеру, с обучением детей игре на гуслях, и то будет научно-исследовательский, крупнейший за Уралом центр по «Слову о полку Игореве», где обязательно будут участвовать в изысканиях дети.

Всю свою дальнейшую жизнь Алексей посвятил этому загадочному шедевр. Погружение в историю вплоть до воображаемого испытания тех ощущений, которые испытывали насельники 12 века. Новый перевод текста. Самобытные научные наблюдения. Собственные стихи свои он теперь писал с древнерусской ностальгией.

РУСЬ

Заснул стожок обледенелый,
Кольчугой-панцирем укрыт.
Княж воевода в стягах белых
В полюдьё выехал на мыт.
Посев озимый брошен густо –
На недород и перевес.
Как кметь дружинный древнерусский,
В ополье спит медвежий лес.
Глубинным гулом обморожа,
Парит былинное окно.
Села заветного острожье
Хранит родимое пятно!

Что можно сказать о достижениях А. Патшина в избранной им области знания, кроме того, что он стал в прошлом году лауреатом национальной премии России? Главное, пожалуй, то, что он открыл (по его мнению, конечно, открыл) имя автора «Слова» – Ходына, опираясь на гипотезу известного историка 19 века Е. Забелина.

А. Н. Ужанкову вряд ли понравилось бы творческое озарение Алексея Петровича. Однако и Патшин не слишком высокого мнения о теоретических построениях Ужанкова, солидаризуясь

в его критике с вышеупомянутым профессором А. М. Ранчиным. Но лучший судья в таких спорах – время.

Уже тот факт, что в Кемерове есть музей «Слова» (и министерство культуры Кузбасса относится к нему благосклонно), оправдывает «дерзость» поэта.

В советское и частично постсоветское время на кузбасском телевидении работал кинооператор Юрий Светлаков, который вёл популярнейшую передачу «Шаг за горизонт» и создал сотни фильмов о людях-феноменах – художниках, поэтах, экстрасенсах и пр. К великому сожалению, все фильмы сгорели в пожаре на телестудии. Но вот что интересно: одна копия, а именно фильм об А. Патшине и его работе над переводом «Слова о полку Игореве» нашлась в архиве незабвенного В. В. Кожина. И её прислали Алексею Петровичу.

СОБЫТИЯ

* * *

28–29 августа прошла двухдневная акция памяти героев Таллинского прорыва КБФ. Встречи, посвящённые годовщинам прорыва Краснознамённого Балтийского флота из Таллина в Кронштадт в августе 1941 года, всегда щемящи и душевны. К 84-летию прорыва участники акции собрались на Нарышкином бастионе Петропавловской крепости.

Выстрел из сигнального орудия произвел капитан 2 ранга Дмитрий Ралль – внук командира Арьергарда вице-адмирала Юрия Фёдоровича Ралля. Следующей точкой торжественных мероприятий стал мемориал «Пушки крейсера «Киров»» на площади Балтфлота. Правильно, что шефствует над мемориалом КСИПТ, расположенный в непосредственной близости, – молодёжь в рам-

как проекта «Хранители истории» с пользой и интересом узнает о легендарном крейсере. Церемонию памяти и возложения цветов провела заведующая третьим учебным корпусом колледжа Елена Борисовна Пирязева. Блестяще организованное мероприятие прошло на подъёме. Звучали фанфары, гимн России и душевная военная песня. Следующим пунктом для митинга стал Морской порт Санкт-Петербурга. Давняя дружба связывает нас. Сотрудники порта, произнеся трогательные слова о подвиге балтийцев, предоставили слово гостям. Внимательно слушали мы жителя блокадного Ленинграда Германа Александровича Смирнова, выразившего высокую оценку Таллинскому прорыву как демонстрации сил Балтфлота по защите Ленинграда. Завершили мы свой насыщенный день в Президентской библиотеке – здесь действует выставка к 80-летию Победы, для которой мы совместно с Разведывательно-водолазной командой и Литературным музеем «XX век» предоставили некоторые материалы.

Возложение цветов к Стене Памяти

29 августа 1941 года корабли пришли в Кронштадт. Они ещё приходили, израненные, но не побеждённые, до седьмого сентября. Сегодня, через 84 года, мы вспоминаем их в Кронштадте.

На Якорной площади собрались моряки, жители Кронштадта, пригородов и Петербурга – два автобуса ожидали участников марша памяти для дальнейшего передвижения.

Организованный при поддержке ЛенВМБ, ГК ВМФ, местной администрации Кронштадта, администрации Кронштадтского района, митинг провёл А. В. Карпов. Выступили глава МО Наталия Фёдоровна Чашина, капитан 2 ранга Дмитрий Ралль – правнук командира Арьергарда вице-адмирала Юрия Ралля и внука погибшего при прорыве КБФ в августе 1941-го Мария Инге-Вечтомова. Под звуки Адмиралтейского оркестра все замерли в торжественном ритме гимна России.

Возложение цветов к Стене Памяти стало настоящим действием – очередь потомков, ветеранов, совсем юных петербуржцев и кронштадтцев протянулась почти до орудия Тамбасова – каждый хотел прикоснуться к важному событию.

Нас ждали в Парке «Патриот» Ленинградского военного округа – мы не только успели поухаживать за нашей сиренью, но и прослушали интересную экскурсию, провели церемонию награждения. Грамотами Общества жителей блокадного Ленинграда были отмечены постоянные активисты общества Таллинский переход – Нонна Ракомса и Валерий Касьянов

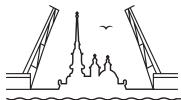
В Морском Никольском соборе на втором ярусе была отслужена лития – память героев Таллинского прорыва читали отец Адам и Владимир Василик, который всегда своими словесами пронзит до самого сердца.

Необычным пунктом в марше памяти стала Артиллерийская площадка музея Кронштадтская Крепость – мы давно хотели посмотреть на бортовую надпись крейсера «Киров».

Сказать, что все довольные устали, было бы мало. Но нас ещё ожидает ФОРТ КРАСНАЯ ГОРКА. Богатая программа дня продолжается.

Александр Иванович Сенотрусов справедливо имеет право огорчаться, что мы приехали на полтора часа, так и упоминание в одном посте о памятнике, форте и музее неправильно. И тем не менее.

Не прошло ещё пяти лет, как сооружён памятник героям Таллинского прорыва на нашем берегу Балтики. В его реальной и смысловой основе винт от «Ижорца», последней жертвы Тал-

линского прорыва. В помещениях форта – музей, насыщенный редкими экспонатами – приметами военного времени.

Не было минуты, чтоб не помнили наших однополчан из Таллина. И на мысе Юминда прошли памятные мероприятия. Александр Караулов прислал нам привет и видеозапись.

Благодарим Общество жителей блокадного Ленинграда за дружбу! Считаем необходимым поблагодарить Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга за предоставление автобусов, звукового сопровождения, цветов и поддержки в организации наших ежегодных мероприятий.

* * *

«ВТОРОМУ ПЕТЕРБУРГУ» – 30!

Удивительная встреча состоялась в библиотеке № 5 Василеостровской ЦБС 22 октября. Всех долгожданных гостей, друзей, музыкантов, читателей гостеприимно встречали Светлана Владимировна Этигон, организатор встречи и Валентина Алек-

сандровна Рыбакова, главный редактор литературно-публицистического журнала «Второй Петербург». Вечер открыла Валентина Александровна и торжественно объявила, что поздравляет всех с 30-летием литературного проекта под названием «Второй Петербург», который был создан ещё в далёком 1995 году её супругом, петербургским поэтом и писателем, Андреем Романовым. Продолжая дело своего мужа, совершенствуя дизайн обложки и внутреннее содержание издания, Валентина Рыбакова отметила, что сегодня в 2025 году, журнал выглядит презентабельно. Главный редактор с гордостью продемонстрировала публике первый номер сборника русской поэзии тридцатилетней давности. Подробно прокомментировала его содержание, сказав, что издание выглядело очень скромненько, мелкий шрифт, газетная бумага, фотографии авторов... Около 60-ти имён русских поэтов в нём от Санкт-Петербургской организации Союза писателей России и Москвы.

Первые фамилии поэтов известных и знаменитых, малоизвестных и новичков, из-под пера которых выскочили первые незнакомые рифмы: Сергей Макаров, Юрий Кузнецов, Андрей Романов, Ирина Моисеева, Глеб Горбовский, Иван Стремяков, Вячеслав Кузнецов, Сергей Дроздов, Евгений Юшин и многие-многие другие. Но вид первого номера журнала «Второй Петербург» – раритета и библиографической редкости сегодня, привлёк внимание части аудитории, которая знала цену периодическим изданиям в 90-е и понимала тернистый труд книгоиздателя XXI века. «...И пускай недруг бросает в нас камень, дескать, стихи не раз опубликованы, читаны-перечитаны! Ибо, как не может набить оскомину хлеб насущный, так не может встать поперёк горла настоящая поэзия; к ней хочется возвращаться вновь и вновь, перечитывая и обнаруживая за каждой строкой новые и новые глубины. Читайте, ищите и обретайте вновь!» – советы от составителей актуальны и сегодня. Ведь каждый в поэзии ищет своё, интересное, сокровенное, единственное, загадочное.

«Второй Петербург», как некоммерческое издание, выпускается при поддержке литературного фонда «Дорога жизни», президентом которого является Дмитрий Александрович Мизгулин. На протяжении многих лет он оказывает активную поддержку творчеству членов Союза писателей России, а также на-

чинающим литераторам Санкт-Петербурга и других регионов страны. Особую благодарность выразили креативному редактору и автору журнала Андрею Шацкову за его вклад в издание.

Сегодня литературно-художественный и публицистический журнал «Второй Петербург» выходит в обновлённом формате: его украшает элегантно цветная обложка с репродукциями работ семьи известных петербургских художников Евменовых – Анатолия и Галины, а также поэта Андрея Романова. Новый дизайн журнала разработан Анастасией Евменовой. На его страницах публикуется современная проза, поэзия, критика и литературоведение писателей Санкт-Петербурга и России.

В презентуемом журнале более двух десятков авторов, которые щедро делятся своим творчеством с читателями.

Презентация второго номера за 2025 год началась с выступления Симоновой Нины, одного из авторов журнала, краеведа и публициста, педагога-библиотекаря школы-интерната «Красные Зори». На встречу вместе с ней приехали старшеклассники школы Руслан Б. и Артём З., которые широко открытыми глазами смотрели и слушали творческие выступления. Они рассказали о судьбе Героя-краснозорьца Петра Ивановича Алексеенко, который прошёл всю Великую Отечественную войну с первого её дня и до Берлина. В 1941 году был участником Парада на Красной площади, защищал Москву, принимал участие в Сталинградской битве, бил фашистов на Курской дуге, встретил Победу, а после – жил и трудился как настоящий гражданин своей страны, растил детей и внуков, которые берегут сегодня память о боевом пути подполковника бронетанковых войск Петра Алексеенко. И юные краснозорьцы, исследуя судьбу Героя, в школьном музее хранят память о нём. Самое удивительное, что на встречу приехали потомки Александр, сын Петра Алексеенко и правнучка Александра. Вот и случилось трогательное прикосновение двух эпох, объединённых одной Памятью. Потому что в основу рассказа легли воспоминания дочери Татьяны Петровны и сына Александра Петровича Алексеенко.

После Мария Инге-Вечтомова, старший научный сотрудник Государственного литературного музея «XX ВЕК», представила коллегу методиста Екатерину Солилову, которая раскрыла тайну литературного архива Дмитрия Анатольевича Левоневского, ле-

нинградского писателя, поэта, публициста, переводчика и участника Великой Отечественной войны. Архив писателя хранится в фондах музея и Екатерина Александровна основательно поработала с ним, приоткрыв некоторые малоизвестные широкой публике страницы жизни и творчества. Друзья писателя – Борис Корнилов, Виссарион Саянов и многие другие составляли цвет советской литературы, об этом интереснейшем периоде мы и услышали.

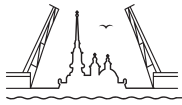
Рената Платэ, автор многих выпусков журнала, с обожанием говорила об авторах, от души благодарила главного редактора за возможность публиковаться на страницах любимого журнала «Второй Петербург», поведала всем историю своей любви к Лиговке. Звучали стихи Андрея Романова, а зал вторил – конкурс «Читаем Андрея Романова» приносит свои плоды. Сжатое, серьёзное и радостное сообщение Ренаты подняло всем настроение. В заключение она приняла в дар для музея «Купчино» картину незнакомки (жительницы Купчино) с автографом, который ещё требует внимания исследователя.

Валерий Михайловский, прозаик, член Союза писателей России, известный врач, этнограф и путешественник, Член русского Географического Общества, автор многочисленных книг порадовал своих читателей тем, что его уникальная книга о народах Севера «На тонкой ниточке Луна» вышла большим тиражом за границей России – в Беларуси. Конечно, это великая радость для писателя, когда его книги читают другие народы мира.

В завершение встречи члены редакционной коллегии вызвали из зала, незаметно сидящего на последнем ряду, известного писателя, автора многочисленных рассказов, повестей и романов Николая Тропникова, который «внёс оживление и какой-то шарм», как отметила Валентина Александровна, продолжая, – «Он прекрасно говорит, но его надо расшевелить. Он в шоке. Такого он не ожидал. Говорит, что попал в другой мир».

На встрече выступили ребята, занимающиеся в вокальных кружках ПМК «Ленинградец». Диана Сабурова и Андриан Фёдоров исполнили душевные песни – «Ой цветёт калина» и «Над Кронштадтом туман», а Станислав Игнатюк прочёл стихи А. Романова.

Спасибо постоянным участницам литературных встреч – Татьяне Ильиничне Титовой и Ольге Александровне Астафьевой!

Благодарим их за тёплое внимание и цветы – прекрасные и изящные! Гости так искренне радуются нашим мероприятиям, живому процессу в культурной среде, что просто стимулируют нас к новым встречам!

Семьей, дружной и тёплой назвали участники встречи коллектив авторов и (по)читателей журнала. Да и кто друг другу люди, которые ждут встречи и ловят номера и издания Второго Петербурга, которые рады встречам на страницах и, конечно, в библиотеках, музеях, школах – где мы ещё встречаемся? Спасибо Андрею Владимировичу за то, что объединил нас таких разных в одну большую многоликую литературную семью.

И действительно, каждый, кто присутствовал на этой исторической встрече, пытался запомнить и запечатлеть всех выступающих, запомнить, о чём они говорят и даже запомнить саму атмосферу в зале. Общее фото на память по традиции зафиксировано и запомнит всех, а литературная жизнь журнала и его история продолжится, давая возможность на страницах «Второго Петербурга» открывать новые талантливые имена.

*Мария Инге-Вечтомова
Нина Симонова*

* * *

22 октября в Василеостровской библиотеке № 5 по адресу 16 линия 65 состоялось значимое литературное событие Санкт-Петербурга – презентация юбилейного литературно-публицистического журнала «Второй Петербург». Тридцать лет журнал, учреждённый известным русским поэтом Андреем Романовым и его музой Валентиной Александровной Рыбаковой выходит на радость своим читателям. И сегодня представила новый номер журнала многолетний несменный главный редактор Валентина Александровна. Она вкратце поведала о трудных, но таких насыщенных интересными событиями годах существования журнала. Времена были сложные, случались и перебои в тиражах, но дело поправилось при помощи Литературного фонда «Дорога жизни» и его председателя, замечательного поэта – Дмитрия Мизгулина. Он сам, мастерски владея словом, решил поддержать доброе дело.

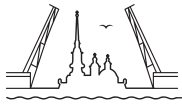
И вот журналу тридцать лет. Пришли на презентацию авторы, читатели, краеведы, деятели культуры. Известный в Санкт-Петербурге краевед, публицист, педагог, библиотекарь школы-интернат «Красные Зори» Нина Симонова не просто рассказала о героях своего очерка «Имя ему – Защитник Отечества», она пригласила сына Александра главного героя – полковника Петра Алексеенко, прошедшего всю Великую Отечественную Войну от первого дня и до дня Победы, и правнучку Александру. Было интересно узнать и с первых уст о герое.

С увлекательным докладом выступила методист Государственного литературного музея «XX век» Екатерина Солилова. Она рассказала о том, что музей много работает над тем, чтобы воскресить для широкой публики забытые имена литераторов Санкт-Петербурга (Ленинграда). В частности она поведала о биографии и творчестве Д. А. Левоневского. После такого яркого и темпераментного доклада хочется тут же поближе познакомиться с творчеством Дмитрия Левоневского.

На встрече читали стихи Андрея Романова, свои стихи, пели песни молодые исполнители. Литературный вечер удался.

Мне повезло, возможно, больше других: я познакомился с замечательным прозаиком Николаем Ивановичем Тропниковым. Удивительный человек, просто фантастический собеседник. Мы с ним пешком прошли до остановки метро, непрерывно о чём-то разговаривая, то и дело останавливаясь. Затем сидя в подземке, долго болтали о жизни, как давно знакомые люди, как добрые друзья, которые давно не виделись. Мы с ним действительно давно не виделись, вот и накопилось... А дома уже поздним вечером я нашёл в интернете публикацию Николая во «Втором Петербурге». Приведу начало его рассказа, и вы поймёте, почему я не мог остановиться, пока не прочёл до конца. Будто чистой водицы из колодца испил, будто росую умылся...

«Помню, будто меня ещё нет, я только приближаюсь – и вот возникаю сам перед собой и уже бегу, почти лечу, или даже парю, чувствуя в душе одновременно и ликование, и грусть. Бегу с букетом цветов, видя на лице своём смущённую улыбку, озабоченный тем, что цветы, которые я кому-то несу, усталые, что ли, помятые, и я мучаюсь этим, и оправдываюсь про себя, и не могу объяснить, почему они не свежие и не те, которые нужны бы мне для этой

встречи. Но я всё-таки бегу радостно, чувствуя, что мне простят, бегу будто у всей земли на виду, и все понимают, куда я спешу и почему радостный, и лица оборачиваются в мою сторону, улыбаются, и я слышу голоса: «Видите, он туда бежит», – и сочувствуют мне, и вроде сами хотят со мной, но уходят в другую сторону...»

Валерий Михайловский

* * *

22 октября в библиотеке №5 Василеостровского района состоялось замечательное мероприятие, посвящённое 30-летию нашего любимого журнала «Второй Петербург». На сегодняшний день это один из самых интересных и актуальных литературно-художественных журналов нашего города. Все его авторы, а также сам редакторский коллектив, во главе с литературоведом и неутомимой труженицей Валентиной Александровной Рыбаковой – высочайшие профессионалы, вдохновенные и творческие люди. Юбилей журнала был отмечен в яркой и праздничной обстановке, мы услышали выступления старшего научного сотрудника Литературного музея «XX век» Марии Сергеевны Инге-Вечтомовой, педагога и библиотекаря Нины Ивановны Симоновой, писателя, врача и этнографа Валерия Михайловского, писателя Николая Ивановича Тропникова и многих других авторов и друзей журнала. В этот же день состоялась и презентация его летне-осеннего номера.

Что же касается моей личной истории, то первая публикация моих стихотворений состоялась в журнале «Второй Петербург» в 2015 году. Открыв журнал, я познакомилась с поэзией Андрея Владимировича Романова и была ею очарована. Оказалось, что поэт и учредитель этого журнала Андрей Владимирович Романов – певец Расстанной улицы, Лиговского проспекта, Волковой деревни. Ему суждено было родиться, провести своё детство и юность в доме № 91 по Тамбовской улице. Все эти места для меня, как жительницы Фрунзенского района, тоже родные, и они оказались так прекрасно запечатлены в нашей отечественной поэзии. Городская и философская лирика Андрея Владимировича Романова – одно из величайших достояний нашей литературы и Санкт-Петербур-

га. Большая благодарность журналу, что на протяжении всех лет своей деятельности он держит высокую планку своих литературных, публицистических и историко-краеведческих публикаций, проявляя тем самым уважение не только к авторам, но и к читателям. Я же со своей стороны благодарна журналу за публикацию моих краеведческих статей об утраченных храмах Волкова кладбища, – это удивительной красоты Успенская церковь и возведённый в русско-византийском стиле храм Спаса Нерукотворного образа. Также журнал «Второй Петербург» публикует репортажи, обзоры и статьи о деятельности библиотек Фрунзенского района, в отделе развития которых я работаю; пишет о мероприятиях, посвящённых памяти Андрея Владимировича Романова, устраиваемых в наших библиотеках.

С юбилеем, любимый журнал! И до следующих встреч на его страницах!

*Специалист отдела развития
и культурно-выставочной деятельности
ЦБС Фрунзенского района,
куратор музея Купчино и один
из участников проекта «Второй Петербург»
Рената Зафаржановна Платэ*

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ НЕПРЯДВЫ (ВТОРОЙ СЕЗОН)

В храмах отзвенел пятничный вечерний парастас, и на бескрайние просторы России опустилась Дмитриевская родительская суббота, заповеданная нам Игуменом всяя Руси – Сергием Радонежским.

В это время в помещении Актового зала Института славянской культуры РГУ им. Косыгина в Москве завершился второй сезон, ставшей ежегодной, Всероссийской Премии «Белые крылья Непрядвы», учреждённой ассоциацией «Лермонтовское наследие» (президент М. Ю. Лермонтов-младший) и руководством института (директор – М. В. Юдин).

Теперь в премии уже 4 номинации, а победитель первого сезона, главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век» Андрей Шацков стал председателем жюри премии в номинации «Поэзия», вручив главные призы её победителям – Юрию Щербакову из Астрахани, за книгу «И снова мы на Поле Куликовом», а также москвичке Нине Поповой за книгу «Солдатка-Россия».

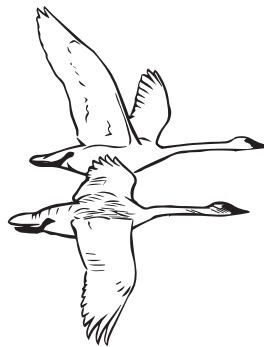
Победители в номинации «Музыка» Николай Рябуха (певец), Евгений Ивашкевич (композитор), Жанна Габова (композитор) представили гостям композиции на стихи А. Блока, С. Есенина, В. Дударева.

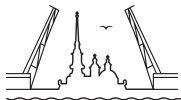
Гордость нашего живописного цеха – художник Виктор Маторин, получил главный приз за портрет «Святой благоверный великий Московский князь Дмитрий Донской» и серию картин, представленных на экспозиции музея-заповедника «Куликово поле», а также просьбу члена Общественного совета премии, директора литературного музея им. Ф. И. Тютчева «Овстуг» Оксаны Шейкина о написании портрета легендарного родоначальника Тютчевых – Захария, возглавившего накануне сражения посольство Дмитрия Донского в орду и по существу выполнившего роль представителя княжеской «службы внешней разведки».

Был среди присутствующих, ещё один директор – Музея одной книги «Слово о полку Игореве» Алексей Патшин, ставший лауреатом премии.

Великий Александр Блок считал, что «...событиям (Куликовской битвы) суждено возвращение. Разгадка их ещё впереди». Именно поэтому Общественный совет премии принял решение об учреждении в 2025 году номинации «Культурологическое исследование» Её победителями стали учёные-историки: Константин Аверьянов, Светлана Гусева, Константин Белый.

Вручение наград, сопровождалось красочным концертом, который подготовила и вела ответственный секретарь жюри премии, сотрудник института Марианна Дударева.

* * *

12 ноября, в рамках конференции «Красота в деталях», прошёл День монументального искусства. Встреча проходила во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте им. А. П. Карпинского и объединила представителей Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП), Комитета по градостроительству и архитектуре, Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИК, Союза реставраторов Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского Союза художников, проекта «Ленинград монументальный», Центра градостроительного анализа и нормативно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), АНО «Центр развития городской среды Новгородской области», а также архитекторов, художников, реставраторов, кураторов и исследователей монументального искусства.

Обсуждались ключевые вопросы сохранения, изучения и актуализации художественного наследия Петербурга. Особое внимание было уделено монументальному искусству в городской среде – его роли как носителя культурной и исторической памяти и идентичности города. Участники говорили о значении монументального искусства

тальных произведений как неотъемлемой части архитектурной составляющей Петербурга и об их месте в городской среде.

Также обсуждались вопросы учёта, содержания и инвентаризации произведений монументального искусства – как важнейшего звена системного подхода к охране культурного наследия, принципы взаимодействия органов власти и профессиональных сообществ, создание цифровых реестров и нормативно-правовых механизмов, регулирующих сохранение монументальных объектов.

Таким образом, День монументального искусства стал не просто частью конференции «Красота в деталях», но самостоятельной профессиональной платформой, объединившей исследователей, художников и представителей государственных институтов в диалоге о будущем монументального наследия Петербурга.

Художественный редактор журнала «Второй Петербург» и соавтор проекта «Ленинград Монументальный» Анастасия Евменова выступила с докладом «Создание музеев под открытым небом как способ защиты монументального наследия советского периода и как форма сохранения исторической памяти», в котором была представлена концепция «музея под открытым небом» как инструмента сохранения советского монументального искусства, а также кратким обзором Манифеста художника-монументалиста Владимира Михайлова, посвящённого кураторским, правовым и законодательным подходам о взаимодействии между городом и художниками-монументалистами.

УДК829

ББК84 (2Рос=Рус)6-5

В 87

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ – № 3 (58)/2025

Литературно-художественный и публицистический журнал

Современная проза, поэзия, критика и литературоведение
писателей Санкт-Петербурга и России.

Данное периодическое печатное издание не является коммерческим, в нём допускается свободное использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется.

Свидетельство о регистрации журнала:

ПИ № ТУ 78-00325 от 15 июня 2009 года.

Учредители: Романов А. В., Рыбакова В. А.

Некоммерческое благотворительное издание
при поддержке литературного фонда «Дорога жизни».

Свидетельство Минюста РФ от 26.01.2009 г.

и Свидетельство ФНС серии 78 № 007099221 от 19.01.2009 г.

Адрес редакции:

190103, СПб, Рижский пр. д. 34, оф. 3.

E-mail: ligovka1945@yandex.ru.

<http://vk.com/2Peterburg>

www.vtoroyepeterburg.ru

© Коллектив авторов. 2025

© Евменова А. А., вёрстка, дизайн

© Евменовы Анатолий, Галина обложка

ISBN 978-5-906708-81-6

Подписано к печати 20.11 2025. Формат 60x90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 14,5. Тираж 100
Заказ 17853.

***

Отпечатано в типографии «Эталон»
Санкт-Петербург, ул.
Телефон/факс: